

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 2 (64) 2023

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-2>

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Табарев А.В., Еремеева Е.А.** Технологический и социальный аспекты эксплуатации обсидиана в древних и традиционных культурах Пасифики (на примере орудий с насадом (*mata'a*) с острова Пасхи).....5
- Слободин С.Б., Зеленская А.Ю.** Исследования стоянки Бурхала на Верхней Колыме в 2018–2020 гг. 15
- Сулейманов А.А.** Из истории этнических процессов на территории Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия).....32
- Хаховская Л.Н.** Морской зверобойный промысел Чукотки в советское время: этнографический аспект.....42
- Березницкий С.В.** Современное декоративно-прикладное и сценическое искусство коренных народов Амура и Сахалина как компоненты этнокультурной идентичности.....55

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Хисамутдинов А.А., Гао Мингью** Основные направления деятельности Торгового дома «И.Я. Чурин и К°» в Китае.....69
- Роман Л.Г.** *Бхавана* как принцип толкования Вед в *мимансе*.....76

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Устюгова О.А.** Регулирование торговли огнестрельным оружием на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. 86
- Осипова М.В.** Экспедиции В.К. Арсеньева в Северо-Восточную Азию в качестве государственного чиновника.....97
- Акулич Г.А.** Конструирование идентичностей в советском идеологическом дискурсе о Конституции 1936 г. (по материалам региональной печати).....108

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Подольский В.А.** Учения Ф.Р. де Ламенне и Ф. Ле Пле: два подхода к социальной политике во французской политической философии XIX в. 117
- Черновицкая Ю.В.** Социально-правовые аспекты глобальных исследовательских инфраструктур.....128

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 01.06.2023. Дата выхода в свет 28.06.2023.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 16,63. Тираж 300 экз. Заказ 195.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 2 (64) 2023

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-2>

TABLE OF CONTENTS

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Tabarev A.V., Ereemeeva E.A.** Technological and social aspects of the use of obsidian in the ancient and traditional cultures of the Pacific (the case of stemmed obsidian tools (*mata'a*) on Easter Island).....5
- Slobodin S.B., Zelenskaya A.Yu.** Studies of the Burkhalala site on the Upper Kolyma, 2018–2020.....15
- Suleymanov A.A.** From the history of ethnic processes on the territory of Khangalassky District of Sakha Republic.....32
- Khakhovskaya L.N.** Marine mammal hunting in Soviet Chukotka: ethnographic aspect.....42
- Bereznitsky S.V.** Modern decorative arts and stagecraft of the Amur and Sakhalin indigenous peoples as components of ethnocultural identity.....55

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Khisamutdinov A.A., Gao Mingyue.** The main activities of I.Y. Churin & Co. Trading House in China.....69
- Roman L.G.** *Bhāvanā* as a principle of Vedic interpretation in *Mīmāṃsā*.....76

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Ustyugova O.A.** Regulation of firearms trade in the Russian Far East in the second half of the XIXth – early XXth century.....86
- Osipova M.V.** Vladimir Arseniev's expeditions to Northeast Asia as a government official.....97
- Akulich G.A.** Constructing the identities in the Soviet ideological discourse on the 1936 Constitution: the case of regional press.....108

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Podolskiy V.A.** The theories of Félicité de Lamennais and Frédéric Le Play: two approaches to social policy in French political philosophy of the XIXth century.....117
- Chernovitskaya Yu.V.** Social and legal aspects of global research infrastructures.....128

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:

F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922

Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)

E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:

DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/

E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 902

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-2/5-14>

А.В. Табарев, Е.А. Еремеева*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ОБСИДИАНА В ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ ПАСИФИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОРУДИЙ С НАСАДОМ (*МАТА'А*) С ОСТРОВА ПАСХИ)**

В статье проводится технологический анализ обсидиановых артефактов с насадом (*мата'а*), известных по этнографическим сборам и археологическим исследованиям на острове Пасхи (Полинезия). Авторы рассматривают модели культурной передачи технологии изготовления в условиях экстремальной изоляции, а также социальный аспект использования вулканического стекла в контексте престижной экономики, ритуала и декоративного искусства в древних и традиционных культурах тихоокеанского бассейна.

Ключевые слова: тихоокеанская археология, остров Пасхи, обсидиан, орудия с насадом, *мата'а*, островная изоляция

Technological and social aspects of the use of obsidian in the ancient and traditional cultures of the Pacific (the case of stemmed obsidian tools (*mata'a*) on Easter Island). ANDREY V. TABAREV (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), EKATERINA A. EREMEEVA (Far Eastern Federal University)

The article provides a technological analysis of obsidian stemmed tools (*mata'a*), known from ethnographic collections and archaeological research on Easter Island (Polynesia). The authors examine the models of cultural transfer of lithic technology under island isolation, as well as the social aspect of the use of volcanic glass in the context of gift-giving economy, ritual and decorative art of the ancient and traditional cultures of the Pacific basin.

Keywords: Pacific archeology, Easter Island, obsidian, stemmed tools, *mata'a*, island isolation

---

* ТАБАРЕВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: olmec@yandex.ru

ЕРЕМЕЕВА Екатерина Андреевна, магистрант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: eremeeva.ea@dvfu.ru

© Табарев А.В., Еремеева Е.А., 2023

** Работа выполнена в рамках проекта госзадания № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Рис. 1. Расположение острова Пасхи

Введение

Чуть более 300 лет назад – в день Святой Пасхи 5 апреля 1722 г. – экспедицией голландского мореплавателя Якоба Роггевена в южной части Тихого океана был обнаружен неизвестный ранее остров, который получил свое название в честь христианского праздника¹. Он и сегодня является самым удаленным населенным островом в мире (Рис. 1). Его площадь – около 164 км², расстояние до континентального побережья Чили на востоке составляет 3 514 км, а

до ближайшего населенного острова на западе в архипелаге Питкэрн – 2 075 км. Первоначальное заселение острова Пасхи (на полинезийском языке – Рапа Нуи) произошло в X–XI вв. н.э. Палеодемографические реконструкции позволяют предполагать, что на пике культурного развития – в XVI–XVII вв. – численность населения составляла 10–15 тыс. человек, но из-за экологической катастрофы, спровоцированной экстенсивным природопользованием, и межгрупповых конфликтов ко времени прибытия первых европейцев в XVIII в. она сократилась до 2 тыс. человек [2, с. 203].

Наиболее яркими и эффектными проявлениями культуры острова Пасхи являются монолитные каменные скульптуры *моаи*, которых насчитывается более 800, миниатюрные деревянные скульптуры *моаи кавакава*, пиктогра-

¹ Этой знаменательной дате в 2022 г. была посвящена целая серия международных мероприятий – например, выставка в чилийской судоходной компании CSAV (Compañía Sud Americana de Vapores), а также X международная конференция «Conference on Rapa Nui (Easter Island) and the Pacific» (19–24 июня) в г. Лейден.

Рис. 2. Примеры *мата'а* (артефактов с насадом) из археологических комплексов Рапа-Нуи [8, р. 2252]

фическая письменность *кохау ронго-ронго*, а также петроглифы с изображением «человека-птицы» *тангата ману* [5]. Именно их описанию и анализу посвящена основная часть научной литературы. Гораздо меньше внимания уделено орудиям из обсидиана (вулканического стекла), которые широко использовались обитателями острова. Наиболее распространенными являются *мата'а* (*mata'a*) – изделия на крупных отщепях с достаточно простой краевой или фасиальной обработкой, с характерным узким черешком/насадом, оформленным рядом с ударным бугорком (Рис. 2).

Несмотря на внешнюю простоту и даже кажущуюся небрежность изготовления *мата'а* представляют очевидный исследовательский интерес с точки зрения специфики технологии обработки обсидиана в условиях, с одной сторо-

ны, богатой и легкодоступной сырьевой базы, а с другой – островной изоляции, вне сети обменных контактов, свойственных для эксплуатации вулканического стекла на большей территории Океании (Полинезии, Меланезии) и тихоокеанского бассейна в целом [8, р. 2553].

***Мата'а* острова Пасхи по данным этнографии и археологии**

На острове Пасхи известны четыре источника обсидиана риолитового состава (Рис. 3), все они расположены в юго-западной части острова (Маунга Орито, Моти Ити, Рано Кау I и II) [13, р. 108], все с одинаковой степенью интенсивности эксплуатировались на протяжении всей ранней истории (до открытия острова европейцами в 1722 г.). На рапануйском языке «*мата'а*» значит «наконечник», а словосочетание

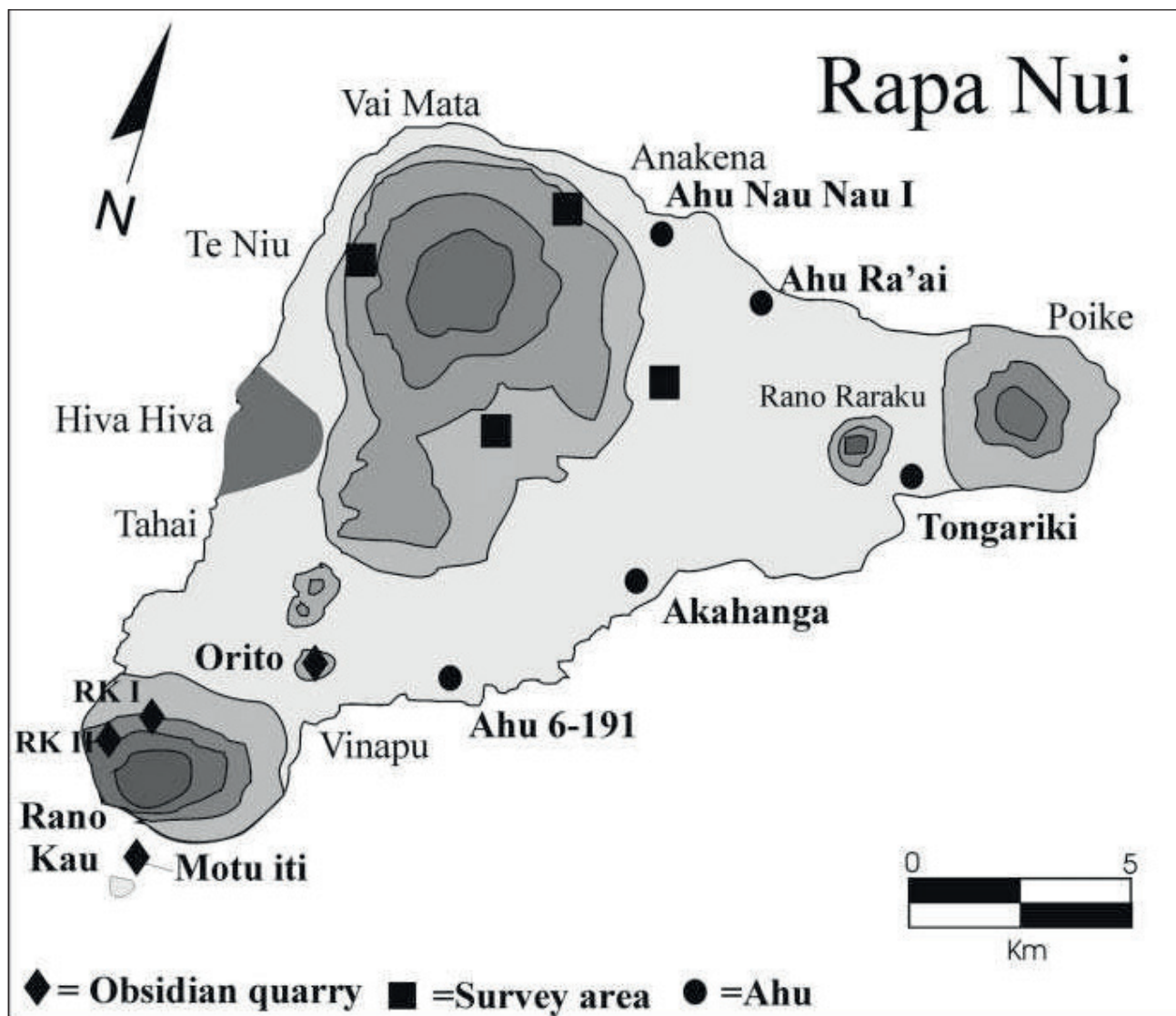

Рис. 3. Расположение обсидиановых каменоломен на острове Пасхи [13, p. 110]

«*маеа мата'а*» можно понимать как «наконечник из местного обсидиана» [11, p. 367].

Первое документальное упоминание о *мата'а* встречается в судовом журнале капитана корабля голландской экспедиции 1722 г. К. Боумена и связано с действиями рапануйцев во время приема пищи: они «нарезали бананы маленькими инструментами из черного камня» [7, p. 8]. К. Боумен также отмечает, что при первом контакте жители Рапа Нуи приблизились к европейцам без какого-либо оружия в руках. Дж. Кук, в свою очередь, впервые отнес *мата'а* к вооружению островитян, назвав обсидиановые артефакты «наконечниками копий» [7, p. 10]. В 1870 г. Дж. Палмер описал бытовое использование отщепов из обсидиана следующим образом: «Островитяне очень ловко сплетают траву и вырезают дерево с помощью осколков обсидиана» [11, p. 368]. В 1919 г. К. Рутледж издала

книгу, названную «Тайна острова Пасхи», в ней она использует слово «*spearpoint*» по отношению к *мата'а*, также придерживаясь мнения об орудиях с насадом как об оружии [7, p. 11].

На сегодняшний день *мата'а* присутствуют в археологических и этнографических коллекциях целого ряда музеев мира². Ценность этнографических *мата'а* состоит в том, что значительная часть из них сохранилась полностью, включая деревянные рукояти, что позволяет аргументировано реконструировать способ крепления и использования. В свою очередь, *мата'а*, полученные в ходе археологических исследований (в процессе подъемных сборов в различных частях острова, раскопок, а также

² Например, в коллекциях Музея им. Б.П. Бишоп (г. Гонолулу, США), Манчестерского музея (г. Манчестер, Великобритания), Антропологического музея отца Себастьяна Энглера (о. Пасхи, Чили).

непосредственно на месторождениях вулканического стекла), являются основным источником технологических реконструкций.

Последовательность изготовления *мата'а* предусматривает выбор подходящей конкреции обсидиана и получение крупных отщепов посредством ударной техники с помощью каменных (галечных) отбойников. Никакой предварительной подготовки конкреций при этом не зафиксировано, никаких регулярных или аморфных нуклеусов в коллекциях нет, значительная часть отщепов сохраняет следы естественной корки (т.н. первичные отщепы). После этого отщепы подвергались незначительной модификации – на вентральной стороне редуцировались остатки ударного бугорка, края или часть дорсальной и вентральной поверхностей обрабатывались однорядной приострающей ретушью, на проксимальном конце заготовки ретушью или частичной шлифовкой оформлялся аккомодационный элемент – насад (черешок) для крепления в деревянной рукояти (Рис. 4). В результате получался инструмент подтреугольных, подпрямоугольных или овальных очертаний, что ни в коей мере не являлось признаком намеренной обработки, стандартизации и/или специализации орудий, а всего лишь результатом укрепления ретушью основного рабочего края. Размер *мата'а* по вертикальной оси варьируется от 3–4 до 20 см.

В исторических и этнографических источниках зафиксированы самые разные способы использования *мата'а* островными жителями – как в бытовом контексте, так и в межгрупповых конфликтах. Еще раз отметим, что изначально европейскими исследователями *мата'а* интерпретировались именно как оружие [9, р. 226].

В последнее время эта версия все чаще подвергается аргументированной критике. Так, например, произведенное Ф. Черч и Дж. Ригни в середине 1990-х гг. трасологическое изучение характера износа на большой серии обсидиановых орудий, материал для изготовления которых был получен в южной части острова, и их сравнение с экспериментальными эталонами позволило зафиксировать четкие признаки (заполировка, микроизнос), характерные для работы по дереву, скобления и резки органических материалов, обработки пищи, и, наоборот, отсутствие следов, возникающих при использовании обсидиановых изделий в качестве элемента вооружения (изломы при метании или сильном ударе). Обработка краев у наконечников или но-

Рис. 4. Пример крепления насада орудия в деревянной рукояти [7, р. 2]

жей, применяющихся для поражения противника, предполагает остроту, у *мата'а*, напротив, рабочий край модифицирован для того, чтобы максимально эффективно обрабатывать различные органические материалы без выкрашивания, с минимизацией возможного попадания мелких чешуек вулканического стекла в пищу.

Таким образом, вопросы, связанные с технологией изготовления *мата'а* и сферой их преимущественного использования, все более проясняются. Гораздо более сложным представляется вопрос о происхождении традиции изготовления *мата'а* на острове Пасхи и технологической эволюции данных орудий. Принимая во внимание длительную (начиная с 30 тыс. л.н.) традицию эксплуатации обсидиана в Меланезии и Западной Полинезии, логично предположить, что навыки обработки вулканического стекла (локализация его источников, приемы расщепления, изготовление орудий) и его использования в практических и декоративных целях были известны мигрантам на этапе первоначального заселения острова в IX–X вв. [4, р. 122]. В связи с этим любопытно обратиться к поиску аналогий рапануйским *мата'а* и орудийных ансамблям этой части Тасифики.

**По следам *мата'а*:
обсидиан в ритуальной
и декоративной практике
культур Океании**

Морфологически сходные с *мата'а* артефакты известны в Полинезии и Меланезии – на архипелаге Питкэрн, на Маркизских островах и далее, вплоть до Новой Гвинеи. В публикациях упоминаются изделия из обсидиана, сланца и кремнистых пород [3], найденные на памятниках с возрастом от 10 тыс. л.н. Особый интерес представляют инструменты из вулканического стекла со специфическими функциями (например, используемые для нанесения татуировки) [1, с. 8] или выполненные с исключительным мастерством, предполагающим их использование в сфере ритуала, обмена, в формате престижной экономики [14, р. 132].

Показательна в этом контексте находка, сделанная в 1999 г. во время осмотра частично разрушенного строительными работами местонахождения Боку Хиллз на острове Новая Британия (Архипелаг Бисмарка). Наличие в разрезе шурфов нескольких последовательных слоев вулканического пепла позволяет датировать памятник в диапазоне от 5,9 кал. тыс. л.н. до примерно 1500 г. н.э. Среди собранных археологических материалов присутствует несколько фрагментов керамики с зубчатым штампом, характерным для культурной традиции лапита (3,6–2,5 кал. тыс. л.н.), а также изделия из местного высококачественного обсидиана, источники которого (Kutau/Bao) находятся примерно в 30 км севернее памятника [15, с. 164].

Обсидиановые изделия, по наблюдениям специалистов, происходят из горизонта, предшествующего традиции лапита (5,9 – 3,6 кал. тыс. л.н.). Они представлены отщепами, обломками, а также тремя орудиями с выделенным насадом/черешком. Параметры – 5,6 x 3,2 см (пластинчатый отщеп в качестве заготовки), 18 x 13 см (крупный отщеп), и 10,7 x 12,9 см (крупный отщеп), для всех предусматривается крепление в рукояти или на древке. Два первых инструмента являются типичными многофункциональными орудиями (близкими к *мата'а*) из разных размерных групп. Для нашего сюжета важен третий артефакт (коллекционный номер FABN-M002): его отличает тщательный выбор заготовки, высочайший уровень фасальной обработки обеих поверхностей и насада, а также намеренное придание изделию особой симметричной формы, использование его в

качестве «жезла» или «навершия» [15, р. 165] (Рис. 5). Все это позволяет диагностировать его принадлежность к артефактам «неутилитарного» назначения, его использование в сфере ритуальной практики, что предполагает публичное экспонирование, демонстрацию мастерства изготовителя, престижа владельца, особой ценности при заключении союзов, проведении праздников и церемоний.

Очевидно, что подобные изделия (наряду, например, со шлифованными топорами) играли особую роль в системе обмена между прибрежными частями Новой Гвинеи, Архипелагом Бисмарка, Новой Ирландией и другими островными территориями Меланезии уже в эпоху раннего голоцена (начиная с 11–10 тыс. л.н.) [6, р. 62]. С позиции технологического анализа важно зафиксировать, что из высококачественного обсидиана производились как инструменты повседневного назначения (преобладание функциональности над дизайном), так и изделия неутилитарного назначения (преобладание дизайна над практической функцией).

Именно это обстоятельство, по нашему мнению, и определяет особенность простой морфологии орудий *мата'а* на острове Пасхи: изолированность острова, отсутствие контактов и обменов редуцируют значение вулканического стекла до сырья, использовавшегося почти исключительно для производства орудий повседневного бытового цикла, его ценность и важность для престижной экономики пропадает.

«Престижный» тренд в культуре острова Пасхи реализуется через монументальную скульптуру и архитектуру, через изготовление уже упоминавшихся выше каменных *моаи* и деревянных *кавакава*³. Примечательно, что в их оформлении применялся и обсидиан, но уже в качестве декоративного элемента. Так, обработанные по краю для придания овальной формы отщепы из черного вулканического стекла в комбинации с белым кораллом или птичьими костями использовались для наделения каменных статуй *моаи* глазами. Некоторые специалисты полагают, что существовал даже особый ритуал «открытия и закрытия (удаления) глаз» при установке *моаи* на платформах или в специальных местах [5, р. 39].

Сходная традиция оформления глаз – белые кораллы, раковина, птичьи кости и черный обсидиан – прослеживается и при украшении де-

³ Деревянные статуэтки имеют различные названия: *моаи каваква*, *моаи аринга*, *моаи папа*.

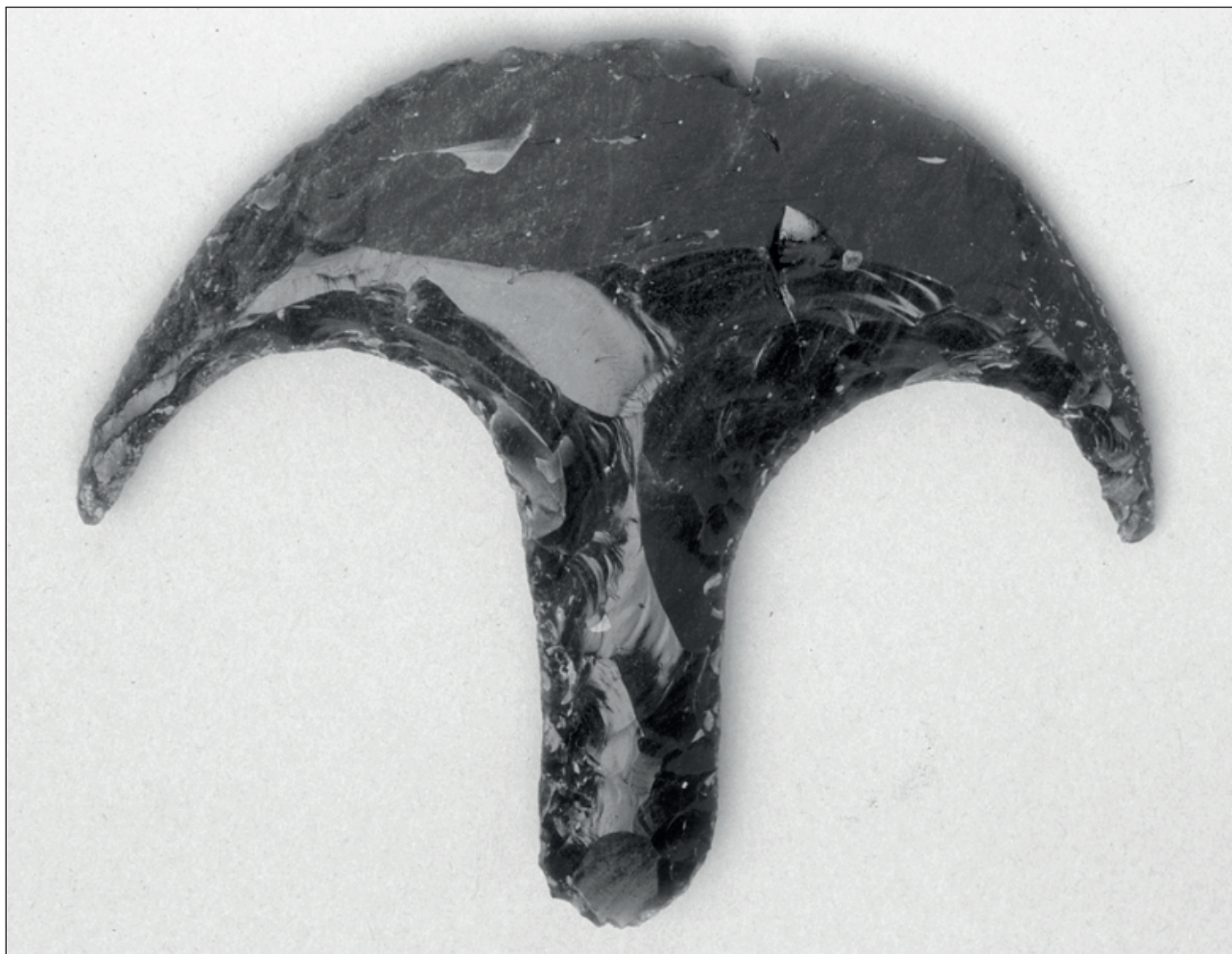

Рис. 5. Артефакт с насадом FABN-M002. Длина 10,7 см. Фото П. Овендена [14, р. 166]

ревянных антропоморфных скульптур [10, р. 7] (Рис. 6). Например, в Этнографическом музее г. Буэнос-Айрес (Аргентина) хранится коллекция деревянных скульптур с острова Пасхи, переданных в дар Академией философии и литературы Сантьяго-де-Чили и Музеем естественных наук Бернардино Ривадавии в первой половине XX в. [12]. У одной из скульптур правый глаз имеет типичные вставки из кости и обсидиана, а зрачок левого глаза сделан из европейской ткани. Использование ценной для рапануйцев ткани, вероятно, представляло собой сознательное решение со стороны создателя фигурки и было попыткой придать таким образом изделию часть предполагаемой силы европейцев за счет включения этого материала наравне с обсидианом [5, р. 15].

Заключение

Таким образом, обращение к археологическим материалам острова Пасхи позволяет наглядно продемонстрировать целый ряд важных технологических и социальных аспектов экс-

плуатации обсидиана в древних и традиционных культурах Тихоокеанского бассейна.

Обсидиановая индустрия представлена простой, но эффективной технологией безнуклеусного расщепления местного легкодоступного вулканического сырья среднего и высокого качества для получения отщепов с их последующей модификацией в орудия. Значительную часть этих орудий можно отнести к *mata'a* – составным инструментам (рабочая часть и рукоять) с широким функциональным диапазоном работы (резание, скобление и т.д.) с органическими и неорганическими материалами (Рис. 7). Несмотря на общую деталь – выделение черешка/насада для крепления – назвать *mata'a* специфическим типом орудий нельзя, они не обладают необходимым набором устойчиво повторяющихся признаков.

Mata'a – инструменты для ежедневного, бытового использования, что подтверждается и экспериментами, и трасологическим анализом. Версия об их применении в качестве вооружения в межгрупповых конфликтах на

Рис. 6. Моаи тангата, XIX в.
Дерево, обсидиан, кость. Высота 40,6 см.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк [5, р. 52]

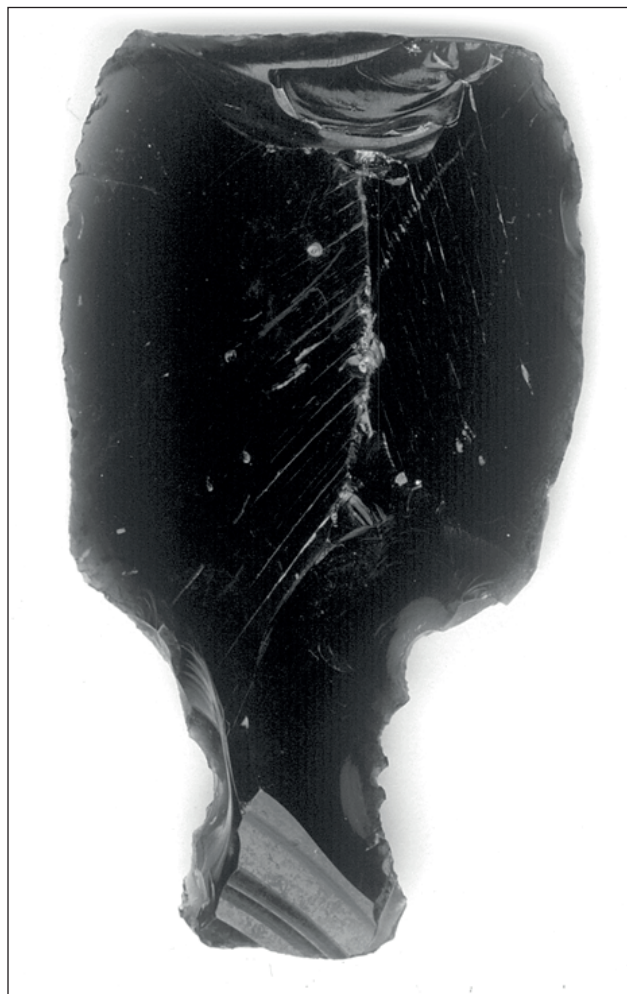

Рис. 7. Артефакт с насадом FABN-M001.
Длина 5,6 см. Фото Р. Торренса [14, р. 167]

сегодняшний день не подкреплена вескими аргументами.

Наряду с отсутствием необходимости в более сложных техниках расщепления с использованием нуклеуса (пластинчатых, микропластинчатых) вулканическое стекло на острове Пасхи в силу изоляции изначально не фигурировало в качестве стратегического элемента в торгово-обменных контактах и сырья для производства предметов неутилитарного назначения – изделий, требующих высокого мастерства исполнения и имеющих исключительную престижную значимость. Этот важный социальный аспект эксплуатации вулканического стекла хорошо иллюстрируется археологическими материалами памятников Меланезии и Западной Полинезии, начиная с раннего голоцена – 11–10 тыс. л.н.

Тем не менее, в культуре населения острова Пасхи обсидиан сохранял декоративные и, возможно, некоторые магические свойства, о чем свидетельствует его использование в украшении каменных и деревянных скульптур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова А.Р., Ковалева Н.Н., Табаров А.В. Декоративные традиции в древних культурах тихоокеанского бассейна: орнаментика керамики лапита и полинезийская татуировка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 1. С. 5–13.
2. Ратцель Ф. Народоведение. СПб.: Просвещение, 1903.
3. Balfour, H., 1917. Some ethnological suggestions in regard to Easter Island, or Rapanui. *Folklore*, Vol. 28, no. 4, pp. 356–381.
4. Jones, K.L., 1981. New Zealand mataa from Marlborough, Nelson and the Chatham islands. *New Zealand Journal of Archaeology*, Vol. 3, pp. 89–107.
5. Kjellgren, E. ed., 2001. *Splendid isolation: art of Easter Island*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
6. Lagarde, L. and Sand, C., 2013. Simple technique, elaborate tools: Lapita flaked stone tools in New Caledonia. *University of Otago Studies in Archaeology*, no. 25, pp. 58–66.

7. Lassuy, M.G., 2017. Flake patterns on Rapa Nui's (Easter Island) stemmed obsidian tools (mata'a): a preliminary analysis of tool use. A thesis for Bachelor degree. Eugene: University of Oregon.

8. Lipo, C.P., Hunt, T.L. and Hundtoft, B., 2010. Stylistic variability of stemmed obsidian tools (mata'a), frequency seriation, and the scale of social interaction on Rapa Nui (Easter Island). *Journal of Archaeological Science*, 2010, Vol. 37, no. 10, pp. 2551–2561.

9. Lipo, C.P., Hunt, T.L. and Hundtoft, B., 2015. An analysis of stylistic variability of stemmed obsidian tools (mata'a) on Rapa Nui (Easter Island). In: Goodale, N. and Andrefsky, W. eds., 2015. *Lithic technological systems and evolutionary theory*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 225–238.

10. Ramirez-Aliaga, J.M., 2017. La colección Isla de Pascua del museo de historia natural de Valparaíso. URL: <https://www.mhnv.gob.cl/publicaciones/la-coleccion-isla-de-pascua-del-museo-de-historia-natural-de-valparaiso>

11. Ramirez-Aliaga, J.M., 2019. Rapanui mataa, a simple artifact with a complex history. In: *Easter Island and the Pacific: cultural and environmental dynamic*. Easter Island: Rapanui Press, 2019, pp. 367–381.

12. Schávelzon, D. and Igareta, A., 2016. Las esculturas de Rapa Nui (Isla de Pascua) en el Museo Etnográfico de Buenos Aires. In: *Easter Island archaeology: a tribute to Daniel Schávelzon on the 30th anniversary of the Center for Urban Archaeology at the University of Buenos Aires*. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2016, pp. 54–69.

13. Stevenson, C.M. et al., 2013. Prehistoric obsidian exchange on Rapa Nui. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, Vol. 8, no. 1, pp. 108–121.

14. Torrence, R., 2004. Pre-Lapita valuables in Island Melanesia. *Records of the Australian Museum*, supplement 29, pp. 163–172.

15. Torrence, R. et al., 2009. Mid-Holocene social interaction in Melanesia: new evidence from hammer-dressed obsidian stemmed tools. *Asian Perspectives*, Vol. 48, no. 1, pp. 119–148.

REFERENCES

1. Agapova, A.R., Kovaleva, N.N. and Tabarev, A.V., 2021. Dekorativnye traditsii v drevnikh kul'turakh tikhoookeanskogo basseina: ornamentika keramiki lapita i polineziiskaya tatuirovka

[Decoration traditions in the ancient cultures of the Pacific: Lapita pottery ornamentation and Polynesian tattoo], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 5–13. (in Russ.)

2. Ratzel, F., 1903. *Narodovedenie* [Anthropogeographie]. Sankt-Peterburg: Prosveshchenie. (in Russ.)

3. Balfour, H., 1917. Some ethnological suggestions in regard to Easter Island, or Rapanui. *Folklore*, Vol. 28, no. 4, pp. 356–381.

4. Jones, K.L., 1981. New Zealand mataa from Marlborough, Nelson and the Chatham islands. *New Zealand Journal of Archaeology*, Vol. 3, pp. 89–107.

5. Kjellgren, E. ed., 2001. *Splendid isolation: art of Easter Island*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

6. Lagarde, L. and Sand, C., 2013. Simple technique, elaborate tools: Lapita flaked stone tools in New Caledonia. *University of Otago Studies in Archaeology*, no. 25, pp. 58–66.

7. Lassuy, M.G., 2017. Flake patterns on Rapa Nui's (Easter Island) stemmed obsidian tools (mata'a): a preliminary analysis of tool use. A thesis for Bachelor degree. Eugene: University of Oregon.

8. Lipo, C.P., Hunt, T.L. and Hundtoft, B., 2010. Stylistic variability of stemmed obsidian tools (mata'a), frequency seriation, and the scale of social interaction on Rapa Nui (Easter Island). *Journal of Archaeological Science*, 2010, Vol. 37, no. 10, pp. 2551–2561.

9. Lipo, C.P., Hunt, T.L. and Hundtoft, B., 2015. An analysis of stylistic variability of stemmed obsidian tools (mata'a) on Rapa Nui (Easter Island). In: Goodale, N. and Andrefsky, W. eds., 2015. *Lithic technological systems and evolutionary theory*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 225–238.

10. Ramirez-Aliaga, J.M., 2017. La colección Isla de Pascua del museo de historia natural de Valparaíso. URL: <https://www.mhnv.gob.cl/publicaciones/la-coleccion-isla-de-pascua-del-museo-de-historia-natural-de-valparaiso>

11. Ramirez-Aliaga, J.M., 2019. Rapanui mataa, a simple artifact with a complex history. In: *Easter Island and the Pacific: cultural and environmental dynamic*. Easter Island: Rapanui Press, 2019, pp. 367–381.

12. Schávelzon, D. and Igareta, A., 2016. Las esculturas de Rapa Nui (Isla de Pascua) en el Museo Etnográfico de Buenos Aires. In: *Easter Island archaeology: a tribute to Daniel Schávelzon*

on the 30th anniversary of the Center for Urban Archaeology at the University of Buenos Aires. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2016, pp. 54–69.

13. Stevenson, C.M. et al., 2013. Prehistoric obsidian exchange on Rapa Nui. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, Vol. 8, no. 1, pp. 108–121.

14. Torrence, R., 2004. Pre-Lapita valuables in Island Melanesia. *Records of the Australian Museum*, supplement 29, pp. 163–172.

15. Torrence, R. et al., 2009. Mid-Holocene social interaction in Melanesia: new evidence from hammer-dressed obsidian stemmed tools. *Asian Perspectives*, Vol. 48, no. 1, pp. 119–148.

С.Б. Слободин, А.Ю. Зеленская*

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ БУРХАЛА НА ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЕ В 2018–2020 гг.

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о ходе древнейших этапов исторического развития Колымы на рубеже плейстоцена – раннего голоцена. Проведенные в 2018–2020 гг. раскопки стоянки Бурхала, открытой в верховьях реки Колымы, позволили пролить свет на один из аспектов данного вопроса и подтвердили факт распространения сумнагинской культуры на Колыме. В результате раскопок были получены аутентичные, ассоциируемые с сумнагинской культурой инситу материалы, установленный возраст которых по С-14 составляет 9300 л.н.

Ключевые слова: Верхняя Колыма, Северо-Восток Азии, мезолит, ранний голоцен, сумнагинская культура, сибердиковская культура

Studies of the Burkhala site on the Upper Kolyma, 2018–2020. SERGEY B. SLOBODIN, ALISA Yu. ZELENSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article discusses the controversial issue of the most ancient stages of the history of Kolyma at the turn of the Pleistocene – early Holocene. Carried out in 2018–2020, the excavations of the Burkhala site, discovered in the upper reaches of the Kolyma River, shed light on one of the aspects of this issue and confirmed the spread of the Sumnagin culture in the Kolyma. As a result of the excavations, authentic in situ materials associated with the Sumnagin culture were obtained, the age of which according to radiocarbon dating is 9300 years ago.

Keywords: Upper Kolyma, Northeast Asia, Mesolithic, Early Holocene, Sumnagin culture, Siberdikov culture

Введение

Сумнагинская культура была выделена в 1960-е гг. Ю.А. Мочановым [24; 26] в долине реки Алдан в Якутии на стоянках Сумнагин, Белькачи I, Усть-Тимптон, Дюктай, Билир, Усть-Миль, Верхнее-Троицкая и др. (Рис. 1).

В дальнейшем стоянки данной культуры были найдены и на Лене [12; 14]. Несмотря на присутствие ей мезолитические черты раннего голоцена Северо-Восточной Азии [14], он отнес ее не к мезолиту, а к «голоценовому палеолиту» [24], обосновывая это мнением А.Н. Ро-

---

* СЛОБОДИН Сергей Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: sslobodin@mail.ru

ЗЕЛЕНСКАЯ Алиса Юрьевна, научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: zelenskaya.mgd@yandex.ru

© Слободин С.Б., Зеленская А.Ю., 2023

гачева о преемственности палеолитических и мезолитических культур центральной части России (Русской равнины) [36, с. 10]. Выдвигаемые Ю.А. Мочановым в пользу этого тезиса аргументы не имеют достаточной полноты, во многом ошибочны и искажают суть гипотезы А.Н. Рогачева.

Набор каменных орудий этой культуры включает конические и призматические нуклеусы, ретушированные микропластинки, концевые скребки на пластинах и отщепях, резцы угловые (боковые) на пластинках, двусторонне оббитые овальные тесла и, возможно, полидрические резцы. Возраст культуры по серии С-14 датировок был определен в пределах 10500–6200 л.н. [14].

Открытие в 1970 г. в устье реки Колымы, на ее правом берегу, стоянок Пантелеиха I–VIII

и Пирс, где в смешанном с неолитическими материалами и недатированном по С-14 комплексе орудий были найдены конические и призматические нуклеусы, ретушированные микропластинки, концевые скребки, позволило А.Ю. Мочанову выдвинуть предположение о распространении сумнагинской культуры на Колыму, Чукотку и Камчатку [19; 26].

На Верхней Колыме в 1971–1976 гг. были исследованы стоянки Сибердик, Конго и Малтан, на материалах которых были выделены сибердиковская (9470–8200 л.н.), и, как ее заключительный этап, малтанская (7490±70 л.н.) культуры, позволяющие, по мнению Н.Н. Дикова, «пересмотреть неправильные представления Ю.А. Мочанова (1977) о распространении дюктайской, а затем и сумнагинской культуры до побережья Охотского

Рис. 1. Карта Северо-Востока Азии с указанием стоянок, рассмотренных в статье:
 1 – Бурхала; 2 – Верхнее-Троицкая; 3 – Усть-Миль; 4 – Дюктайская пещера; 5 – Белькачи I;
 6 – Билир; 7 – Сумнагин; 8 – Амга; 9 – МБА-3; 10 – Малтан; 11 – Буюнда III;
 12 – Хуренджа (Азамат), Уртычук IV; 13 – Сибердик; 14 – Конго; 15 – Пушкина II; 16 – Осетровка I;
 17 – Пантелеиха I–VIII; 18 – Жоховская; 19 – Тытыль I–III; 20 – Челкун IV; 21 – Путурак; 22 – Найван

моря и Берингова пролива, не говоря уже о Камчатке» [9, с. 97].

Сопоставление комплексов орудий сумнагинской и сибердиковско-малтанской культур позволяет определить их кардинальное отличие, которое состоит в отсутствии в первой бифасиальных орудий и наконечников, являющихся, по мнению Н.Н. Дикова [9], маркерами сибердиковской и малтанской культур. При этом в комплексах всех трех культур присутствуют ножевидные пластинки и конические нуклеусы.

Исследования, проведенные в 1980-е – 1990-е гг. на Нижней и Средней Колыме, не выявили там новых раннеголоценовых (мезолитических) стоянок и не дали дополнительных материалов или С-14 датировок с уже известных «сумнагинских» (?) стоянок [16; 19]. В верховьях долины реки Колымы в эти годы были открыты и исследованы только неолитические стоянки [39; 40].

К северу от долин рек Лена и Колыма, у края архипелага Новосибирских островов, на Жоховской стоянке фиксируется, по мнению В.В. Питулько, «арктический вариант (или фация) сумнагинской культурной традиции, время которой охватывает первую половину голоцена» [34, с. 121]. Своеобразие материалов стоянки, на наш взгляд, дает достаточно оснований для выделения особой жоховской культуры.

Дискуссия о культурной принадлежности мезолитических памятников Северо-Восточной Азии в целом и Колымы в частности, развернувшаяся с середины 1960-х гг. в статьях, диссертациях и монографиях, в своей активной фазе продолжалась до начала 2000-х гг. [4; 5; 7; 8; 9; 11; 15; 17; 18; 19; 23; 24; 26; 33; 34; 38; 39; 40; 44]. К этому времени стало очевидно, что аргументации сторон по вопросу вероятного распространения сумнагинской культуры в долине Колымы и противостоянии ей сибердиковской и малтанской культур исчерпали возможности теоретического решения этой проблемы. И хотя имелись косвенные данные о том, что сумнагинская культура, возможно, прошла рубеж Колымы, поскольку на Охотско-Колымском нагорье были найдены комплексы этой культуры [39], они могли попасть туда по континентальному Приохотью с Алдана, где были широко распространены. Путь туда идет по долинам рек Мая и Уля и отмечен стоянками в Приохотье – Амка [26] и БМА-3 [5]. Как точно подметил в аналогичной ситуации В.А. Кашин, «сложность проблемы очевидна и это не тот случай, когда без

дополнительных фактов, ... можно решить правоту одной спорящей стороны и ошибочность суждений другой» [15, с. 142].

Отсутствие новых материалов по мезолиту из долины реки Колымы создало в течение последних четырех десятилетий патовую ситуацию в дискуссии о противостоянии сумнагинской и сибердиковской (малтанской) культур на Колыме. Открытие и исследование в 2017–2020 гг. стоянки Бурхала на левобережье верховьев Колымы позволило, на основе новых данных об одном из этапов освоения людьми долины реки Колымы в раннем голоцене, получить окончательное решение указанной проблемы.

Стоянка Бурхала: результаты исследования

Стоянка открыта в ходе разведки в Сусуманском городском округе Магаданской области в верховьях р. Светлая, руч. Зоркий (правый приток р. Сусуман) и р. Левая Бурхала (приток р. Дебин), в 760 м к юго-западу от Бурхалинского перевала в районе пересечения его Колымской трассой, на высоте около 1030 м над уровнем моря (Рис. 1). Координаты стоянки: N 62°41' 46», E 148°49' 30».

Перевал находится в отрогах горной системы г. Морджот и хребтов Черго и Малый Аначаг с высотами 1800–2150 м. Здесь берут свое начало крупные реки левобережья Колымы – Дебин, Сусуман, Берелех. Значительные площади перевала раздернованы при прокладке дорог и под воздействием склоновых процессов (солифлюкция, делювиальный снос).

Обследование пологих поверхностей перевала привело к выявлению на неширокой седловине между руч. Зоркий и р. Светлая стоянки каменного века, получившей название «Бурхала». По седловине проходит слабо накатанная грунтовая дорога, уходящая в тупик.

Перевал в целом и седловина, где расположена стоянка, покрыты листовенничным редколесьем с одиночными листовенницами, зарослями стланика и березняка. Неразрешенные участки седловины покрыты ягелем, мхами, травянистой растительностью, составляющими дерновое покрытие ее рыхлых отложений.

Часть стоянки повреждена дорогой, и на ее поверхности был собран подъемный материал. На непотревоженной поверхности седловины, у края дороги, рядом с местом сбора подъемного материала были проведены раскопки на площади 5,5 кв. м.

Раскопки велись слоями мощностью до 10 см. Была определена стратиграфия стоянки (Табл. 1; Рис. 2). Она фиксирует наличие в рыхлых отложениях криогенных процессов, проявившихся в формировании морозобойных трещин, которые нарушили культурный слой и в которых аккумулировались углиستость и каменные изделия (отщепы, микропластинки, орудия) (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, далее – НОА ИА РАН. Зеленская А.Ю. Отчет об археологической разведке на стоянках ... Магаданской области в 2018 г., 2019 г.).

В ходе раскопок артефакты были встречены в основании серой супеси, в кровле светло-ры-

жей супеси и в больших количествах – в линзах (земляных жилах) морозобойного растрескивания. По образцам древесного угля из углистых линз в ассоциации с каменными орудиями получена С-14 дата – 9300±180 (МАГ–2262). Она уточняет ранее предполагавшийся возраст комплекса, который определялся в пределах «более 7 тыс. л.» [13, с. 251].

Каменный инвентарь стоянки представлен отщепами, пластинами, нуклеусами, пластинками, микропластинками и орудиями, в числе которых скребок, ретушированные микропластинки, резцы, долотовидное и тесловидное орудия (Рис. 3, 4; Табл. 2).

Таблица 1

Стратиграфия стоянки Бурхала

№	Описание слоя	Мощность
1	Почвенно-растительный слой	1–3 см
2	Супесь серая (мешана с гумусированной супесью)	5–6,5 см
3	Линзы углистости в эпигенетических морозобойных трещинах	0–21,5 см
4	Супесь светло-рыжая с щебенкой	4–6 см
5	Суглинок темно-рыжий с щебенкой (условный материк)	≥11 см

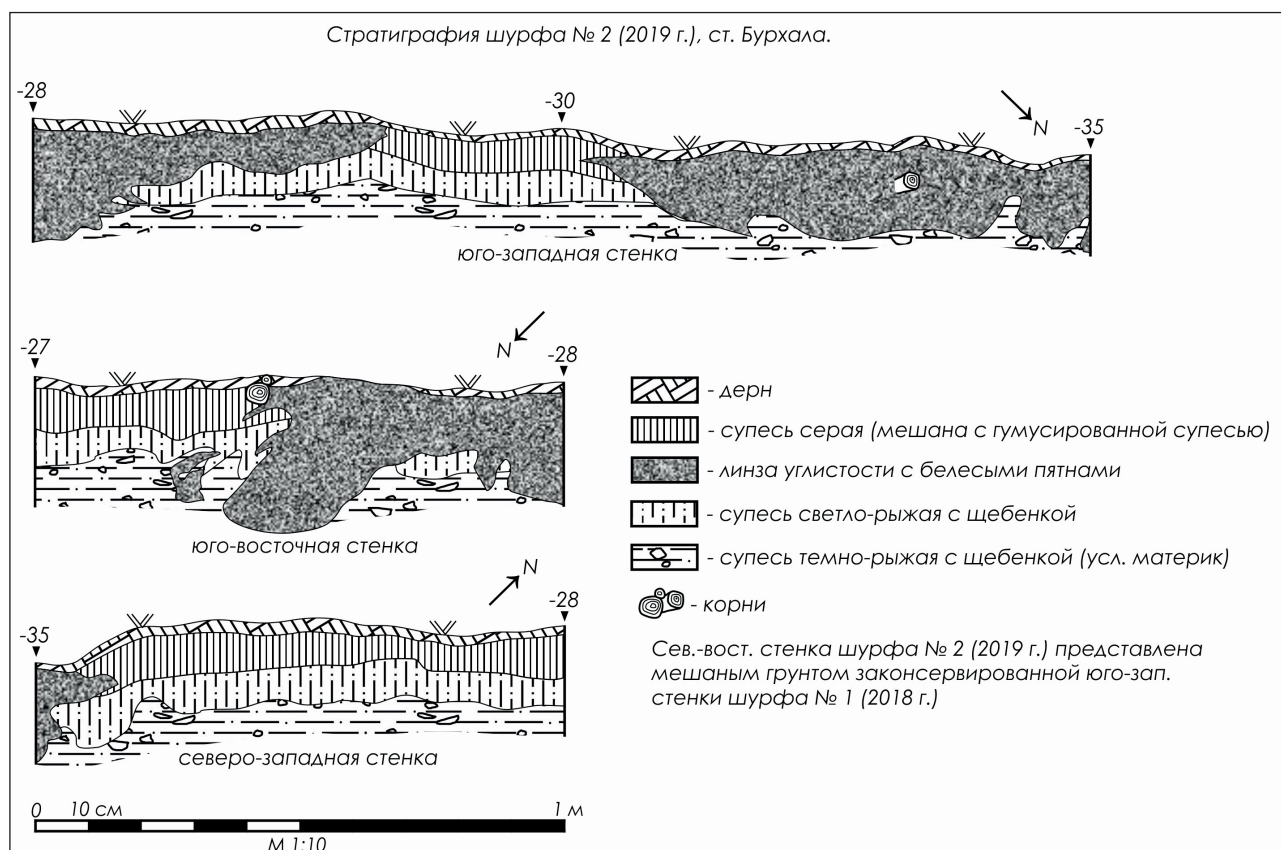

Рис. 2. Стратиграфия стоянки Бурхала

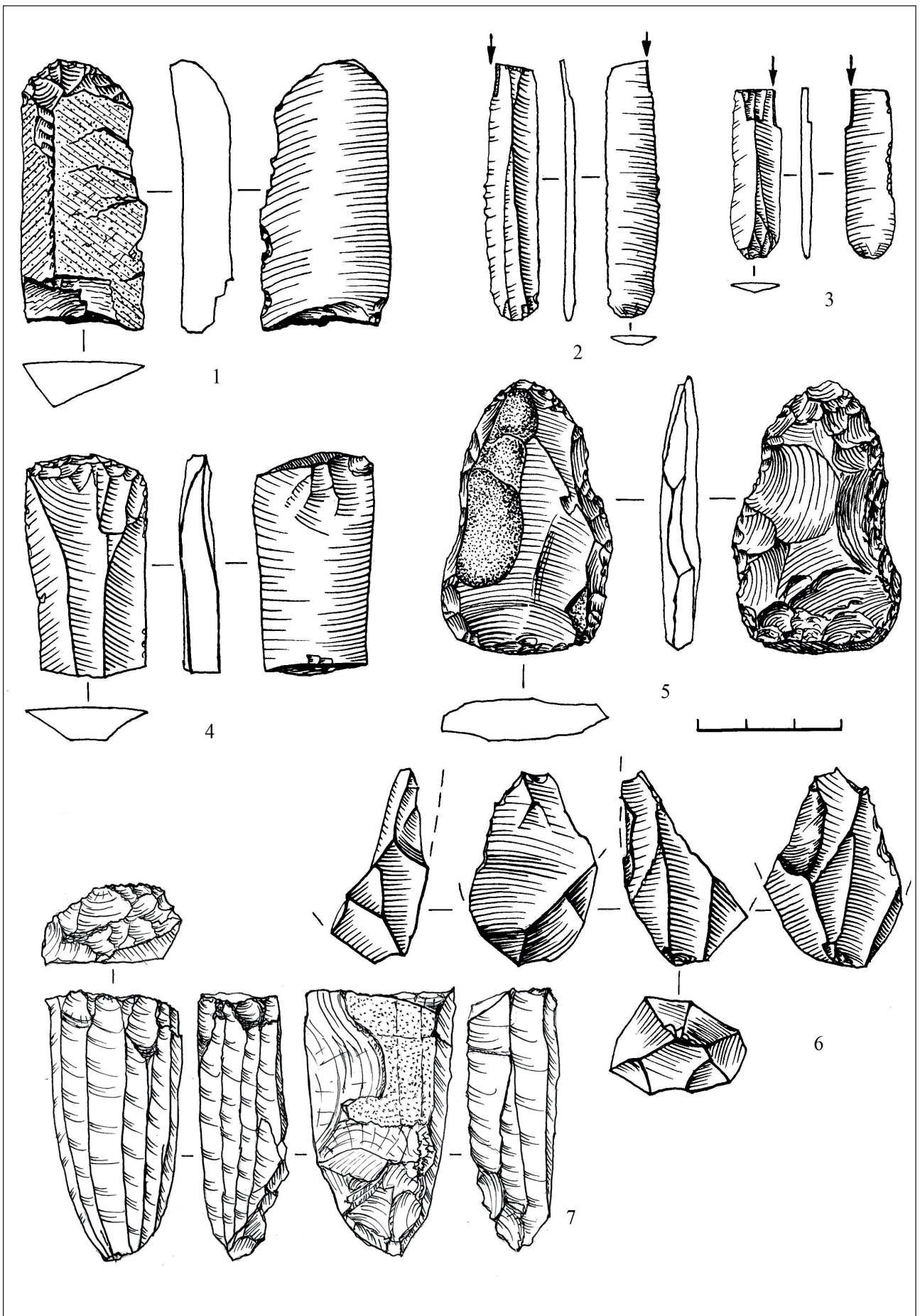

Рис. 3. Каменные орудия стоянки Бурхала

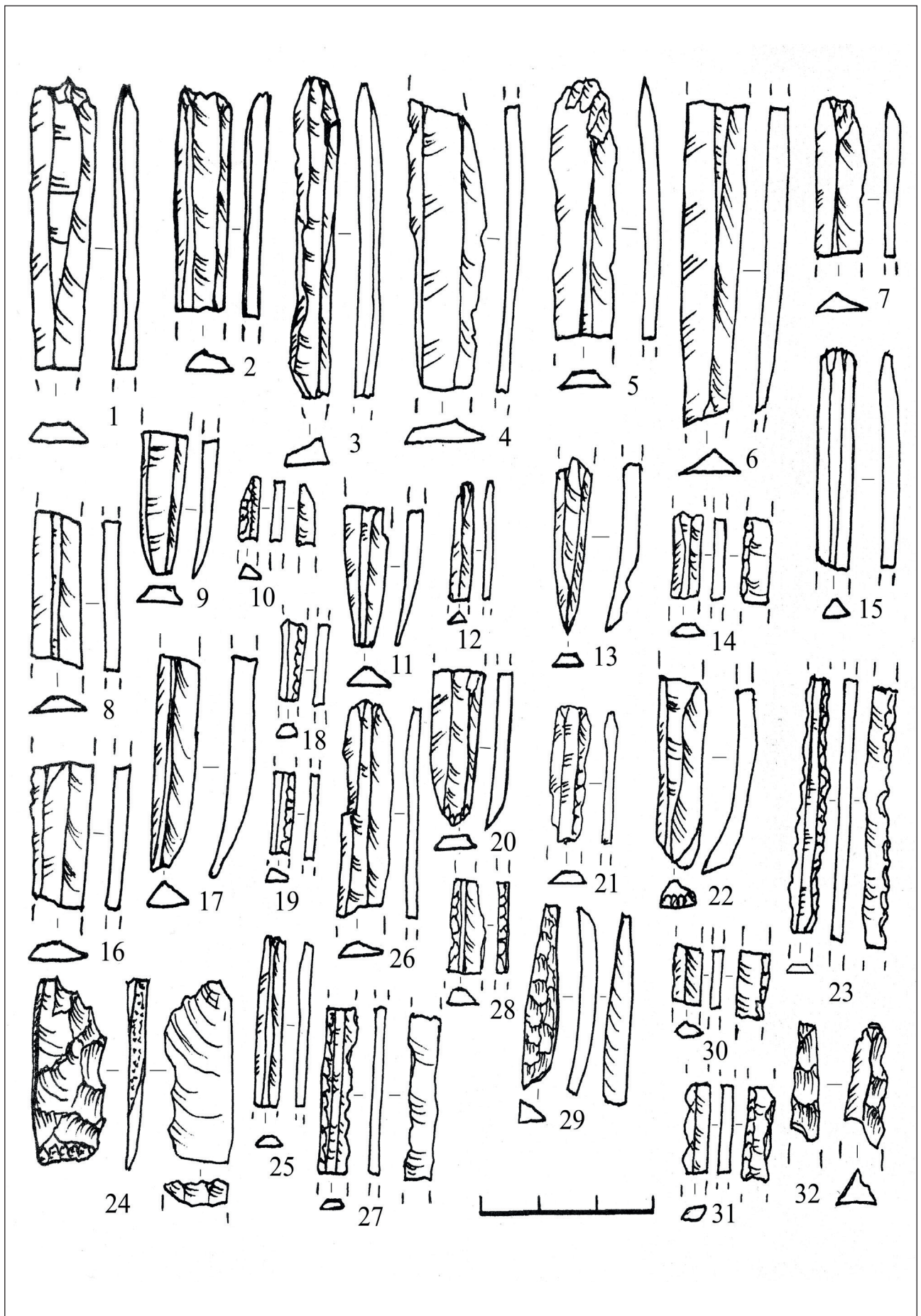

Рис. 4. Каменные орудия стоянки Бурхала

Характеристика каменной индустрии стоянки Бурхала

№	Наименование артефакта	Количество экземпляров, шт
1	Нуклеус	3
2	Пластинка (проксимальный / медиальный / дистальный фрагмент)	156 (68 / 72 / 16)
3	Пластина	2
4	Ножевидная пластинка-вкладыш ретушированная	13
5	Скребок	1
6	Тесловидное орудие	1
7	Долотовидное орудие	1
8	Резец (на пластинках)	3
9	Пластинчатый отщеп	4
10	Отщеп (мелкий / средний / крупный)	95 (62 / 30 / 3)
11	Чешуйка (до 0,5 см)	143
12	Ребристый скол	2
13	Скол	17
14	Резцовый скол	1
15	Скол подправки отжимной площадки нуклеуса	2
16	Фрагмент колотой кварц гальки	1
17	Неопределимый фрагмент	≈ 10
ВСЕГО		≈ 500

Для изготовления орудий использовались кремнелый туф, поддающийся сильной патинизации, особенно на тонких пластинках, и более качественные кремни, сохранившие крепость и остроту края даже в очень тонких, толщиной не более 1–2 мм, микропластинках. Последние различаются текстурой, хотя в гористой местности они могут происходить из близко расположенных месторождений. Различная текстура кремня

встречается даже в одном кремневом желваке. Использовались не речные гальки, а скальный кремь из месторождений, что вполне соответствует ландшафту месторасположения стоянки на перевале. Первичные отщепы единичны и представлены коркой поверхности «кливажа». Она четко выражена на дорсальной поверхности концевой скребка, на контрфасе нуклеуса, на сколе подправки нуклеуса.

Классификация отщепов и пластинок стоянки Бурхала

Категория	Размер*	Классификация
Отщепы	до 0,5 см	Чешуйки
	от 0,5 до 1 см	Мелкие
	от 1 до 3 см	Средние
	от 3 см и более	Крупные
Пластинки	шириной до 5 мм	Микропластинки
	шириной от 0,5 до 1,2 см	Ножевидные пластинки
	шириной от 1,2 см и более	Пластины

*Грунт с раскопа просеивался через сито с ячейей 0,2 x 0,2 см.

Найдено около 250 экземпляров отщепов, преимущественно чешуек (Табл. 3). Мелких и средних отщепов значительно меньше, а крупных – всего несколько экземпляров. Такой расклад позволяет определить характер стоянки, исключив наличие здесь «мастерской», где преобладают крупные сколы, или «производственной площадки» с преобладанием отщепов среднего размера. Отщепы первичной и вторичной (с остатками плоскости кливажа) обработки единичны, что указывает на происходивший на стоянке процесс доработки заготовок/орудий (нуклеусов, крупных пластин), заранее изготовленных за пределами исследованной зоны.

Найденные на стоянке нуклеусы (целый и два фрагмента – основания и площадки) находятся уже на определенной стадии сработанности, заготовок этих изделий на стоянке нет. Технических (ребристых) сколов подготовки фронта нуклеуса найдено только 2 экземпляра (Рис. 4: 32), что указывает на использование нуклеусов уже с продвинутой стадии заготовки с подготовленной плоскостью расщепления (фронта). Очевидно, на стоянку принесли почти готовые изделия. Их изготовление велось в другом месте, в мастерской, возможно, недалеко от стоянки, поскольку в горной местности, где она располагается, выходов кремня разного качества достаточно много.

Судя по (микро)пластинкам, сделанным из разнообразных кремнистых пород, в работе на

стоянке находилось не менее 5 нуклеусов. Нуклеусы конической и уплощенно-конической формы со сходящимися в их основании гранями. Имеющиеся в коллекции дистальные окончания пластинок подтверждают их коническую форму. Фрагмент одного представлен основанием конической формы размером 39 x 29 x 22 мм из окремнелого туфа с 10–11 негативами снятий пластин, которые снимались по всей его окружности (Рис. 3: 6).

Целый уплощенно-конический нуклеус из светло-желтого кремнистого сланца размером 51 x 28 x 16,5 мм имеет на одной из широких плоскостей выпуклый рабочий фронт, занимающий чуть более половины периметра его окружности, с негативами 10 снятий (Рис. 3: 7). Он не сработан, выглядит вполне пригодным для дальнейшей эксплуатации, хотя под отжимной площадкой по всей протяженности плоскости скалывания имеется серия коротких заломов, которые могут помешать скалыванию пластинок.

Контрфронт нуклеуса на 50% сохраняет корковую поверхность (плоскость кливажа) кремневой плитки и частично обработан уплощающими сколами. Отжимная площадка усечено-овальной формы, ровная, подправлена со стороны фронта короткими сколами.

Подправка отжимных площадок нуклеусов производилась сколами. На одном из них захвачены участки рабочего фронта с двумя

негативами отжатых с него пластинок шириной 2–3 мм и необработанного плоского контрфронта с коркой кливажа кремневой плитки (Рис. 4: 24). Скол был переоформлен в тесло. Полностью снятых площадок нет.

Крупных пластинчатых нуклеусов для производства пластин не найдено, но имеющиеся в коллекции пластины указывают на их изготовление вне стоянки. Выделяется фрагмент (проксимальная часть) крупной пластины (44,4 x 25,1 x 8,6 см) из кремня (Рис. 3: 4). Она имеет трехгранную спинку, трапециевидное поперечное сечение, нефасетированную (гладкую) отжимную площадку (талон) и следы интенсивной «зачистки» кромки площадки нуклеуса перед ее скалыванием.

Пластинки (их фрагменты) составляют, даже после ремонта некоторых фрагментов, вторую по численности группу находок. Большинство их – микропластинки и ножевидные пластинки шириной до 12 мм (Табл. 3). Крупные пластинки и пластины представлены единичными экземплярами. Целых пластинок практически нет, длина максимально целых достигает 4–5 см, негативы на фронте целого нуклеуса – 5,1 см. Они представлены фрагментами проксимальных, медиальных и дистальных частей пластинок (Рис. 4: 1–23, 25–28, 30, 31; Табл. 1).

Различается двух-, трех- и четырехгранная огранка дорсальной плоскости пластинок. Дистальные окончания пластинок имеют конвергентные грани, сходящиеся в основании. На многих (микро)пластинках отмечается выщербленный от утилизации продольный край, что указывает на возможное использование их как вкладышей. Судя по качеству, цвету и фактуре горных пород, они были сколоты как минимум с 5 разных нуклеусов, бывших в обработке на стоянке.

Количество пластинок указывает на активное использование вкладышевых орудий с костяной или роговой основой (оправой). Общие количественные данные находок и их характеристики показывают, что на стоянке не изготавливали орудия, а производили ремонт охотничьего снаряжения и оснащение вкладышами наборных пазовых орудий.

Явные свидетельства подготовки или использования микропластинок (их медиальных сегментов) в качестве режущих лезвий вкладышевых костяных или роговых орудий зафиксированы по микроморфологическим признакам как минимум на 13 экземплярах, ретуширован-

ных по одному (5 экземпляров) и по обоим краям (8 экземпляров) с дорсальной и вентральной сторон. Их ширина – 3–5 мм, длина – до 21 мм (с ремонтом – 31 мм), толщина – 1 мм (Рис. 4: 10, 14, 18, 19, 21, 23, 27, 28, 30, 31). До ретуширования краев они были шириной по меньшей мере 5–9 мм. Различается приостряющая и притупляющая, как правило, унифасиальная ретушь. Последняя – крутая, практически вертикальная, удаляющая утончающуюся кромку продольного края микропластинки, наносилась под углом, близким к 90°, делая ее более узкой, соответствующей глубине паза костяной обоймы. В одном случае ретушированный край микропластинки (крайней в обойме) скошен на торец для плавного перехода от костяной обоймы орудия к лезвию (Рис. 4: 10). Судя по этим вкладышам, пазы в костяной обойме должны быть шириной не менее 1 мм.

Аналогий ретушированным микропластинкам на стоянках мезолита Якутии [26], Сибири [20], Урала [37] и Восточной Европы [22] много. Все они рассматриваются как лезвия составных орудий с костяной основой. Например, на мезолитической стоянке Усть-Белая в Прибайкалье на Ангаре вместе с находками костяных вкладышевых орудий найдены вкладыши на микропластинках «с ретушью по одному краю (чаще по брюшку), вкладыши с ретушированным краем и одним концом (часто с противоположащей ретушью) и орудия с двумя ретушированными краями и затупленным концом» [20, с. 176]. Но при этом для Жоховской стоянки отмечается, что «среди вкладышей, найденных *in situ* в пазах <костяных> орудий, где они формируют составные лезвия, ретушированные экземпляры не обнаружены» [35]. Отметим, что на данной стоянке также не представлены и типичные для сумнагинской культуры концевые скребки на пластинах [35].

На стоянке Бурхала намеренное ретуширование краев и притупление (усечение) одного края микропластинок фиксируется отчетливо. Является ли это культурно значимым элементом, разделяющим все эти мезолитические стоянки на культуры или фации, или по хронологическим этапам, пока не ясно. В материалах сумнагинской культуры на Алдане фиксируется от 3 до 6% ретушированных (микро)пластинок, как по одному, так и по двум продольным краям, но притупление края пластинок не отмечается [26, табл. Б, В]. Возможно, этот элемент обработки пластинок просто не был

выделен в отдельную категорию и проходит в числе «ретушированных по краю пластинок». Дополнительный анализ коллекций мог бы прояснить этот вопрос, тем более что в мезолите Таймырского Заполярья, на стоянке Тагенар VI встречаются микропластинки, оформленные «мелкой, небрежно нанесенной ретушью», которые «могли использоваться как вкладыши составных орудий», в т.ч. вкладыши «с притупленной спинкой, отструганной крутой, очень тщательной мелкофасеточной ретушью» [44, с. 39]. Еще дальше, на мезолитических стоянках европейского Северо-Востока – Чердыба 2, пункты 2, 6 отмечается «наличие на всех раскопанных пунктах пластинок с притупленным краем» [3, с. 127].

Резцы представлены классическими для мезолита изделиями на ножевидных пластинках, их проксимальных фрагментах с двухгранным оформлением дорсальной поверхности, и с резцовым сколом вдоль одного из продольных краев. Два из них размером 52 x 11 x 2 мм и 35 x 11 x 2 мм найдены вблизи друг от друга и имеют очень специфическую технико-типологическую деталь – подтеску центральной грани пластинки с ее торца для утончения пластинки до 1 мм (при 2 мм ее толщины в срединной части) и соответствия ее толщине пластинки у резцовой кромки, т.е. ширине резцовой кромки (Рис. 3: 2, 3).

Такой прием не фиксируется в мезолите Северо-Восточной Азии [9; 10; 26] и Европы [22], но известен в палеолите как элемент подработки трансверсальных резцов [2, с. 34]. В мезолите европейского Северо-Востока такую подработку можно видеть на угловом резце на пластине со стоянки Чердыб 2, пункт 6 [3, с. 126].

Концевой скребок изготовлен на пластинчатом сколе с плитки кремнистой породы, дорсальная часть которого представлена естественной поверхностью коррадированной плитчатой отдельности, а дорсальная – гладкой необработанной поверхностью скола (Рис. 3: 1). Орудие имеет подтреугольное поперечное сечение и высокую спинку. Его размер 55 x 25 x 10 мм. Дугообразно-выпуклое лезвие (рабочий край орудия) скошено слева направо, оформлено на дистальном конце скола (пластины) крутой пологой (участками – ступенчатой) регулярной ретушью, нанесенной со стороны вентральной поверхности на спинку. По кромке лезвия с видимыми следами залощения нанесена мелкая краевая ретушь. Проксимальная часть

с ударным бугорком усечена. Такие скребки, с «галечной» коркой по дорсальной поверхности, имеются на Алдане в слое IVa стоянки Усть-Тимптон [26, табл. 52: 41] и, практически близнецы бурхалинского, в слоях XIV, XIX стоянки Белькачи I [26, табл. 49: 8, табл. 43: 16]. Имеется такой скребок и на опорном сумнагинском памятнике Ферменное Озеро в долине реки Лены [12, рис. 1: 35].

Долотовидное (?) орудие (Рис. 3: 5) сделано на небольшом плоском сколе из трещиноватого слабо окремнелого туфа, размером 55 x 35 x 8 мм. Имеет под-овальную (грушевидную) форму в плане и уплощенно-линзовидное продольное и поперечное сечение. Обработано бифасиально по краям и полностью по одной плоской поверхности, частично – по другой. Имеются участки десквамационного отшелушивания. На зауженном конце орудия отмечаются следы использования (забитости). Близкие по своему облику (форме и сечению) орудия имеются на Алдане в слоях IVб и V стоянки Усть-Тимптон с сумнагинскими материалами [26, табл. 56: 5, табл. 67: 27].

Резцовый скол размером 22 x 4 x 1,5 мм сколот как трансверсальный, с ретушированного (утилизированного) дистального конца пластины или пластинчатого отцепа, использованного в качестве скребка. Имеет трехгранное поперечное сечение. С дорсальной стороны полностью покрыт двухрядной мелкой стелящейся ретушью, возможно, ретушью утилизации. Прилегающая к ней грань и вентральная плоскость – без обработки (Рис. 4: 29).

Тесловидное орудие (стамеска) выполнено на небольшом переоформленном сколе подправки отжимной площадки нуклеуса (Рис. 4: 24) размером 19,1 x 10,3 x 2,1 мм. На его дистальном конце, с дорсальной стороны, мелкой стелящейся ретушью оформлено прямое лезвие шириной 8,3 мм, на котором при большом увеличении видны следы сильной залощенности. Подпрямоугольная форма орудия и прямое лезвие указывают, что оно было предназначено для работы в качестве либо вкладышевого долота, либо стамески при выдалбливании небольшого размера пазов. Орудие такого же назначения, только сделанное на пластине (с рабочим лезвием на ее дистальном конце), названное первоначально стамеской, а затем долотом, имеется в XVIII слое стоянки Белькачи I [25, рис. 5: 65; 26, табл. 48: 2]. На мезолитической стоянке Веретье I подобные по форме

и размеру орудия выделяются как тип «мелкие стамески» [22, с. 34] или как «тесловидные» [32, рис. 30: 2, табл. IV: 5, 6].

Дискуссия

Всесторонний анализ материалов, полученных в ходе раскопок стоянки Бурхала, как комплекса каменных орудий, так и С-14 датировок, позволяет нам достаточно уверенно отнести ее к числу памятников раннеголоценовой сумнагинской мезолитической культуры Северо-Востока Азии в ее классическом варианте [14].

Орудийный набор стоянки содержит все основные элементы, присутствующие в культурных слоях большинства стоянок сумнагинской культуры, датированных периодом 9500–6200 л.н., отражающих, вероятно, определенную эволюцию комплекса каменных орудий этой культуры.

Нижняя граница возраста сумнагинской культуры в пределах 10,5 тыс. л.н. основывается на дате из V слоя – 10740±100 (ЛЕ–861) и датах VI слоя в промежутке 10340–10650 л.н. (ЛЕ–862, 898) стоянки Усть-Тимптон [26, с. 186; 27, с. 26]. Но остальные три С-14 даты из слоя V указывают на временной промежуток формирования слоя 8900–9450 л.н. [26; 27, с. 131]. Более того, из кровли пачки отложений нижележащего слоя VI получены даты 10130 и 10300 л.н. [26], что свидетельствует об очевидной инверсии даты ЛЕ–861, по причине чего ее следует исключить из списка датировок этого слоя. Тем более что находки из основания слоя V и слоя VI, как было указано, «относятся к заключительной стадии дюктайской культуры» [15, с. 98; 26, с. 191; 45, р. 201].

Таким образом, С-14 дата 9300±180 (МАГ–2262), полученная для стоянки Бурхала, даже по алданским меркам маркирует самый ранний этап развития сумнагинской культуры [27, с. 126].

Вопрос о достоверности даты для культурного слоя стоянки Бурхала был тщательно проанализирован. Помимо очевидной полной ассоциации скоплений углистости и артефактов на стоянке учитывались и такие факторы, как малая вероятность возникновения на перевале, где расположена стоянка, природных лесных пожаров, которые нередко фиксируются в лесной зоне и могут быть ошибочно приняты за свидетельство использования огня людьми. Заложенные в других местах перевального пространства зачистки и проведенное обследование

раздернованных поверхностей не зафиксировали наличие углистых прослоек вне площади стоянки (НОА ИА РАН. Зеленская А.Ю. Отчет об археологической разведке на стоянках ... Магаданской области в 2018 г.).

Глубокое «затекание» в морозобойную трещину углистого слоя с угольками и находками также указывает, что это происходило в процессе ее формирования, а не после ее стабилизации. Формирование грунтовых жил на стоянках сумнагинской культуры на Алдане было отнесено к рубежу плейстоцена и голоцена [26, с. 152].

Расположение стоянки на перевале двух крупных речных систем рек Сусуман-Берелех-Аян-Юрях и Бурхала-Детрин в бассейне реки Колымы указывает на характер деятельности населявших ее людей. Облик каменного инвентаря исключает ее использование как мастерской по добыче каменного сырья и подготовке заготовок орудий, хотя нахождение в горах, где-то рядом со стоянкой источника использованных кремневых пород более чем вероятно.

Говорить о каком-либо «резком прогрессе рыболовства» как об одном из критериев мезолитических памятников Колымы и Чукотки, как было предложено А.А. Ореховым [31], здесь, учитывая расположение стоянки на перевале, говорить не приходится. Все указывает на то, что стоянка являлась охотничьим лагерем, что вполне отвечает характеру каменного инвентаря (минимальный набор каменных орудий, его подправка и переоснащение), полученного в результате ее раскопок.

Это вполне логичное для охотничьего лагеря расположение, поскольку такие удобные (широкие, пологие) перевалы, как Бурхалинский, используются мигрирующими животными (северными оленями) для переходов из одной долины реки в другую. Такие стоянки хорошо известны на Охотско-Колымском перевале, некоторые из них датируются раннеголоценовым временем [39; 40]. В Якутии стоянки на перевалах, за исключением стоянок на перевале Дарпир [42], тем более раннеголоценового времени, неизвестны.

Стоянка, несомненно, использовалась в весенне-осенний период (на Колыме это май-сентябрь), поскольку зимой, из-за сильнейших ветров и снега, отсутствия дров для обогрева жилища, на перевале высотой более 1000 м над уровнем моря было бы невозможно суще-

ствовать, что неоднократно довелось испытать участникам экспедиций на Колыму.

Следует отметить отсутствие в комплексе каменных орудий стоянки Бурхала такого типа орудия, как «полиэдрический резец», но этот тип орудий отсутствует на подавляющем большинстве памятников сумнагинской культуры, а там, где они имеются, отмечаются проблемы стратиграфии и датирования слоев, их содержащих [16].

Стоянка Бурхала стала еще одним памятником сумнагинской культуры на Северо-Востоке Азии, на котором отсутствуют пластинчатые черешковые наконечники. Об их присутствии там декларативно, без особой аргументации, лишь со ссылкой на отдельные находки в смешанных комплексах (как, например, стоянка Чюльбю с керамикой и шлифованными украшениями) было заявлено в ряде публикаций [26; 27, с. 140–141]. При этом следует подчеркнуть, что ранее их наличие там Ю.А. Мочановым категорически отрицалось [25; 26]. Таким образом, вполне справедливо высказанное еще в 1988 г. мнение, что «предположение Ю.А. Мочанова (1977) о возможном употреблении наконечников стрел сумнагинцами в IX–X тыс. до н.э. до сих пор остается только предположением» [1, с. 7]. Это мнение, считает В.А. Кашин [16], актуально и для материалов Средней Колымы. Найденные и исследованные на Верхней Колыме стоянки с пластинчатыми черешковыми наконечниками выделены в отдельную уолбинскую традицию [41] и не рассматриваются нами в контексте сумнагинской культуры.

Заключение

Открытие стоянки Бурхала на Верхней Колыме позволило получить в ходе проведенных на стоянке раскопок комплекс каменных орудий, ассоциируемый с мезолитической сумнагинской культурой раннего голоцена Северо-Востока Азии [14], подтвержденный С-14 датировкой 9300 ± 180 (МАГ–2262).

Эта стоянка является первым и пока единственным датированным по С-14 памятником сумнагинской культуры на Колыме. Она также представляет собой пока еще единственную стоянку сумнагинской культуры и единственный раннеголоценовый памятник на левом берегу Колымы. Остальные известные и предполагаемые стоянки сумнагинской культуры в долине Колымы – Пантелеевка I–VIII, Пирс [19; 26], Осетровка I, Пушкина II, Первая [16],

Тытыль I–IV [17; 18] – расположены на правом берегу.

На данный момент стоянка Бурхала является древнейшим мезолитическим памятником Севера Дальнего Востока (Колымы, Чукотки, Камчатки). На Чукотке, на стоянке Найван, отнесенной к сумнагинской культуре [6], одна из дат (от 6990 до 9000 л.) допускает возможность ее возраста около 9000 л., но имеет большую статистическую ошибку в ± 500 лет, поэтому было определено, что «приблизительно 8000 л.н. является минимально приемлемым предположением о возрасте стоянки Найван» [34, с. 104].

На самой Верхней Колыме материалы стоянки Бурхала древнейшие после «раннего этапа сибердиковской культуры», датированного на стоянке Конго возрастом 9470 ± 530 л. (тоже с большой статистической ошибкой) [9]. Следующий, более поздний, «второй этап сибердиковской культуры ...согласуется с радиоуглеродными датами 8655 ± 220 л. ...по углю из верхнего слоя стоянки Конго и 8480 ± 200 л. по углю из костра нижнего слоя стоянки Сибердик» [9, с. 96]. Позднее полученная дата 9700 ± 500 (МАГ–1019) из третьего культурного слоя стоянки Сибердик [21], в соответствии с которой он, а не «нижний слой стоянки Конго», стал «самым ранним этапом» сибердиковской культуры, оставлена Н.Н. Диковым [11] без комментариев в обзоре 1996 г. «От палеолита к неолиту на Колыме».

Данных о взаимодействии (т.е. распределении по территории, последовательности обитания, взаимной ассимиляции или адаптации) сумнагинской и сибердиковской культур на Верхней Колыме пока нет. В последовательности культурных отложений одной стоянки их материалы не зафиксированы.

В отношении сибердиковской культуры (характеристики орудийных комплексов, датировок и их интерпретаций) в ходе ее обсуждения были высказаны критические замечания по поводу гомогенности орудийных комплексов [39]. Хлобыстин отмечает однотипность комплексов сибердиковской культуры от палеолита до неолита, что делает невозможным вычленение чистого раннеголоценового компонента [44, с. 26]. Клиновидный нуклеус, ставший обоснованием палеолитического характера комплекса, представлен единичным экземпляром и, по личному сообщению Н.Н. Дикова одному из авторов, является невыразительным и не характеризует комплекс. В настоящее время в коллекции

он отсутствует. Очевидно, такими же данными располагал А.А. Орехов, охарактеризовавший его как «маловыразительный» [28, с. 10].

Более понятна, даже без материалов Бурхалы, ситуация на Верхней Колыме с малтанской культурой. Исследования материалов стоянки Малтан в коллекциях показали, что, несмотря на включение материалов стоянки в том «Мезолит СССР», доказательная база отнесения нижнего комплекса стоянки к раннему голоцену и мезолиту противоречит имеющимся фактам.

Анализ наконечников, отнесенных к этому комплексу, выявил следы шлифовки их поверхности, что присуще уже существенно более поздним, чем мезолит, технологическим традициям (не древнее финала неолита). Культурный слой стоянки был серьезно поврежден криотурбацией, а в ходе повторного обследования стоянки для образцов угля из основания культурного слоя, с глубины 25–28 см, получена C-14 дата 4012 ± 102 л. (DRI-3286).

Существование «малтанской» культуры на Верхней Колыме, хотя о ней еще упоминают [29; 30; 31], не подтверждается. Это, в частности, нашло отражение в том, что она не рассматривается при характеристике раннеголоценовых индустрий Севера Дальнего Востока из-за неопределенности своей культурной и хронологической дефиниции [4; 34; 38; 39; 43; 44].

Попытка «ребрендинга» «малтанской» культуры путем механической подмены «мезолитической» атрибуции комплекса, определенной для него Н.Н. Диковым, на «раннеолитическую» [31] со ссылкой на ту же дату 7490 и без соответствующих аргументов нелогична и не имеет оснований. Но уже сам факт такой подмены показывает, что комплекс орудий стоянки Малтан, отнесенный к мезолиту, не соответствует его критериям.

Особенно наглядно это видно в попытке А.А. Орехова вычленив в позднем комплексе этой стоянки, по рисунку в монографии Н.Н. Дикова [9, рис. 37: 1] «шлифованные орудия» [31, с. 47], которых в описаниях комплекса у самого Н.Н. Дикова нет, хотя это было бы важным элементом характеристики стоянки. Изображенное Н.Н. Диковым орудие, как показало изучение коллекции, очень характерно для находок со стоянки Малтан. Оно сделано на плоской хорошо окатанной речной гальке, покрыто корковой поверхностью (изображенной у Дикова удлиненной штриховкой) и слегка оббито по краю. Орудие из галечной

плитки с такой же штриховкой изображено и в таблице с орудиями из «раннего», мезолитического по Дикову, комплекса. Такие же артефакты – ретушированные по краю плоские удлиненные гальки – были найдены и при повторном обследовании стоянки [40, рис. 40: 1]; (НОА ИА РАН. Зеленская А.Ю. Отчет об археологической разведке на стоянках ... Магаданской области в 2019 г. Рис. 420: 1). К какому из комплексов выделенного на Верхней Колыме раннего, среднего или позднего неолита [40] следует отнести малтанские находки, еще предстоит определить.

Материалы стоянки Бурхала являются убедительным свидетельством освоения сумнагинским населением долины р. Колымы и позволяют сделать заключительный вывод в дискуссии о противостоянии сумнагинской и сибердиковской культур [9; 26]. Носители сумнагинской культуры, освоив бассейн реки Лена, на самых ранних этапах своего развития распространялись и на Колыму, о чем убедительно свидетельствуют рассмотренные материалы.

По правым притокам реки Колымы сумнагинцы проникли на Чукотку, вплоть до Берингова пролива [6; 10], на Охотско-Колымское нагорье [39; 43] и Охотское побережье [5]. Н.Н. Диков отмечал, что стоянка Челкун IV на Чукотском полуострове и ряд других «представляют мезолитическую культуру, сходную с сумнагинской в Якутии» [10, с. 161]. Распространение этой культуры на Камчатку не отмечается [9; 41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов Н.М. Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии. Якутск, 1988. С. 5–15.
2. Ветров В.М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры (опыт типологии) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 30–44.
3. Волокитин А.В., Волокитина Н.А. Мезолитические стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 на р. Вычегда // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2. С. 114–130.
4. Воробей И.Е. Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. С. 56–58.
5. Воробей И.Е. Выход древних охотников (Северного Приохотья) к морскому побережью: проблема или фигура речи? // Университет в ре-

гионе: наука, образование, культура. Магадан, 2007. С. 148–150.

6. Гусев С.В. Исследование раннеголоценовых очагов на стоянке Найван, Восточная Чукотка // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан, 2006. С. 17–21.

7. Диков Н.Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки: автореф. дис. ... докт. ист. н. Новосибирск, 1971.

8. Диков Н.Н. К проблеме «мезолита» на Камчатке // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 149. Памятники эпохи мезолита. М., 1977. С. 120–124.

9. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.

10. Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). СПб., 1993.

11. Диков Н.Н. Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсии в историю. Магадан, 1996. С. 13–31.

12. Дьяконов В.М. Мезолитическая стоянка Ферменное Озеро – опорный памятник сумнагинской культуры в Центральной Якутии // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Т. I. Барнаул, 2017. С. 34–39.

13. Зеленская А.Ю. Слободин С.Б. Новые данные по археологии Верхней Колымы // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России: X Крушановские чтения. Владивосток, 2021. С. 249–257.

14. История Якутии: в 3-х т. Т. 1 / Под ред. А.Н. Алексева. Новосибирск, 2020.

15. Кашин В.А. Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований. 1940–1980 гг. Новосибирск, 2003.

16. Кашин В.А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск, 2013.

17. Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М., 1993.

18. Кирьяк М.А. Каменный век Чукотки: новые материалы. Магадан, 2005.

19. Кистенев С.П. Каменный век бассейна Нижней Колымы: автореф. дис. ... канд. ист. н. Якутск, 1990.

20. Кольцов Л.В., Медведев Г.И. Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока // Мезолит СССР. М., 1989. С. 174–186.

21. Ложкин А.В., Трумпе М.А. Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1990. С. 176–179.

22. Мезолит СССР / Под ред. Л.В. Кольцова. М., 1989.

23. Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии: автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 1966.

24. Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.

25. Мочанов Ю.А. Северо-Восточная Азия в XI–V тыс. до н.э. (сумнагинская культура) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 29–43.

26. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.

27. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2-х т. Т. 2. Якутск, 2013.

28. Орехов А.А. Первобытнообщинный строй на территории Колымы и Чукотки. Магадан, 1988.

29. Орехов А.А. Северная Пацифика в голоцене: проблемы приморской адаптации: дис. ... д. ист. н. СПб., 2001.

30. Орехов А.А. Формирование и развитие археологических культур крайнего Северо-Востока Азии в эпоху неолита // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2015. № 1. С. 109–115.

31. Орехов А.А. Проблемы неолита Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки (опыт сравнительного анализа) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2022. Т. 35. С. 34–58.

32. Ошибкина С.В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.

33. Питулько В.В. Жоховская стоянка. СПб., 1998.

34. Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М., 2003. С. 99–151.

35. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В., Гиря Е.Ю. Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) // Stratum plus. 2012. № 1. С. 211–256.

36. Рогачев А.Н. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 92. Исследование памятников Каменного века. М., 1962. С. 3–11.

37. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.

38. Слободин С.Б. Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы «мезолита» Северо-Востока Азии // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: материалы международной конференции. Владивосток, 1996. С. 204–212.

39. Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан, 1999.

40. Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан, 2001.

41. Слободин С.Б. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // Российская археология. 2018. № 3. С. 58–74.

42. Слободин С.Б., Зеленская А.Ю. Археологические памятники юго-восточной оконечности хребта Улахан-Чистай (район природного парка «Момский») // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 1. С. 8–22.

43. Слободин С.Б., Андерсон П.М., Глушкова О.Ю., Ложкин А.В. Западная Берингия (Северо-Восток Азии) // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. М., 2014. С. 209–257.

44. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998.

45. Mochanov, Yu.A. and Fedoseeva, S.A., 1996. Ust-Timpton (strata Vb-X). In: West, F.H. ed., 1996. American beginnings: the prehistory and palaeoecology of Beringia. Chicago: University of Chicago Press, pp. 199–226.

REFERENCES

1. Alekseev, A.N., Kochmar, N.N. and Cherosov, N.M., 1988. Osnovnye itogi i zadachi issledovaniy arkheologicheskoi ekspeditsii Yakutskogo universiteta [The main research results and goals of Yakutsk University archaeological expedition]. In: Arkheologiya Yakutii. Yakutsk, 1988, pp. 5–15. (in Russ.)

2. Vetrov, V.M., 1995. Reztsy i nukleusy ust'-karengskoi arkheologicheskoi kul'tury (opyt

tipologii) [Burins and cores of the Ust'-Karenga archaeological culture (an attempt of typology)]. In: Baikal'skaya Sibir' v drevnosti. Irkutsk, 1995, pp. 30–44. (in Russ.)

3. Volokitin, A.V. and Volokitina, N.A., 2021. Mezoliticheskie stoyanki Cherdyb 1 i Cherdyb 2 na r. Vychehga [Mesolithic sites of Cherdyb 1 and Cherdyb 2 on the Vychehga River], Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya, no. 2, pp. 114–130. (in Russ.)

4. Vorobei, I.E., 1996. Rannegolotsenovyie industrii Krainego Severo-Vostoka Azii [Early Holocene industries of the extreme Northeast of Asia]. In: Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka. Irkutsk, 1996, pp. 56–58. (in Russ.)

5. Vorobei, I.E., 2007. Vykhod drevnikh okhotnikov (Severnogo Priokhot'ya) k morskomu poberezh'yu: problema ili figura rechi? [Outlet to the sea coast by ancient hunters (of Northern Priokhotye): problem or schema?]. In: Universitet v regione: nauka, obrazovanie, kul'tura. Magadan, 2007, pp. 148–150. (in Russ.)

6. Gusev, S.V., 2006. Issledovanie rannegolotsenovykh ochagov na stoyanke Naivan, Vostochnaya Chukotka [Investigation of Early Holocene hearth in the Naiwan site (Eastern Chukotka)], Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka. Magadan, 2006, pp. 17–21. (in Russ.)

7. Dikov, N.N., 1971. Drevnie kul'tury Kamchatki i Chukotki [Ancients cultures of Kamchatka and Chukotka], avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)

8. Dikov, N.N., 1977. K probleme «mezolita» na Kamchatke [To the issue of the «Mesolithic» in Kamchatka]. In: Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. Vyp. 149. Pamyatniki epokhi mezolita. Moskva, 1977, pp. 120–124. (in Russ.)

9. Dikov, N.N., 1979. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti [Ancient cultures of North-East Asia: Asia at the intersection with America in ancient times]. Moskva. (in Russ.)

10. Dikov, N.N., 1993. Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti (Kamennyi vek Chukotskogo poluostorva) [Asia at the intersection with America in ancient times (Stone Age of the Chukotka Peninsula)]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

11. Dikov, N.N., 1996. Arkheologicheskoe proshloe obitatelei Severo-Vostoka Azii [Archaeological past of the inhabitants of North-

East Asia]. In: Severo-Vostok Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: novye ekskursy v istoriyu. Magadan, 1996, pp. 13–31. (in Russ.)

12. Dyakonov, V.M., 2017. Mezoliticheskaya stoyanka Fermennoe Ozero – opornyi pamyatnik sumnaginskoi kul'tury v Tsentral'noi Yakutii [Mesolithic site Fermennoe Ozero – the basic site of Sumnagin culture in Central Yakutia]. In: Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda. T. 1. Barnaul, 2017, pp. 34–39. (in Russ.)

13. Zelenskaya, A.Yu. and Slobodin, S.B., 2021. Novye dannye po arkhologii Verkhnei Kolymy [New data on the archeology of the Upper Kolyma]. In: Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoi nauki na Dal'nem Vostoke: X Krushanovskie chteniya. Vladivostok, 2021, pp. 249–257. (in Russ.)

14. Alekseev, A.N. ed., 2020. Istoriya Yakutii: v 3-kh t. T. 1 [History of Yakutia: in 3 vols. Vol. 1]. Novosibirsk. (in Russ.)

15. Kashin, V.A., 2003. Paleolit Severo-Vostochnoi Azii: istoriya i itogi issledovaniy. 1940-1980 gg. [The Paleolithic of Northeast Asia: history and results of research, 1940–1980]. Novosibirsk. (in Russ.)

16. Kashin, V.A., 2013. Neolit Srednei Kolymy [The Neolithic of the middle Kolyma]. Novosibirsk. (in Russ.)

17. Kir'yak, M.A., 1993. Arkheologiya Zapadnoi Chukotki [The archeology of Western Chukotka]. Moskva. (in Russ.)

18. Kir'yak, M.A., 2005. Kamennyi vek Chukotki [The Stone Age of Chukotka]. Magadan. (in Russ.)

19. Kistenev, S.P., 1990. Kamennyi vek basseina Nizhnei Kolymy [The Stone Age of the Lower Kolyma Basin], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Yakutsk. (in Russ.)

20. Kol'tsov, L.V. and Medvedev, G.I., 1989. Mezolit Yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Mesolithic of South Siberia and the Far East]. In: Mezolit SSSR. Moskva, 1989, pp. 174–186. (in Russ.)

21. Lozhkin, A.V. and Trumpe, M.A., 1990. Sistematizatsiya radiouglerodnykh datirovok arkhelogicheskikh pamyatnikov Magadanskoj oblasti [Systematization of radiocarbon dates of archaeological sites in the Magadan District]. In: Drevnie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka. Magadan, 1990, pp. 176–179. (in Russ.)

22. Kol'tsov, L.V. ed., 1989. Mezolit SSSR [The Mesolithic of the USSR]. Moskva. (in Russ.)

23. Mochanov, Yu.A., 1966. Mnogosloinaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo

veka Yakutii [The multilayer site of Bel'kachi-I and the periodization of the Stone Age of Yakutiya], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

24. Mochanov, Yu.A., 1969. Mnogosloinaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii [The multilayer site of Bel'kachi-I and the periodization of the Stone Age of Yakutiya]. Moskva. (in Russ.)

25. Mochanov, Yu.A., 1973. Severo-Vostochnaya Aziya v XI–V tys. do n.e. (sumnaginskaya kul'tura) [Northeast Asia in the 11th–5th millennium BC (Sumnagin culture)]. In: Problemy arkhologii Urala i Sibiri. Moskva, 1973, pp. 29–43. (in Russ.)

26. Mochanov, Yu.A., 1977. Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii [The earliest stages of settlement by people of Northeast Asia]. Novosibirsk. (in Russ.)

27. Mochanov, Yu.A. and Fedoseeva, S.A., 2013. Ocherki dopis'mennoi istorii Yakutii. Epokha kamnya: v 2-kh t. T. 2 [Essays on the pre-written history of Yakutia. The age of stone: in 2 vols. Vol. 2]. Yakutsk. (in Russ.)

28. Orekhov, A.A., 1988. Pervobytnoobshhinny stroy na territorii Kolymy i Chukotki [Early cultures on the territory of Kolyma and Chukotka]. Magadan. (in Russ.)

29. Orekhov, A.A., 2001. Severnaya Patsifika v golotsene: problemy primorskoj adaptatsii [North Pacific in Holocene: problems of maritime adaptation]: avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

30. Orekhov, A.A., 2015. Formirovanie i razvitiye arkhelogicheskikh kul'tur krainego Severo-Vostoka Azii v epokhu neolita [Formation and development of archaeological cultures of the Far Northeast of Asia in the Neolithic], Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 1, pp. 109–115. (in Russ.)

31. Orekhov, A.A., 2022. Problemy neolita Verkhnei Kolymy, Chukotki i Kamchatki (opyt sravnitel'nogo analiza) [Problems of the Neolithic of the Upper Kolyma, Chukotka and Kamchatka: an attempt of comparative analysis], Trudy IIAE DVO RAN, Vol. 35, pp. 34–58. (in Russ.)

32. Oshibkina, S.V., 1997. Veret'e I. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoi Evropy [Veret'e I, a Mesolithic settlement in the North of Eastern Europe]. Moskva. (in Russ.)

33. Pitul'ko, V.V., 1998. Zhokhovskaya stoyanka [The Zhokhov Site]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

34. Pitul'ko, V.V., 2003. Golotsenovi kamennyi vek Severo-Vostochnoi Azii [The Holocene Stone Age of Northeast Asia]. In: Estestvennaya istoriya rossiiskoi Vostochnoi Arktiki v pleistotsene i golotsene. Moskva, 2003, pp. 99–151. (in Russ.)
35. Pitul'ko, V.V., Pavlova, E.Yu., Ivanova, V.V. and Giryа, E.Yu., 2012. Zhokhovskaya stoyanka: geologiya i kamennaya industriya (predvaritel'nyi obzor rabot 2000–2005 gg.) [The Zhokhov site: geology and stone industry (preliminary review of 2000–2005 works)], *Stratum plus*, no. 1, pp. 211–256. (in Russ.)
36. Rogachev, A.N., 1962. Osnovnye itogi i zadachi izucheniya paleolita Russkoi ravniny [Principal results and problems in the study of the Palaeolithic of the Russian Plain]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii AN SSSR*. Vyp. 92. Issledovanie pamyatnikov Kamennogo veka. Moskva, 1962, pp. 3–11. (in Russ.)
37. Serikov, Yu.B., 2000. Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ya [The Paleolithic and Mesolithic of the Central Trans-Ural area]. *Nizhny Tagil*. (in Russ.)
38. Slobodin, S.B., 1996. Rannegolotsenovye komplekсы Verkhnei Kolymy i nekotorye aspekty problemy «mezolita» Severo-Vostoka Azii [Early Holocene complexes of the Upper Kolyma and some aspects of the «Mesolithic» issue in Northeast Asia]. In: *Pozdnii paleolit – rannii neolit Vostochnoi Azii i Severnoi Ameriki: materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Vladivostok, 1996, pp. 204–212. (in Russ.)
39. Slobodin, S.B., 1999. Arkheologiya Kolymy i Kontinentalnogo Pprikhot'ya v pozdnem pleistotsene i rannem golotsene [Archaeology of the Kolyma and Continental Priokhot'e in the Late Pleistocene and Early Holocene]. *Magadan*. (in Russ.)
40. Slobodin, S.B., 2001. Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla [The Upper Kolyma and Continental Priokhot'e during the Neolithic and Early Metal periods]. *Magadan*. (in Russ.)
41. Slobodin, S.B., 2018. Mezoliticheskaya traditsiya chershkovykh plastinchatykh nakonechnikov Severo-Vostoka Azii [Mesolithic blade stemmed point tradition of Northeast Asia], *Rossiiskaya arkheologiya*, no. 3, pp. 58–74. (in Russ.)
42. Slobodin, S.B. and Zelenskaya, A. Yu., 2022. Arkheologicheskie pamyatniki yugo-vostochnoi okonechnosti khrebtа Ulakhan-Chistai (raion prirodnoho parka «Momskii») [Archaeological sites of the southeastern tip of the Ulakhan-Chistay Range (area of the Momsky Natural Park)], *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 1, pp. 8–22. (in Russ.)
43. Slobodin, S.B., Anderson, P.M., Glushkova, O.Yu. and Lozhkin, A.V., 2014. Zapadnaya Beringiya (Severo-Vostok Azii) [Western Beringia (Northeast Asia)]. In: *Pervonachal'noe zaselenie Arktiki chelovekom v usloviyakh menyayushcheisya prirodnoi sredy*. Moskva, 2014, pp. 209–257. (in Russ.)
44. Khlobystin, L.P., 1998. Drevnyaya istoriya Taimyrskogo Zapolyar'ya [The ancient history of Polar Taimyr regions]. *Sankt-Peterburg*. (in Russ.)
45. Mochanov, Yu.A. and Fedoseeva, S.A., 1996. Ust-Timpton (strata Vb-X). In: West, F.H. ed., 1996. *American beginnings: the prehistory and palaeoecology of Beringia*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 199–226.

А.А. Сулейманов*

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНГАЛАССКОГО УЛУСА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Статья прослеживает историю этнических процессов на территории современного Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия) в период с XVII в., когда в регионе появились первые русские поселенцы, и до современного этапа. Автор характеризует этнокультурное взаимодействие между представителями коренных малочисленных народов Севера, приленской группой русских старожилов и якутами, а также мигрантами из западных регионов Советского Союза, прибывшими для реализации различных промышленных проектов в советский период.

Ключевые слова: Якутия, Приленье, коренные малочисленные народы Севера, русские старожилы, якуты, этнокультурные процессы

From the history of ethnic processes on the territory of Khangalassky District of Sakha Republic. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article traces the history of ethnic processes on the territory of the modern Khangalassky District of the Sakha Republic in the period from the 17th century, when the first Russian settlers appeared in the region, to the present time. The author characterizes the ethno-cultural interaction between the representatives of the indigenous peoples of the North, Russian «old settlers» and the Yakuts, as well as migrants from the western regions of the Soviet Union who arrived to implement various industrial projects.

Keywords: Yakutia, Lena River region, indigenous peoples of the North, Russian «old settlers», Yakuts, ethnocultural processes

Республика Саха (Якутия) (далее – Якутия) является одним из ключевых регионов расселения коренных народов Арктики – долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов (саха). По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. в Якутии проживало 2147 долган, 709 чукчей, 24334 эвенка, 13233 эвена, 1510 юкагиров и 469348 якутов. Нередко в один ряд с

названными выше этносами ученые ставят и русское старожильческое население, состоящее в настоящее время из двух локальных групп – арктической, в которую входят проживающие в прибрежных Аллаиховском и Нижнеколымском районах старожилы, и приленской, к которой относятся жители расположенных вдоль р. Лены населенных пунктов Ленского, Олек-

---

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и этносоциологии Арктики Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2023

минского и Хангаласского административных районов (улусов) Якутии. К сожалению, установить точную численность арктических и приленских русских старожилов на данный момент не представляется возможным, т.к. во время проведения переписей населения раздельной статистики не ведется и все они фиксируются вместе с остальным русским населением, основная часть которого прибыла в регион уже в годы советской модернизации.

Этническая палитра Якутии начиная с XIX в. приковывала внимание научного и околонаучного сообществ, в фокусе внимания которых традиционно находились и этнические процессы, протекающие в регионе. В этой связи необходимо отметить работы бывшего народовольца И.И. Майнова «Некоторые данные о тунгусах Якутского края» [7] и «Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области» [9], в которых он рассмотрел ряд особенностей этнической истории и взаимодействия русских старожилов, эвенков, эвенков и якутов. В советское время проблематика этнических процессов и межэтнических отношений в Якутии привлекла внимание ведущих отечественных этнографов – И.С. Гурвича [4], Г.М. Василевич [2], Б.О. Долгих [5], В.А. Туголукова [18] и др. После распада СССР и активизации международного научного сотрудничества исследование истории этнических процессов в регионе получило новый импульс. В течение последних трех десятилетий по этой проблеме были опубликованы результаты изысканий целого ряда отечественных и зарубежных ученых – С.И. Бояковой [24], А. Венцеля [26], А.И. Гоголева [3], В.Б. Игнатъевой [6], Т.П. Петровой [10], П. Швайцера [25] и т.д. Таким образом, даже этот чрезвычайно краткий перечень авторов и их работ, в которых рассматривались различные стороны истории протекавших на территории Якутии этнических процессов, дает представление о том, что указанная проблематика достаточно хорошо изучена.

Однако в существующей на данный момент историографии практически не уделялось специального внимания истории этнических процессов и формирования современной этнической картины по отдельным административным районам Якутии. Исключениями в данном отношении являются лишь работы И.С. Астаховой [1], В.В. Филипповой [19] и автора данной статьи [16]. Вместе с тем, в свете текущих дискуссий об адекватности и полноте действующего «Перечня мест традиционного проживания

коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» подобные исследования представляют не только познавательный, но и практический интерес.

Цель данной работы – охарактеризовать этнические процессы, приведшие к формированию современной этнокультурной ситуации в одном из репрезентативных и ключевых в плане истории межэтнического взаимодействия административных районов Якутии – Хангаласском улусе. Следует оговорить, что автор, конечно же, не претендует на всеобъемлющий охват обозначенной проблематики в рамках одной достаточно небольшой по объему статьи, а сосредоточен на анализе ключевых, на его взгляд, моментов, реконструкция которых способна дать представление об истории этнических процессов, протекавших в границах современного Хангаласского улуса в течение нескольких веков.

Территория Хангаласского улуса расположена в пределах Центрально-Якутской равнины на Приленском плато и в долине реки Лены. Площадь района составляет 24,7 тыс. км². Именно Лена служила основной магистралью, посредством которой осуществлялось заселение современной территории улуса человеком. При этом данная территория является одной из наиболее изученных в Якутии в археологическом плане. По сведениям В.Г. Аргунова, в бассейне Лены между р. Малыкан и восточными границами улуса было обнаружено несколько сотен археологических памятников, включая известнейший Дириг-Юряхский комплекс, в который, как считается, входят стоянки нижне – и верхнепалеолитического периодов, а также эпохи бронзового века. На территории Хангаласского улуса были зафиксированы и стоянки мезолитической сумнагинской культуры [21, с. 17–18]. Достаточно хорошо представлены в интересующем нас ареале также сменявшие друг друга неолитические культуры – сылахская, белькачинская и ымыяхтахская. Носители последней, по мнению ряда авторов, являлись протоюкагирами (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23214. Л. 4–51); [13, с. 279]. Основу их хозяйства составляли охота, нерегулярное рыболовство и собирательство. В середине второго тысячелетия до н.э. на Средней Лене появились носители усть-милской культуры. На смену им в V в. до н.э. пришли разрозненные племена раннего железного века, которые связывают с палеоазиатскими этносами Северной Азии. Однако подвижный

образ жизни представителей этих племен не предполагал появления стационарных поселений, что затрудняет обнаружение существенных следов их материальной культуры.

В связи с этим также сложно однозначно судить и о времени появления и ареалах распространения тунгусских племен¹ в пределах интересующей нас территории в дописьменный период истории Якутии. В.А. Туголуков считает, что эвенки пришли на Среднюю Лену с территории Амура в XII–XIII вв. и образовали три крупные территориальные группировки – Сологон, Дулиган и Эдиган [18, с. 232–233]. Свидетельством давнего пребывания тунгусов на Лене, безусловно, является топонимика Хангаласского улуса, в которой, наряду с обилием названий тюркского и монгольского происхождения, «глубокий, емкий слой» образуют топонимы тунгусо-манчжурского происхождения [21, с. 32–34]. Как правило, они имеют отношение к крупным водным объектам, с которыми были связаны длительные кочевья – реки Синяя (западный приток Лены), Буотама, Кетеме (восточные притоки) и др. [27].

Появление на Средней Лене якутов в XII–XIV вв. вызвало «значительные передвижки среди местных тунгусов», мигрировавших в северном, западном и восточном направлениях [18, с. 233]. По данным В.Г. Аргунова, в пределах Хангаласского улуса выявлено значительное число репрезентативных археологических памятников древнеякутской культуры XII–XVII вв., которые встречаются «на каждом более или менее сносном аласе по всей Лене, рр. Синей и Буотоме» [21, с. 19–22]. Примечательно, что по преданиям именно предводитель хангаласских родов Тыгын Дархан являлся потомком легендарного первопродка якутов – Элэй Боотура. Более того, с расположенными на территории улуса долинами Эркэни и Самартай связывают окончательное формирование якутов как этноса [22].

Формирование же комплекса документальных источников по интересующей нас проблематике началось с 1630-х гг., когда на территории Якутии появились русские землепроходцы, оставившие в том числе ряд письменных сви-

детельств. Данные свидетельства, скрупулезно аккумулированные и исследованные Б.О. Долгих, позволяют сделать вывод о том, что современная территория Хангаласского улуса по левому берегу Лены от его границы с Якутском до реки Синяя к приходу русских была заселена представителями различных якутских родов [5, с. 363–368]. По мнению ученого, в нижнем течении Синей или в пределах современного 5-го Мальжагарского наслега находилось и предположительное место расположения Гурменской волости, жители которой в официальных русских документах относились к якутам. Однако Б.О. Долгих сделал вывод, что подобное причисление было вызвано прежде всего экономическими мотивами. На самом же деле сильно обьякученных гурменцев тогда «еще можно было считать частью тунгусского народа», которые в дальнейшем «окончательно слились с якутами» [5, с. 368].

Относительно правого берега Лены можно с уверенностью говорить о присутствии якутов ко времени прихода русских в районе нынешних Качикатского и Жемконских наслегов. Так, в одном из донесений царю говорилось о том, что «[ж]емконские якуты» умеют обрабатывать железо, которое выплавляют на реках Буотомы и Лютенге (Цит. по: [21, с. 228–229]).

Важным явлением в плане рассматриваемой проблематики стала отмеченная В.А. Туголуковым «значительная по своим масштабам» миграция вилюйских эвенков в южную Якутию и северные районы Верхнего Приамурья, происходившая в конце XVII–XVIII вв. [18, с. 185–186]. Миграционные пути эвенков пролегали в том числе через центральную и западную части современной территории Хангаласского улуса. В результате некоторые из них остались в его пределах. В частности, Б.О. Долгих указывает на поселившихся на реке Синяя эвенков, вытесненных якутами с Вилюя [5, с. 369].

Более подробные свидетельства подобного переселения мы находим у И.И. Майнова, который в конце XIX в. отбывал в Якутии ссылку и стал здесь, как и многие оказавшиеся в регионе по приговору суда, исследователем народов Севера. По его наблюдениям, «вилюйские ... [тунгусы] в сравнительно недавнее время заселили западное побережье Лены или вернее – верховья и побережья западных притоков Лены, берущих начало неподалеку от границ Вилюйского округа. Ныне места их расселения числятся в черте якутских земель Западно-Кангаласского

¹ Термин «тунгусы» используется как собирательный, объединяющий родственные тунгусо-манчжурские народы – эвенов и эвенков, т.к. провести четкую, научно обоснованную грань между двумя этими этносами на основе отложившихся источников не всегда представляется возможным.

улуса»² (в первую очередь здесь подразумевался бассейн Синеи). При этом «лишь небольшая часть [тунгусов] перешагнула через Лену и слилась с коренным населением заленского края» [7, с. 169–170]. Под «коренным населением» исследователь понимал те тунгусские роды, которые проживали на правом берегу Лены до прихода русских.

Как известно, «Устав об управлении инородцев» 1822 г. разделил все нерусское население Сибири на три разряда: оседлые, т.е. живущие в городах и селениях, кочевые, «занимающие определенные места по временам года перемняемые», и бродячие или ловцы, «переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам». К кочевым инородцам были отнесены якуты. Эвенки, эвены и юагиры Якутской области причислялись к бродячим инородцам. При этом роды закреплялись как основная административная и экономическая единица [11].

По данным И.И. Майнова, в конце XIX в. тунгусы современного Хангаласского района входили в состав нескольких административных единиц-родов, включая 1-й и 2-й Шелогонские, 1-й, 2-й и 3-й Беллетские, Нюрмаганский, Баягирский. В этих родах насчитывалось 719 ревизских душ [7, с. 187]. При этом тунгусы, проживавшие на левом берегу Лены в бассейне реки Синяя, «совершенно обьякучились», переняли образ жизни якутов и во второй половине XIX в. уже остро нуждались в сенокосах для разведения крупного рогатого скота. На протяжении этого периода они с небольшим перебивом платили якутам из Мытатского наслега за использование угодий (в конце 1880-х гг. – 15 руб. в год), которые те считали своими [7, с. 172–173]. Основой хозяйствования тунгусов на правом берегу Лены был охотничий промысел. Оленеводство также существовало, однако, по данным И.И. Майнова, было «развито очень слабо». В качестве примера исследователь приводит ситуацию со встреченным им в районе современных южных границ 1-го Жемконского наслега тунгусом И. Гермогеновым, который слыл «едва ли не самым богатым», имея менее 100 голов оленей [7, с. 180–183].

Эти тунгусы кочевали «на громадном пространстве», ограниченном с востока Алданом, с запада – верховьями левых притоков Лены (рр. Синяя и Марха), с севера – примерно тем

районом, где сейчас расположены южные границы 1-го Жемконского наслега, а с юга практически не имевшем территориальных пределов [7, с. 168–169]. Поэтому отнесение места проживания названных выше тунгусских родов к территории современного Хангаласского улуса, конечно же, достаточно условно. Так, по данным И.И. Майнова, тунгусы правого берега Лены в массе своей зимовали на Алдане и Амге, «признавая себя аборигенами приамгинского края» [7, с. 169]. В частности, упомянутый И. Гермогенов появлялся со своим стадом в районе границы нынешних Качекатского и 1-го Жемконского наслегов 15 июня и покидал их в 20-х числах июля, при этом платя жемконцам за использование угодий [7, с. 189–190].

Возможно, именно подобные обстоятельства не дали возможности одной из авторитетных отечественных ученых-тунгусоведов Г.М. Василевич зафиксировать на своих картах современную территорию Хангаласского улуса в качестве места проживания тунгусов Якутии в XVIII и XIX вв. [2, с. 5–6].

Следует отметить, что к этому времени важнейшим актором этнических процессов, происходивших в пределах рассматриваемого ареала, стало увеличивающееся русское население. Как пишет крупнейший специалист по истории русской колонизации региона Ф.Г. Сафронов, важнейшую роль в данном отношении имело учреждение в середине XVIII в. Иркутско-Якутского тракта, значительная часть которого проходила вдоль Лены. Первоначально содержание созданных почтовых станции и провоз почты были возложены на якутов. Однако отбывание подобной повинности вызывало серьезное недовольство, в особенности на фоне одновременного увеличения ясака. В результате в 1770 г. было принято решение о «переложении подводной повинности» на русских переселенцев. В связи с этим тракт стали заселять русскими крестьянами из расчета по 10 взрослых мужчин на почтовую станцию. В течение 1770–1860 гг. на территории современного Хангаласского улуса возникло 16 станков – почтовых станций, заселенных русскими: Тяхтурская, Улах-Анская, Покровская, Бестяхская, Булгунняхтахская, Тойон-Арынская, Еланская, Тит-Арынская, Батамайская, Синская, Ат-Дабанская, Ой-Муранская, Журинская, Крестяхская, Иситская и Чуранская [12, с. 117–121]. По данным И.И. Майнова, к 1894–1895 гг. в этих станках проживало 1478 русских [9, с. 14–17].

² В 1860 г. обширная территория Хангаласского улуса была разделена на Западно – и Восточно-Кангаласский улусы.

По наблюдениям исследователя, среди встреченных «русских» было много «якутоватых», у которых «якутские черты лица преобладали над русскими». Русский язык же был «полузабыт» приленскими крестьянами [8]. При этом, например, для Тит-Аринской станции доля метисов составляла 64%, для Крестяхской – 50%, Иситской и Чуранской – 17% (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 191. Л. 63–65).

Вместе с тем, существует и достаточно обоснованное противоположное мнение, свидетельствующее об определенной «закрытости» населения станков. Принадлежит оно М.А. Рыбакову, отбывавшему в 1906–1912 гг. ссылку в Якутии, – автору неопубликованной работы «Государевы ямщики на Лене» (Архив РАН, далее – АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 25. Л. 3). В период своего относительно недолгого пребывания в Якутии М.А. Рыбаков успел, однако, достаточно обстоятельно поработать с документами, относящимися к истории русского населения Якутского тракта. Среди прочего исследователь сделал следующие наблюдения: «Браки с якутами у крестьян были, но редко; в зятя же себе якутов крестьяне почти не принимали. Последнее обуславливалось нежеланием передачи гоньбы и раздела ее между еще большим коли-

чество душ» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 25. Л. 69). Дело в том, что казна, оплачивая ямщикам их услуги, выделяла средства крестьянскому обществу на фиксированное число необходимых для гоньбы пар лошадей. В свою очередь, распределение оплаты внутри ямщицких селений – станков – производилось по числу душ наличного населения станка (АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 25. Л. 25). В этой связи, например, к гоньбе не привлекали также и ссыльных. Свадьбы же старались организовать между представителями разных станков, стремясь не допустить в свой круг никого извне (АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 25. Л. 69–70). Возможно, отмеченное мнение М.А. Рыбаков сформулировал, опираясь главным образом на данные, относящиеся к современному южному кусту Хангаласского улуса и к Олекминскому району Якутии. Проведенный в этой связи анализ метрических книг за 1870-е – 1910-е гг. Синской Воскресенской и Саньяхтахской Николаевской церковью, отложившихся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), подтвердил, что браки между жителями станков и окрестных наслегов действительно совершались крайне редко. Как правило, супруга принадлежала к другому станку.

В том числе и таким путем шло развитие сохранившейся до наших дней самобытной при-

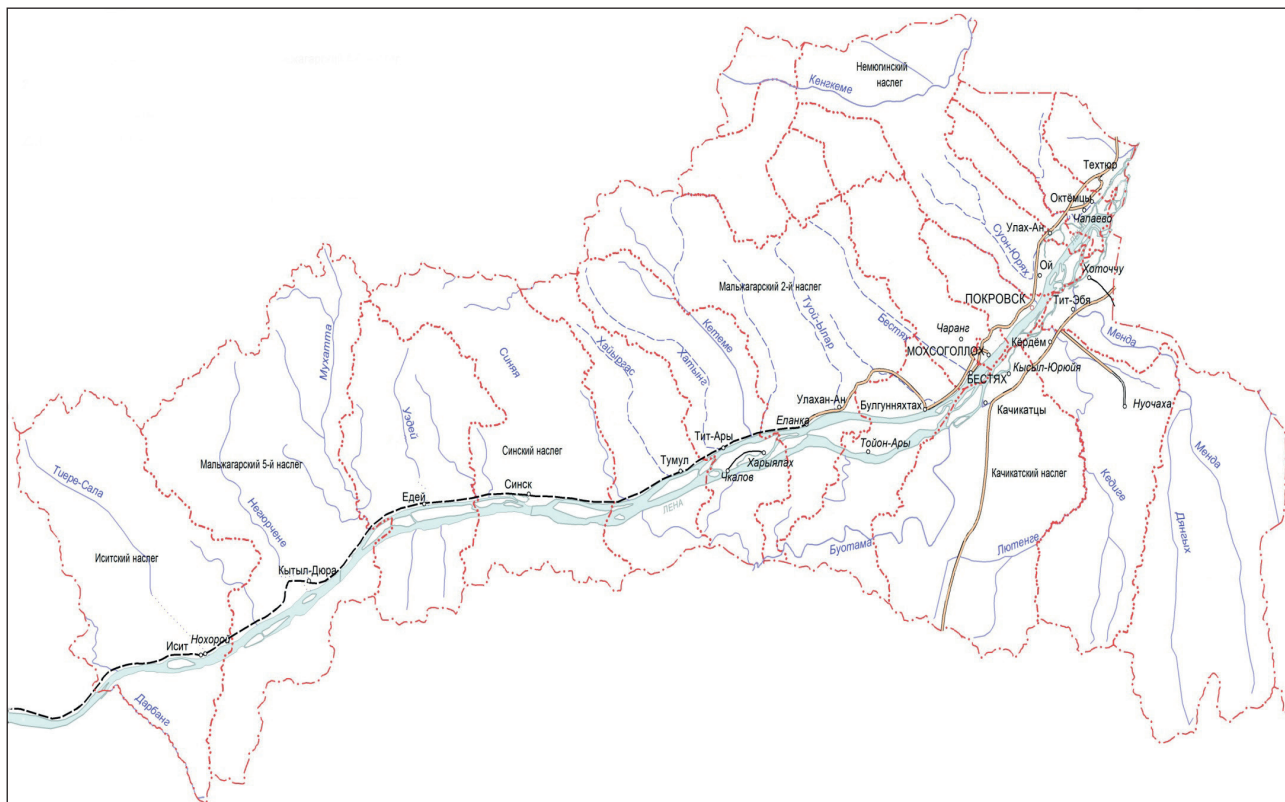

Рис. 1. Административная карта Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия)

ленской группы русских старожилов Якутии, представители которой являются носителям оригинальной, сформировавшейся на берегах Лены культуры. Ее главная черта – симбиоз привнесенных, характерных для русского населения центральной России, а также комплекса ассимиляционных и адаптационных практик (Полевые материалы автора. Исследования в Иситском и Мальжагарском 5-м наслегах Хангаласского улуса РС(Я), август 2017 г., далее – ПМА. 2017 г.) [17; 23].

Присутствие русских в Якутии в целом и Русской православной церкви в частности дает нам возможность для уточнения ареалов расселения тунгусов на современной территории Хангаласского улуса на рубеже XIX–XX вв. вновь задействовать такой инструмент, как метрические книги.

Проведенный анализ метрических книг за 1898–1913 гг. Качикатской Николаевской, Сатинской Мелентиевской, Тит-Аринской Петропавловской, Улахан-Анской Никаноровской, Кангаласской Покровской, Октемской Троицкой, Синской Воскресенской и Саньяхтахской Николаевской церквей (Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. И226. Оп. 16. Д. 8; 13; 24; 32; 60; 60А; 130; 149; 184) в совокупности с представленным ранее материалом позволяют сделать вывод о том, что к началу XX в. пространство жизнедеятельности тунгусов на территории современного Хангаласского улуса охватывало оба берега Лены. При этом на правом берегу это пространство доходило на востоке примерно до современных Качикатцев, где в том числе велось активное торговое взаимодействие с якутами. Основными опорными «магистральями» для кочевий тунгусов здесь являлись реки Буотома и Кетеме. На левом же берегу такой магистралью в свое время выступала река Синяя. В результате ареалом мобильности тунгусов стала территория вблизи нее и далее на юго-запад к современным границам Хангаласского и Олекминского районов. Левобережье Лены оказалось местом этнокультурного взаимодействия тунгусов с русскими и якутами. Говоря о «пространстве жизнедеятельности», необходимо уточнить, что речь, разумеется, идет в основном о спорадическом характере временных малочисленных поселений, создаваемых в ходе кочевий (за исключением бассейна реки Синяя).

В советский период значительно возросла доля русских в национальной структуре населения современного Хангаласского улуса, но-

сившего большую часть того периода название «Орджоникидзевский» (1937–1992). Данный факт был связан прежде всего с реализацией ряда индустриальных проектов и миграцией «под них» населения из западных регионов Советского Союза. Одним из крупнейших проектов стало строительство цементного завода в образованном в 1958 г. поселке Мохсоголлох.

В результате, по данным переписи населения 1939 г., в Орджоникидзевском районе Якутской АССР проживало 18453 чел. Из них 12342 чел. являлись якутами (67%), 5727 чел. – русскими (31%), 95 чел. – эвенками (0,5%) и 7 чел. – эвенками (0,04%). Спустя полвека эти показатели были уже следующими: из 35094 чел. отнесли себя к якутам 18218 чел. (52%), к русским – 13969 чел. (40%), к эвенкам – 175 чел. (0,5%) и к эвенкам – 125 чел. (0,36%) [14, с. 51].

Другой характерной чертой, которая стала результатом реализации в сельской Якутии политики коллективизации и поселкования, явилось укрупнение населенных пунктов. В результате на смену дисперсному расселению по территории Хангаласского улуса пришло его уплотнение в долине Лены, а более «глубинные» поселения, в особенности на правом берегу, прекратили свое существование. В этом отношении показательно, что за период 1939–2010 гг. в улусе из 268 сельских поселений 234 были ликвидированы, в подавляющем большинстве – именно в советские годы [20]. В относительно крупных селах, где ассимиляционные процессы, естественно, интенсифицировались, были сконцентрированы и представители коренных малочисленных народов Севера. Вероятно, в том числе под унификационным воздействием советской модернизации фактически сошло на нет и оленеводство. В 1917 г. в Западно-Кангаласском улусе было зафиксировано 1789 оленей [21, с. 88]. По данным опрошенных нами информантов, еще в середине XX в. оленеводство сохранялось в Орджоникидзевском районе среди коренных малочисленных народов Севера (ПМА. 2017 г.). К 1990 г. же в районе не осталось ни одного домашнего оленя [21, с. 168].

На рубеже XX и XXI вв. социально-экономическая ситуация, а вместе с ней демографические характеристики населения Хангаласского улуса претерпели значительные изменения. В этой связи обращает на себя внимание некоторое увеличение доли представителей коренных малочисленных народов Севера, что было связано, с одной стороны, с отъездом части населе-

ния в столицу Якутии, другие города России и бывших союзных республик, с другой – восставлением своей национальной принадлежности. Если в 1989 г., как отмечалось, в Хангаласском улусе проживало 35094 чел., из которых 307 чел. (0,87%) являлись представителями коренных малочисленных народов Севера [15, с. 68], то в 2010 г. из 34052 чел. населения улуса 415 чел. отнесли себя к эвенкам (1,2%), 289 чел. – к эвенкам (0,85%), 20 чел. – к долганам (0,06%), 11 чел. – к чукчам (0,03%), по 7 чел. – к юкагирам (0,02%) и ненцам (0,02%), 4 чел. – к нанайцам (0,01%), по 1 чел. – к корякам и нивхам. Таким образом, доля представителей коренных малочисленных народов Севера в населении улуса увеличилась до 2,2%. Эвенки и эвены составляют достаточно существенную часть населения сел Синск, Едей и Кытыл-Дюра. В частности, в Едее на них приходится около 13% от общей численности жителей села. Представлены эвенки и в Исити. В августе 2017 г. во время полевых исследований в этом населенном пункте был подробно опрошен эвенк Семен Тимофеевич Е. Основу жизнеобеспечения его семьи по-прежнему составляет традиционное для эвенков улуса занятие охотничьим промыслом (ПМА. 2017 г.).

Определенную нишу в экономике Хангаласского улуса занимают родовые общины коренных малочисленных народов Севера: «Морсо», «Бэтчэн», «Кынат», «Сугар», «Келет», «Кытах», «Дьюона», «Юнкюр» и др. В основном они специализируются на охоте на диких животных, продолжая таким образом традиционное занятие своих предков. Кроме того, среди других направлений деятельности некоторых из названных общин при их создании были также указаны рыболовство, оленеводство и коневодство.

Имеющиеся сведения позволяют сделать вывод о том, что в Хангаласском улусе ведется достаточно активная политика по поддержке самобытных этнических культур. В первую очередь речь идет о русском старожильческом населении. В последние годы одной из визитных карточек улуса стало его ямщицкое прошлое. В этой связи следует отметить строительство культурно-этнографического туристического комплекса «Ямщицкое подворье» в с. Еланка, Музей жизни и быта ямщиков в с. Тит-Ары, проведение фестиваля «Гармонь моя ямщицкая», ямщицких гонок «Почтовая гоньба», научно-просветительской экспедиции «По следам государевых ямщиков», регулярной улусной

научно-практической конференции для школьников «Ямщицкие чтения», поддержку работы фольклорных коллективов «Ямщицкий перезвон» (г. Покровск), «Сударушка» (с. Булгунняхтах), «Топотушки» (с. Синск), «Бубенцы над Леной» (п. Мохсоголлох) и др.

Можно отметить и определенную активность в отношении популяризации этнической культуры коренных малочисленных народов Севера. В частности, проведенные исследования показали, что в улусе отмечаются традиционный эвенкийский праздник «Синильгэн» и традиционный эвенский праздник «Эвинек». В 2018 г. поддержку со стороны Фонда президентских грантов получил инициативный проект «Буотамы живительная сила», направленный на популяризацию традиций охотничьей культуры эвенков. Представлены коренные малочисленные народы Севера и в проводящемся в административном центре улуса фестивале «Покровск – территория дружбы». Среди уроженцев Хангаласского улуса – известные эвенкийские писатели, члены Союза писателей России В.В. Данилова и Н.Р. Калитин, являющиеся одними из учредителей упомянутых выше общин «Сугар» и «Морсо». Вместе с тем наблюдается фактически тотальная утрата знания эвенкийского и эвенского языков. Они не востребованы и не употребляются в повседневной жизни.

Таким образом, если рассуждать на основании изложенного материала о возможности включения Хангаласского улуса в «Перечень мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», то сделать это применительно к территории всего административного района в настоящее время достаточно проблематично. Археологические и письменные источники XIII–XVII вв. однозначно свидетельствуют о том, что восточная часть современной территории района в этот период уже являлась местом традиционного проживания якутов, не относящихся к малочисленным этносам. В настоящее же время, как было отмечено, доля представителей коренных малочисленных народов Севера в населении Хангаласского улуса составляет немногим более 2%. Вместе с тем возможно включение в названный документ отдельных муниципальных образований улуса. В этой связи представляется, что выявленные при подготовке данной статьи сведения дают основания для включения в «Перечень...»

Синского, Мальжагарского 4-го и 5-го, а также Иситского наслегов Хангаласского улуса РС (Я). Включение названных наслегов в данный перечень существенно поможет охране экологии их территории. Как показывает опыт Республики Саха (Якутия), придание подобного статуса в настоящий момент служит также одним из немногих действенных оснований для рассмотрения вопроса о компенсациях коренному населению в связи с индустриальным освоением территорий исконного проживания аборигенных этносов. Выявленный материал позволяет обсуждать также и возможность отнесения к местам традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера территории ряда других наслегов Хангаласского улуса, расположенной на правом берегу р. Лены. Однако реализовать это на практике, учитывая текущие административные границы данных наслегов, довольно трудно.

Включение же всей территории Хангаласского улуса в «Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» возможно при условии приравнивания республиканским законодательством приленской группы русских старожилов к коренным малочисленным народам Севера по аналогии с русскими арктическими старожилами, имеющими такой статус с 2004 г.

Современная территория Хангаласского улуса является одним из интереснейших ареалов в Якутии в плане изучения истории этнокультурных процессов. Эта территория издавна являлась пространством жизнедеятельности представителей коренных малочисленных народов Севера. Именно здесь происходило становление и развитие одного из «ядер» якутского этноса. С вовлечением Якутии в орбиту Русского государства, совершенствованием системы администрирования и коммуникаций Приленье стало местом формирования самобытной этнической группы русских старожилов. В XX в. к взаимодействию этнических сообществ присоединилось активно мигрировавшее из западных регионов Советского Союза население, привлеченное для реализации различных индустриальных проектов. Последние десятилетия характеризуются определенным ренессансом этнических культур, увеличением доли представителей аборигенных этносов в национальной структуре населения Хангаласского улуса. Подобная многоаспектность ставит достаточно серьезные

вызовы для научного сообщества в плане определения возможности отнесения территории улуса к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова И.С. К вопросу о включении поселка Черский в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 4. С. 50–58.
2. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1969.
3. Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск: Якутский государственный университет, 2004.
4. Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960.
6. Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии: этно – статистическое исследование. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994.
7. Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск: Типография П.И. Макушина, 1898.
8. Майнов И.И. Помесь русских с якутами // Русский антропологический журнал. 1900. № 4. С. 37–57.
9. Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912.
10. Петрова Т.П. Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации. Якутск: Изд-во СО РАН, 2004.
11. Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. СПб., 1830. С. 394–417.
12. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978.
13. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976.
14. Статистический сборник № 3. Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Национальный состав населения Якутской АССР. Якутск, 1990.
15. Статистический сборник № 7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Поселки городского типа ЯАССР. Якутск, 1990.

16. Сулейманов А.А. Динамика этнокультурного облика мест традиционного проживания аборигенных этносов российской Арктики в XX – начале XXI вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 4. С. 15–20.

17. Сулейманов А.А. Русское старожильческое население сельских районов Якутии: механизмы адаптации хозяйства к условиям зимнего времени // Современная научная мысль. 2018. № 2. С. 35–42.

18. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985.

19. Филиппова В.В. Вилюйские эвенки: пример возвращения к локальной идентичности // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 2. С. 20–28.

20. Филиппова В.В. Пространственный анализ образования населенных пунктов на территории Хангаласского улуса в XX в. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1. С. 59–65.

21. Хангаласский улус: история, культура, фольклор / Под ред. В.И. Федорова. Якутск: Бичик, 2007.

22. Хохолова И.С., Пестерева К.А. Исторические и лингвистические аспекты формирования топонимов как показателей освоения ландшафта (на примере Хангаласского улуса РС(Я)) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 49–54.

23. Чарина О.И. Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994.

24. Boyakova, S.I. et al., 1996. Influence of the Northern Sea Route on social and cultural development of indigenous peoples of the Arctic zone of the Sakha Republic (Yakutia). Lysaker: Fridtjof Nansen Institute.

25. Schweitzer, P.P., Golovko, E.V. and Vakhtin, N.B., 2013. Mixed communities in the Russian North; or, Why are there no ‘creoles’ in Siberia? Ethnohistory, Vol. 60, no. 3, pp. 419–438.

26. Ventsel, A., 2006. Hunter-herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation. Nomadic Peoples, Vol. 10, no. 2, pp. 68–86.

27. Zamorshchikova, L.S. et al., 2022. Toponymic landscape of Central Yakutia: etymological analysis of geographical names. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 15, no. 3, pp. 359–370.

REFERENCES

1. Astakhova, I.S., 2018. K voprosu o vkluchenii poselka Cherskii v Perechen' mest traditsionnogo prozhivaniya i traditsionnoi khozyaistvennoi deyatelnosti korennykh malochislennykh narodov RF [Inclusion of Chersky Settlement in the List of places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous peoples in the Russian Federation], Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik, no. 4, pp. 50–58. (in Russ.)

2. Vasilevich, G.M., 1969. Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX vv.) [Evenki: essays in history and ethnography (XVIIIth – early XXth century)]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

3. Gogolev, A.I., 2004. Etnicheskaya istoriya narodov Yakutii (do nachala XX v.) [Ethnic history of the peoples of Yakutia (prior to the beginning of the XXth century)]. Yakutsk: Yakutskii gosudarstvennyi universitet. (in Russ.)

4. Gurvich, I.S., 1966. Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri [Ethnic history of the Northeastern Siberia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

5. Dolgikh, B.O., 1960. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and tribal composition of Siberian population in the in the XVIIth century]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

6. Ignatieva, V.B., 1994. Natsional'nyi sostav naseleniya Yakutii: etno – statisticheskoe issledovanie [Ethnic composition of the population of Yakutia: ethnostatistical study]. Yakutsk: YaNTs SO RAN. (in Russ.)

7. Mainov, I.I., 1898. Nekotorye dannye o tungusakh Yakutskogo kraia [Some data on the Tungus of the Yakut Territory]. Irkutsk: Tipografiya P.I. Makushina. (in Russ.)

8. Mainov, I.I., 1900. Pomes' russkikh yakutami [The mix of Russians and Yakuts], Russkii antropologicheskii zhurnal, no. 4, pp. 37–57. (in Russ.)

9. Mainov, I.I., 1912. Russkie krest'yane i osedlye inorodtsy Yakutskoi oblasti [Russian peasants and the settlers from different ethnic groups in Yakutsk Area]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma. (in Russ.)

10. Petrova, T.P., 2004. Russkoe naselenie Yakutii: problemy etnokol'turnoi adaptatsii [Russian population in Yakutia: the problems of the ethnic cultural adaptation]. Yakutsk: Izd-vo SO RAN. (in Russ.)

11. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. 38 [Complete collection of laws of the Russian

Empire. Vol. 38]. Sankt-Peterburg, 1830, pp. 394–417. (in Russ.)

12. Safronov, F.G., 1978. Russkie na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.: upravlenie, sluzhilye lyudi, krest'yane, gorodskoe naselenie [Russians in Northeast Asia from the XVIIth century until the middle of the XIXth century: management, service class people, peasants, urban population]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

13. Simchenko, Yu.B., 1976. Kul'tura okhotnikov na oleni Severnoi Evrazii [The culture of deer hunters of Northern Eurasia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

14. Statisticheskii sbornik № 3. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya na 12 yanvarya 1989 g. Natsional'nyi sostav naseleniya Yakutskoi ASSR [Statistical collection no. 3. Results of the All-Union population census on January 12, 1989. The national composition of the population of the Yakut ASSR]. Yakutsk, 1990. (in Russ.)

15. Statisticheskii sbornik № 7. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g. Poselki gorodskogo tipa YaASSR [Statistical collection no. 7. Results of the All-Union population census of 1989. Urban-type settlements of the Yakut ASSR]. Yakutsk, 1990. (in Russ.)

16. Suleymanov, A.A., 2021. Dinamika etnokul'turnogo oblika mest traditsionnogo prozhivaniya aborigennykh etnosov rossiiskoi Arktiki v XX – nachale XXI vv. [Ethnocultural processes in the territories inhabited by indigenous peoples of the Russian Arctic in the XXth – early XXIst century], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 4, pp. 15–20. (in Russ.)

17. Suleymanov, A.A., 2018. Russkoe starozhil'cheskoe naselenie sel'skikh raionov Yakutii: mekhanizmy adaptatsii khozyaistva k usloviyam zimnego vremeni [Russian old-timers heritage of rural districts of Yakutia: mechanisms of adaptation of economy to the conditions of winter time], Sovremennaya nauchnaya mysl', no. 2, pp. 35–42. (in Russ.)

18. Tugolukov, V.A., 1985. Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri [Tungus (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

19. Filippova, V.V., 2021. Vilyuiskie evenki: primer vozvrashcheniya k lokal'noi identichnosti [Vilyui Evenks: a case of return to local identity], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 2, pp. 20–28. (in Russ.)

20. Filippova, V.V., 2019. Prostranstvennyi analiz obrazovaniya naselennykh punktov na territorii Khangalasskogo ulusa v XX v. [Spatial analysis of the formation of settlements in Khangalassky District in the XXth century], Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik, no. 1, pp. 59–65. (in Russ.)

21. Fedorov, V.I. ed., 2017. Khangalasskii ulus: istoriya, kul'tura, fol'klor [Khangalassky District: history, culture, folklore]. Yakutsk: Bichik. (in Russ.)

22. Khokholova, I.S. and Pestereva, K.A., 2018. Istoricheskie i lingvisticheskie aspekty formirovaniya toponimov kak pokazatelei osvoeniya landshafta (na primere Khangalasskogo ulusa RS(Ya)) [Historical and linguistic aspects of creating place names as indicators of landscape development (the case of Khangalassky District in Yakutia)], Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, no. 1, pp. 49–54. (in Russ.)

23. Charina, O.I., 1994. Fol'klor russkogo naseleniya Yakutii (russkie pesni Lenskogo trakta) [Folklore of the Russian population of Yakutia (Russian songs of the Lensky path)]. Yakutsk: YaNTs SO RAN. (in Russ.)

24. Boyakova, S.I. et al., 1996. Influence of the Northern Sea Route on social and cultural development of indigenous peoples of the Arctic zone of the Sakha Republic (Yakutia). Lysaker: Fridtjof Nansen Institute.

25. Schweitzer, P.P., Golovko, E.V. and Vakhtin, N.B., 2013. Mixed communities in the Russian North; or, Why are there no 'creoles' in Siberia? Ethnohistory, Vol. 60, no. 3, pp. 419–438.

26. Ventsel, A., 2006. Hunter-herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation. Nomadic Peoples, Vol. 10, no. 2, pp. 68–86.

27. Zamorshchikova, L.S. et al., 2022. Toponymic landscape of Central Yakutia: etymological analysis of geographical names. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 15, no. 3, pp. 359–370.

Л.Н. Хаховская*

МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ ЧУКОТКИ
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена этническим аспектам развития морского зверобойного промысла Чукотки в советское время. Автор прослеживает ход советской модернизации отрасли, переход от традиционных методов промысла к более совершенным в техническом и технологическом отношении, а также сопутствующие этому социальные изменения и констатирует, что в позднесоветское время в сфере морского промысла сложились острые технологические и социальные диспропорции.

Ключевые слова: морской зверобойный промысел, Чукотка, эскимосы, приморские чукчи, советская модернизация

Marine mammal hunting in Soviet Chukotka: ethnographic aspect.
LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the ethnic aspects of the development of the marine mammal hunting in Chukotka in the Soviet era. The author traces the course of the Soviet modernization of the industry, the transition from traditional hunting methods to more technically advanced ones, as well as the resulting social changes, and states that by the late Soviet period the field of marine mammal hunting has been experiencing sharp technological and social disproportions.

Keywords: marine mammal hunting, Chukotka, Eskimos, settled Chukchee, Soviet modernization

Морской зверобойный промысел как отрасль присваивающего природопользования был характерен для коренных жителей прибрежных районов Чукотки, омываемых водами Берингова, Чукотского и Восточно-Сибирского морей. В этом регионе морские млекопитающие представлены примерно двумя десятками видов ластоногих и китообразных. В числе ластоногих – тихоокеанский морж, морской заяц (лахтак), кольчатая нерпа (акиба), пестрая нерпа (ларга), полосатый тюлень (крылатка) и

сивуч. Китообразные представлены усатыми и зубатыми китами и дельфинами, в их числе – гренландский кит, синий кит, калифорнийский серый кит и другие. Практически все виды морских зверей добывались в рамках традиционного природопользования коренных жителей, при этом объекты промысла различались. Китобойный промысел был развит в районе Берингова пролива, залива Лаврентия, Мечигменской губы и мыса Чаплина. На территории от Анадырского залива до мыса Рыркайпий до-

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2023

бывали также моржа. К западу от мыса Сердце-Камень моржовый промысел значительно сокращался, поэтому жители северных селений Чукотки занимались в основном охотой на лахтаков и мелких ластоногих (ларга, акиба) [3, с. 110].

В данной статье будут рассмотрены этнические аспекты развития морского зверобойного промысла Чукотки в советское время. При этом для того, чтобы показать масштабы сдвигов, произошедших в интересующий нас период, предварительно будут описаны традиционные способы охоты на морских животных, существовавшие на протяжении длительного времени. Исследование опирается на широкий круг источников: архивные материалы, представленные документами партийных, советских и хозяйственных организаций, а также материалы периодической печати.

В рамках традиционного природопользования основная масса добычи использовалась внутри домохозяйств, при этом все части морских животных утилизировались без остатка. Но обращение с добытыми животными не было исключительно утилитарным: большое значение коренные жители придавали символическому поведению, которое основывалось на представлениях о том, что зверь приходит к людям в гости, его необходимо достойно встретить и проводить. Ярким примером этого является чукотско-эскимосский праздник моржовых голов, когда каждый охотник, добывший зверя, согласно традиции, обязан был провести с его головой предписанные обряды, завершавшиеся выносом накопленных за сезон голов на жертвенное место. В результате сезонных промысловых церемоний вблизи береговых сел образовывались «мемориалы» из голов и костей добытых животных, которые становились сакральными объектами и жертвенниками [14, с. 76].

Со второй половины XIX в., под влиянием обменных операций с американской стороной, продукция морского зверобойного промысла начинает приобретать товарное значение. Спросом стали пользоваться клыки моржей, китовый ус, жир и шкуры моржа, нерпы и лахтака. Это создавало условия для развития частной собственности, становления имущественного и социального неравенства. В среде морских зверобоев Чукотки стали появляться богатые агенты-торговцы – Тынэскин-Оой из с. Уэлен, Алитет из с. Рыркайпий, Кувар из с. Чаплино,

которые «продают вещи своим же собратям неимоверно дорого» [3, с. 111]. В конце XIX – начале XX вв. побережье Чукотского полуострова представляло собой непрерывную цепочку чукотских и эскимосских поселений с определенными границами и сезонными охотничьими стоянками. Тесные родственные и торговые связи между соседними поселениями помогали устанавливать правила природопользования. Эксплуатация природных объектов, наиболее ценными из которых были моржовые лежбища, носила договорной характер, хотя иногда случались и конфликты. Так, чукчи-уэленцы совместно с эскимосами села Наукан использовали моржовое лежбище у мыса Кэнь-ынэн. Если одна из сторон нарушала договор о совместной охоте, то возникала ссора. Последняя из них произошла в 1920-х гг.: «Науканцы, не уведомив уэленцев, решили колоть моржей на лежбище. Уэленцы узнали и на двенадцати байдарах прибыли к месту. Завязалась драка. Уэленцы били эскимосов нерпичьими рукавицами, наполненными галькой, их было больше, и они жестоко расправились с науканцами» [5, с. 30]. Впоследствии в регулирование режима морской охоты включились органы советской власти.

Состояние биологических ресурсов, служивших объектами охоты (кит, морж, в меньшей степени – лахтак, нерпа), было подорвано их хищническим истреблением американскими промысловиками в досоветский период, поскольку они использовали современные плавательные средства и вооружение. Под влиянием промысловых практик американцев существенно изменились и способы морской охоты аборигенов: вместо традиционных метательных гарпунов и добойных копий все чаще применялось огнестрельное оружие, байдары частично заменялись вельботами, стали использоваться моторы. Такие технические усовершенствования были доступны прежде всего зажиточным охотникам. Однако даже использование огнестрельного вооружения и более совершенных плавсредств не гарантировало такой размер добычи, который бы устранил угрозу голода среди оседлых жителей. Морские зверобои Чукотки периодически испытывали нехватку продуктов, постоянно находились перед угрозой собственной голодной смерти и падежа собак от бескормицы.

Смена в стране государственной власти и политического строя на первых порах мало

отразилась на хозяйственной специализации оседлых жителей Чукотки. Каждый взрослый мужчина – житель берегового селения – был охотником, главой домохозяйства, члены которого размещались, как правило, в отдельном жилище (яранге). Помимо натурального потребления продукции морского зверобойного промысла внутри домохозяйств, источником их жизнеобеспечения оставалась продажа в сохранявшиеся фактории и вновь возникавшие кооперативы сырья (мех пушных зверей, шкуры и жир морских животных) и изделий, производство которых было хорошо освоено населением в досоветское время: резная и «рисованная» кость и так называемая рухлядь (меховые штаны, торбаса, тапочки, чижы, коврики). Обладатели собачьих упряжек зарабатывали каюрством [13, с. 173].

Советская власть была вынуждена решать проблемы, сложившиеся в регионе в предшествующий период. В первые советские годы руководители региона столкнулись с необходимостью, во-первых, постоянно организовывать и контролировать ход добычи, чтобы население не голодало, во-вторых, перевооружать зверобоев техническими средствами (оружие, плавсредства), в-третьих, наладить регулярное снабжение прибрежных поселений привозными товарами и продуктами, отчасти заменяющими традиционную пищу. В соответствии с общим направлением советской модернизации основой реформирования местного экономического уклада стало создание коллективных хозяйств. К 1934 г. на Чукотке из 60 коллективных хозяйств 40 были морзверобойными, созданными в форме товариществ или артелей [2, с. 26]. Морская охота оставалась ведущим направлением присваивающего хозяйства береговых селений Чукотки в первые советские десятилетия. Промысел основных видов морских зверей – моржа, лахтака и нерпы – служил источником питания береговых жителей и доходов вновь образованных коллективных хозяйств.

Играя решающую роль в жизнеобеспечении аборигенов и экономики колхозов, морской промысел также служил основой развития пушной охоты, транспортного собаководства и кустарных промыслов. Именно поэтому объемам морской добычи органы власти придавали первостепенное значение, планируя их постоянный рост. Однако предпринимаемые советской и партийной администрацией

попытки директивно интенсифицировать эту отрасль длительное время не давали эффекта: планы добычи морских животных из года в год не выполнялись. При этом в 1930-е – 1940-е гг. наблюдалась резкая дифференциация результативности промысла по видам морских животных: если с лахтаком и нерпой дела обстояли сравнительно благополучно, то морж становился все более редкой добычей охотников. Это снижало количественные показатели: чтобы заменить одного моржа, требовалось добыть полтора десятка нерп или около десятка лахтаков. Кроме того, морж для чукчей и эскимосов всегда был более желанной добычей, его мясо и жир были наиболее ценной пищей (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 77. Л. 10; Д. 84. Л. 99).

В этот период промысел продолжал вестись в основном традиционными средствами, требовал значительных людских усилий и был небезопасен для охотников. Оснащение коллективных хозяйств новыми техническими средствами было недостаточным. Не хватало вельботов, рульмоторов, огнестрельного оружия, при этом часть промысловых судов и боевого снаряжения находились в изношенном или даже неисправном состоянии. Существовали и социальные причины низкой эффективности промысла, которые заключались в сложившемся менталитете морских охотников: наращивание объемов добычи являлось внешней задачей, контроль за ее воплощением в жизнь вела партийная, хозяйственная и советская администрация. Мотивировать же самих морских зверобоев к сознательной интенсификации их усилий удавалось далеко не всегда, поскольку они довольствовались той добычей, которая уже имелась. Добывать же впрок свыше необходимого в ближайшее время потребления в традиционной культуре считалось предосудительным. В результате промысловые хозяйства в 1930-е – 1940-е гг. постоянно находились на грани критического положения из-за реальной угрозы голодовок вследствие скудного морского промысла.

Эта особенность традиционного природопользования морских зверобоев Чукотки, безусловно, была укоренена в далеком прошлом и имела связь с моделями поведения, присущими их предкам. Относительно присваивающей экономики традиционных обществ антропологи выделяют два основных способа жизнеобес-

спечения в зависимости от масштаба использования ресурсов. Один из них направлен на постоянное увеличение добычи для изготовления все большего объема продуктов питания, материалов для жилищ, одежды, орудий труда. Возможно, такая «экофобная» (в классификации С.А. Арутюнова) модель поведения была присуща предкам эскимосов в отдаленном прошлом, отголоски которого проявлялись и в более позднее время, вплоть до современности [1, с. 375, 376]. Другой же способ жизнеобеспечения, напротив, нацелен на минимальную добычу, которая обеспечивает этнос лишь самым необходимым, критически важным для выживания [11, с. 19–45]. Морские зверобои Чукотки накануне установления и в первые годы советской власти придерживались скорее второй модели, которая характеризуется М. Салинзом как «недопроизводство» [11, с. 53], позволяющее обществу более рационально и экономно использовать свои силы и ресурсы и при этом обеспечивать выживание.

В конце 1940-х гг. из-за недостаточного промысла моржа в чукотских береговых поселениях возник серьезный дефицит мяса и жира. Это создало трудности с обеспечением людей и ездовых собак пищей, также не хватало жира для освещения и отопления жилищ. Плохо обстояло дело с хранением и переработкой продукции морской охоты: погреба и ледники в колхозах отсутствовали, складирование мяса и жира продолжалось в традиционных мясных ямах. Источником прибыли могли бы служить готовые изделия из кожи и меха – торбаса, штаны, тапочки, но такой организованный промысел не был налажен ни в одном колхозе, а осуществлялся, как и прежде, индивидуально, на дому, и зависел от возможностей и желания самих жителей, прежде всего женщин. Выделку меха и кожи они вели традиционными инструментами и способами, затрачивали много времени, поэтому объемы продукции были небольшими.

До середины XX в. большинство береговых жителей Чукотки жили и вели свое хозяйство так, как и в досоветские времена, – «как единоличники», числящиеся колхозниками лишь на бумаге. Аборигены были «разбросаны по хуторам и там, где ни заблагорассудится», в колхозах отсутствовал «повседневный и единый учет», правления «работали плохо и существовали формально» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 77. Л. 18). Усилия советской администрации

в 1940-х гг. были направлены в основном на то, чтобы береговое население само обеспечивало себя продуктами морской охоты в достаточном количестве. Эту цель преследовали спускаемые колхозам и бригадам планы, этого добивались уполномоченные, которых ежегодно на время весенней охоты посылали в хозяйства для организации промысла и контроля за действиями охотников, для этого проводилось обновление промыслового флота и инвентаря.

Государственный план по сдаче продукции колхозы не выполняли, главной их задачей было самообеспечение жителей и некоторое оживление экономики коллективных объединений за счет внутренних обменов и децентрализованных поставок. Однако артели и товарищества с трудом справлялись даже с собственным жизнеобеспечением. При этом колхозники продолжали вести и индивидуальную охоту, в особенности зимой. Каждый взрослый мужчина приморского селения, как правило, был морским зверобоем, который так характеризовал свое оснащение для зимней охоты: «В образцовом порядке держу ... личное охотснаряжение – закидушки с ремнем длиной в 30 метров, палки длинные с крючками и палки короткие для работы в торах. Имею всегда запас ремней для перетаскивания добытого мяса, жира, шкур» [6].

Такой способ хозяйствования был близок традиционному как в экономическом, так и в социальном плане, он консервировал традиционный уровень развития береговых поселений. Советская администрация старалась преодолеть эту архаику. Для того, чтобы поднять морской зверобойный промысел на новый уровень, было принято решение организовать моторно-зверобойные станции (МЗС), оснастить их промысловым флотом и современным оружием, с помощью которых обслуживать береговые колхозы, помогая им в промысле. В конце 1940-х гг. в Чукотском районе Чукотки была развернута работа Пloverской МЗС, которая оказывала помощь 27 зверобойным бригадам. В промысловый сезон 1948 г. станция предоставляла этим бригадам для промысла 6 безмоторных вельботов, 1 моторный вельбот, 3 сейнера и 2 шхуны (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 77. Л. 13). Позднее была введена в строй Мечигменская зверобойная станция. С ростом материально-технической базы обе станции были преобразованы в морские зверобойные комбинаты, хотя на всем протяжении своей

деятельности эти структуры оставались плано-увыбыточными (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 8. Л. 7).

В целом в 1930-е – 1940-е гг. основной задачей развития морского зверобойного комплекса оставалось обеспечение жизненных потребностей коренного населения, предотвращение голода в береговых поселках. Этим была обусловлена установка на интенсификацию промысла и увеличение добычи. При общем сохранении традиционной технологии добычи и переработки шло значительное совершенствование орудий промысла и водных плавательных средств. В то же время добыча, переработка и потребление продукции промысла осуществлялись в рамках традиционного хозяйства. Туши морских животных утилизировались полностью: мясо и жир шли на питание людей и кормление многочисленных ездовых собак, жиром также освещались яранги, шкуры шли на ремни, одежду и обувь, на покрышки каяков и байдар. В дело шли также внутренности (для корма собак, для пошива дождевиков) и кости (они заменяли дрова). Сохранялся традиционный обмен с кочевниками-оленеводами, которые также нуждались в шкурах и жире морских животных.

Со второй половины XX в. вследствие значительного организационного, технического и технологического вклада морзверобойных комбинатов колхозы добились устойчивого роста добычи. При этом на долю крупных плавсредств (шхун и сейнеров-китобойцев), пре-

доставляемых комбинатами, приходилось 50% добычи, в то время как колхозы продолжали охотиться на вельботах, оснащенных рульмоторами (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). К концу 1950-х гг. среднегодовая добыча морского зверя в колхозах Чукотки составляла по количеству голов 21–22 тыс., по массе – 50–65 тыс. ц. С точки зрения видового состава добычи по массе преобладали моржи, а в количественном отношении – нерпы.

Морж в традиционной культуре эскимосов и приморских чукчей был наиболее желанным объектом добычи и, как правило, утилизировался полностью. Традиционным способом промысла была поколка на береговых лежбищах, среди которых основными были Дежневское (его осваивали охотники сел Уэлен и Инчоун), Инчоунское (с. Инчоун), Рэткын (с. Энмелен), Сердце-Камень (с. Энурмино), Колючинское (с. Нутепельмен) (Рис. 1). Однако к концу 1950-х гг. из-за активной охоты поголовье моржей сильно сократилось, поэтому в целях сохранения вида промысел моржа нуждался в строгом контроле и ограничении. С 1959 г. был запрещен отстрел моржа на лежбищах Чукотского и Провиденского районов, исключение делалось только для нужд личного потребления колхозников этих районов. Самолетам Магаданской авиагруппы изменили маршруты с тем, чтобы избежать их прохождения над моржовыми лежбищами Руддер и Аракамчен и не нарушать покой животных (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 3. Д. 10. Л. 4). Добычу моржа пред-

Рис. 1. Лежбище моржей вблизи с. Уэлен (Чукотский район Чукотского национального округа) [4]

полагалось компенсировать мелким зверем и китами, добывая последних силами китобойных сейнеров Пloverского и Мечигменского зверокомбинатов.

Но поскольку мелкие ластоногие давали небольшой выход продукции, зверобой были вынуждены переключиться преимущественно на добычу кита, что поставило перед хозяйствами проблему быстрой и качественной переработки туши, которая была гораздо крупнее моржовой. В этот период наметилась технико-технологическая диспропорция, которая с каждым годом становилась все острее: переработка не успевала за добычей. Дисбаланс между промыслом и обработкой отмечали руководящие советские и партийные работники: «Важной отраслью сельскохозяйственного производства ... является морской зверобойный промысел. Это ... самая старая, исторически сложившаяся отрасль хозяйства. ... Имеется достаточное количество подлинных мастеров этого дела, таких как Киртавтагин и Инескин из колхоза “Маяк Севера”, Ратхугье из “Ударника”, Анукин из колхоза “Новая Жизнь”, Аренау из “Новая заря” и другие. Есть у нас и необходимая техника для промысла. А как мы используем все эти возможности? Очень плохо. Ни один колхоз не выполняет план доходов от реализации продукции, обработка морского зверя ведется самым примитивным способом, огромное количество продукции просто пропадает. Может показаться, что для простейшей механизации обработки морского зверя потребуются большие капиталовложения? Отнюдь нет. Каждый колхоз уже в 1958 г. с помощью шефов мог [бы] оборудовать разделочную площадку, значительно облегчить труд жиротопщиц. Но этому мешает пока нетерпимый консерватизм, желание работать по старинке. Жизнь показала, что агитации и уговоров здесь недостаточно, нужна еще партийная требовательность» (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 7).

В целом материально-техническая база переработки была недостаточной и не всегда использовалась надлежащим образом. В частности, разделка китов велась крайне примитивно, и более половины каждой туши пропадало без пользы: «При переработке китов используется только китовый жир, все остальное не перерабатывается, китовые туши разбросаны по всему побережью Чукотки» (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 283. Л. 80). Кроме того, колхозники, для облегчения промысла, зачастую добывали ки-

тов меньше положенных размеров. Эти факты вскрывались иногда весьма причудливым образом: так, один из офицеров пограничного отряда «сделал хорошую фотографию разделки кита и послал ее в журнал “Огонек”. Из редакции пришел ответ, что фотография отличная, но так как кит меньше положенных размеров, то фото нельзя помещать в журнал» (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 2. Д. 1. Л. 100).

Во второй половине XX в. развитие морского промысла на Крайнем Северо-Востоке во многом определялось двумя важными организационно-политическими и институциональными преобразованиями: принятием постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР № 300 от 16.03.1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» и переходом Пloverского и Мечигменского зверокомбинатов и зверодобывающих колхозов в ведение Магаданского совнархоза. Этим преобразованиям сопутствовала дискуссия в руководящих кругах региона о судьбах традиционных отраслей хозяйства. Ряд руководителей стоял на позициях экономической целесообразности, которая в отношении местных жителей выливалась в крайний патернализм: государству как бы предлагалось взять все население на содержание, а не развивать крайне трудозатратные и зачастую убыточные отрасли региона. Верх, однако, взял продвигаемый высшими органами власти социально ориентированный патернализм, нацеленный на социокультурное развитие коренного населения именно через трудовую занятость в исторически укорененном природопользовании: «Кое-кто рассуждает так, что де наше сельское хозяйство стоит, когда масла разного нам везут в достатке, сало, колбасы, консервы мясные, рыбные, фруктовые, овощные прибывают непрерывно, муки у нас годовые запасы и поэтому стоит ли голову ломать над содержанием и сохранением оленей, ловом рыбы, добычей моржа и тому подобными делами. Край обживается, промышленность растет, народ с материка прибывает, вроде все в порядке. Все это правильно, но государство и партия оказывают нам постоянное внимание, заботу, щедро и богато обеспечивает область для того, чтобы мы лучше жили и успешнее поднимали хозяйство, экономику и культуру местного народа. Поскольку основная масса местных народностей живет и трудится в сельском хозяйстве, поэтому нам надо сосредоточить свои силы на

его подъеме и развитии» (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 214. Л. 30).

Вместе с тем сокращение запасов моржа, необходимость перехода на китовый промысел и связанная с этим необходимость рационального использования добытого привели региональное руководство к идее внедрения в сельское хозяйство региона совершенно новой отрасли – клеточного пушного звероводства. По замыслу инновация также могла существенно увеличить трудовую занятость коренных жительниц береговых селений, безработица среди которых была острой социальной проблемой (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 8. Л. 78, 82). Кроме того, считалось, что экономически это будет выгодно, так как значительная часть пушнины шла на внешний рынок (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 294. Л. 8). Следует заметить, что эти ожидания не оправдались, и, несмотря на наличие довольно дешевого кормового сырья, выращивание пушных зверей (песцов, лисиц, норок) на Крайнем Северо-Востоке никогда не вышло на уровень рентабельности.

В 1950-е – 1960-е гг. органы власти взяли курс на достижение максимально возможно-

го объема добычи морских зверей и использование продукции не только в кругу домашних хозяйств, но и для поднятия экономики колхозов и повышения уровня жизни берегового населения. К этому времени проблема голода была полностью решена: на фоне достаточного количества привычной пищи в рацион коренных жителей также вошли привозные продукты, которые регулярно доставляли даже в труднодоступные места. Внутренний спрос на мясо и жир морских зверей полностью удовлетворялся, поэтому колхозы стали ориентироваться на выпуск товарной продукции (жир, шкуры), а также продовольственного сырья для других отраслей – пушной охоты и клеточного звероводства. Существенно менялась технология промысла за счет передачи функции добычи специально созданным морзверобойным станциям (комбинатам), которые использовали промышленные суда и орудия. Коллективные хозяйства также начали оснащаться более современной промысловой техникой (Рис. 2).

В коллективных хозяйствах в этот период сохранялся определенный баланс между внутренним и внешним потреблением, основная

Рис. 2. Морзверобойная бригада колхоза «Герой Труда» (центральная усадьба – с. Уэлен) ведет китовый промысел с моторного катера с применением гарпунных ружей. Первая половина 1960-х гг. [4]

масса зверей добывалась и полностью перерабатывалась с помощью традиционных средств. Однако морской зверобойный промысел стал терять свое основополагающее значение в традиционном природопользовании береговых хозяйств вследствие активной деятельности сторонних добывающих организаций, укрупнения береговых селений, развития торговой и снабженческой сети, постепенного отказа от содержания ездовых собак и изготовления байдар [4, с. 225].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. зверобойные колхозы были преобразованы в совхозы. В рамках совхозного промысла добывали главным образом моржа, нерпу и лахтака. Период охоты продолжался с мая по ноябрь. Основным совхозным флотом оставались вельботы с рульмоторами. Вельбот комплектовался звеньями по 5–8 человек, в составе звеньевого, рулевого и стрелков. Стрелки охотились карабинами и нарезными винтовками (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 502. Л. 56). Промысел моржей на открытой воде и льдинах в позднесоветский период хоть и отличался от традиционного, но по-прежнему требовал от охотников больших трудовых

усилий, стойкости и личного мужества: «... Мы быстро стали приближаться [к моржам]. На носу вельбота встали гарпунеры. Ближний к нам морж с дикими, свирепо выкатившимися глазами устрашающе поднял клыки, намереваясь вонзить их в борт. Но меткий выстрел ... мгновенно сразил зверя наповал. И сразу же, с силой метнув гарпун, охотник выбросил вслед желтую подушку пых-пыха. Спустя 2–3 минуты был мастерски загарпунен и второй зверь. Привязали обе громадные туши к бортам вельбота. ... Причалив ... к круглой широкой льдине, охотники в считанные минуты разделали моржей, погрузили мясо в вельбот, отчего он осел почти до верхней кромки бортов, и мы отправились домой» [7; 8]. При высадке на берег в больших поселках добытых моржей вытаскивали из воды трактором, а в маленьких – традиционным «перекатом» (Рис. 3).

Индивидуальные охотники продолжали активный лов зимой, после установления ледового покрова, добывая мелких ластоногих (акибу, ларгу). Охоту вели с кромки припайного льда или возле небольших полыней. Зверя поражали выстрелом из мелкокалиберной винтовки, за-

Рис. 3. Вытаскивание туши моржа на берег с помощью трактора. 1960-е гг. [4]

тем вытаскивали из воды кошкой на длинном ремне с берега или на воде с резиновой лодки. До промыслового участка охотники добирались на снегоходах с санями, иногда на собачьих упряжках, но это было уже уделом пожилых охотников. Добытую нерпу тут же разделявали на льду. Мясо забирали, а шкуру часто оставляли, так как в позднесоветский период спрос на подобное меховое сырье был низким. Охотники старшего поколения также практиковали лов нерпы с помощью ременных сетей, но среди молодежи данный способ промысла популярностью не пользовался.

На промысле более крупного лахтака использовали крупнокалиберное оружие, для повышения меткости стрельбы применяли опору для ружья в виде сошки. Зверя добывали на льдинах с лодок, осторожно подгребая на расстояние выстрела, или же скрытно подбираясь к нему после высадки на лед. Шкуры молодых лахтаков продолжали пользоваться большим спросом, так как из них изготавливали ремни и подошвы для обуви [10, с. 310–312].

Китов в рамках традиционного уклада добывали в местах их наиболее близкого подхода к берегу. Основным объектом были серые и гренландские киты, а количество добытых животных не превышало 5–10 экз. на всю Чукотку. Охотники на байдаре под парусом приближались к животному почти вплотную, метали в него поворотный гарпун с поплавками, затем, вымотав кита, наносили смертельный удар копьем в сердце. В конце XIX в. морские охотники Чукотки освоили американские ручные гарпуны с капсюльными патронами (датинганы) и добойные ружья вместо поворотных гарпунов и копий. Промысел китов они вели с традиционных байдар, а также покупных американских деревянных вельботов, оснащенных парусом. В советское время в обиход местных жителей вошел новый комплекс промыслового вооружения и плавсредств, который применялся в береговых селах: вельботы с рульмоторами, противотанковые ружья, гарпунные ружья, нарезное оружие разных типов.

В позднесоветское время потребность коренного населения в продуктах морзвербойного промысла (мясо, жир, шкуры для ремней, обуви) была полностью удовлетворена, во многом благодаря тому, что добычей занимались не только члены коллективных хозяйств на собственном флоте, но и команды специальных промысловых судов, которые снабжали берего-

вых жителей в централизованном порядке. Они доставляли в береговые селения главным образом китов, что привело практически к полной утрате местными жителями навыков китовой охоты и определенным иждивенческим настроениям. В конце 1960-х гг. на промысел вышел китобоец «Звездный», который работал на нем около 20 лет: «Постепенно жители привыкли, что мясо само приходит в дом, что голода не будет – придет “Звездный” и всех накормит» [4, с. 227].

В этот период серьезным испытанием для развития зверобойного промысла стала и другая социальная проблема – межпоколенческий разрыв в передаче знаний и навыков морской охоты. В связи со сменой поколений и техническим совершенствованием промыслового снаряжения во второй половине XX в. менялись стереотипы поведения морских охотников и система взаимоотношений людей и животных. Прежде всего, изменению подверглась скорость передвижения. Скорость прежних байдар и вельботов, на которых стояли надежные, но тихоходные рульмоторы «Пента» и «Архимед», была соизмерима со скоростью передвижения зверей, то есть возможности людей и животных были примерно равны (Рис. 4). «Неторопливый» способ охоты давал широкие возможности для детального изучения береговой полосы и течений, на море и суше замечалось больше подробностей, наблюдение за зверем было более продолжительным и внимательным.

Появление же мощных рульмоторов и скорострельных карабинов намного упростило процесс добычи: «У молодых охотников произошло как бы упрощение промысловой и культурно-значимой картины окружающего мира, а взамен появилась уверенность в своем превосходстве над животными за счет техники. По данным опросов, это характерно сейчас для большинства коренных жителей Чукотки» [10, с. 288, 289]. Морской промысел стал рассматриваться как второстепенная отрасль сельского хозяйства, а не как основа древней культуры береговых жителей. Если в традиционной культуре включение молодых людей в промысел происходило естественным образом, то теперь, по мнению самих охотников, этим должно было заниматься государство.

В силу специфики морского промысла охотники старшего поколения образовывали замкнутые коллективы, доступ молодежи в которые

был затруднен: «Люди (в бригадах Уэлькальского отделения совхоза “Возрождение”. – прим. авт.) в основном все пожилые, а неподготовленную молодежь мы к себе берем без особой охоты. И это можно понять – ведь во время напряженной охоты хочется видеть рядом с собой опытного человека, который не растеряется при любых обстоятельствах, окажет тебе, если будет необходимость, любую помощь. Думается, что подготовкой морских зверобоев нужно заниматься централизованно. ... Идут годы, стареем мы, потомственные морские охотники. И с грустью думаем о судьбе нашего промысла. Кто придет нам на смену?» [12].

В конце XX в., в связи с изменением экологической обстановки, морской зверобойный промысел коренных народов Крайнего Северо-Востока претерпел значительные изменения. Главным промысловым животным в районе Берингова пролива до недавнего времени был морж, причем добыча была специализированной: для мяса добывали молодых самцов, для изготовления байдарных покрышек – молодых самок, а в целях заготовки ценного клыка – старых самцов («шишкарей»). В связи с потеплением климата и исчезновением зимних многолетних плавучих льдов, на которых

обычно залегали моржи, существенно сократилась поколка зверей на льду, которая была основным видом промысла вплоть до конца 1980-х гг. Льдов, пригодных для залегания этих тяжелых зверей, стало недостаточно, поэтому они вынуждены выходить для отдыха на берег. Обратной стороной этого сдвига стало возобновление давно угасших в результате многолетних промыслов моржовых лежбищ. Например, восстановились лежбища вблизи сел Ванкарем и Рыркайпий, охотники села Янракинот начали колоть моржей на Аракамчеченском лежбище [10, с. 310–312].

В этом виде промысла также имелись межпоколенческие противоречия. Возрастные охотники однозначно высказывались в пользу поковки на лежбищах, тогда как молодежь предпочитала более активный промысел: «Пришли к выводу, что надо на лежбищах поколом заниматься, а не гонять моржа по морю. А то ведь сейчас для молодежи промысел – азартная охота. А потому и много подранков уходит. Методом покола в прошлом году мы пользовались три раза на о. Аракамчечен. Налицо экономия патронов, горючего. Есть и другой традиционный способ – бить пиками. Не стрелять, а гарпунить» [9].

Рис. 4. Рульмотор «Пента» на вельботе. 1960-е гг. [4]

В позднесоветский период значительно возросло технологическое оснащение морзверобойного промысла. При этом сохранялись организационные и технологические диспропорции как в самом процессе охоты, так и в обработке добытого. Добыв несколько туш зверя, морзверобойные бригады должны были самостоятельно транспортировать их на берег, упуская благоприятное время для дальнейшей охоты. Разделение труда в области добычи и транспортировки практиковалось лишь в ряде наиболее мощных совхозов. Еще более острым был дисбаланс между процессом добычи и переработки: «Морской зверобойный промысел как приложение деятельности местного населения развивается односторонне. Сама добыча морского зверя – на уровне современности. Морзверобой оснащены импортными рульмоторами, хорошим огнестрельным оружием, вельботами. А вот переработка добытого – на уровне времен колхозной коллективизации» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 605. Л. 63). Сырье и готовая продукция зачастую портились из-за отсутствия холодильников, поскольку в используемых ледниках нужный температурный режим не поддерживался. При этом внутри домохозяйств проблема не стояла так остро, поскольку коренные жители Чукотки традиционно потребляли ферментированную пищу, которая длительное время могла сохраняться в ледниках. Но в этот период значительную долю продукции колхозы и совхозы продавали организациям Чукотки и других регионов (мастерские по обработке кожи, предприятия пищевой промышленности, птицефабрики, зверофермы), для которых были важны установленные соответствующими технологиями кондиции свежести.

В целом такое положение дел приводило к парадоксальной ситуации: морзверобойные совхозы из года в год повышали добычу, но с ростом добычи возрастали и убытки: «Но чем больше мы работаем, тем больше совхоз несет убытков. А почему? Да потому, что 60–65% продукции идет в отходы, мы гробим продукцию» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 605. Л. 75). Бесхозяйственность в сфере морского промысла дезорганизовывала колхозное производство и негативно воздействовала на менталитет коренных жителей.

Таким образом, накануне перестройки выявились значительные технологические диспропорции: если для добычи использовались современные, передовые технические средства,

то переработка велась в основном кустарными и чрезвычайно трудоемкими способами. Такое положение было обусловлено сохранением прежних установок направлять все усилия именно на добычу, а утилизация добытого оставалась на втором плане, велась силами самого коренного населения традиционными инструментами и средствами. Однако теперь население не было нацелено на полную переработку туш, следствием чего стала ненужность значительной массы морских зверей. Для питания местные жители брали только мясо, а основная масса жира и шкур, внутренности и кости оказались невостребованными как внутри домохозяйств, так и внешними организациями.

Интересы коренного населения в сфере переработки сместились от полной утилизации к частичной – помимо мяса спросом пользовалось сырье для сувенирной продукции (клыки моржа, шкуры мелких ластоногих). Оно шло на изготовление гравированной и резной кости, мелкой и крупной костяной пластики, пошив тапочек, ковриков и других мелких изделий. Выделка шкур крупных зверей (морж, лахтак) постепенно угасала. Последняя тенденция связана с возникшей гендерной диспропорцией вовлеченности коренного населения в зверобойный промысел. Если раньше все взрослое береговое население было занято добычей и переработкой, то уже со второй половины XX в. жизненные интересы мужчин и женщин стали расходиться. Для многих мужчин по-прежнему важным и престижным оставалось участие в промысле, тогда как женщины все больше и больше отходили от трудоемкой и «грязной» работы по переработке в пользу более легкой и «чистой». Женщины перестали пластать туши, топить жир, «колоть» моржовые шкуры. В результате скорняжное производство сместилось в область сувениризации и экзотизации: мастерицы предпочитали шить вещи этнического облика на продажу. К тому же мужская часть труда, как показано выше, технологически совершенствовалась, тогда как женская стагнировала: «Технология обработки кожно-мехового сырья у нас остается на уровне каменного века. Жуем зубами, мнем руками, растягиваем голыми пятками, мездрим шкуры орудием труда первобытного человека» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 605. Л. 48).

Таким образом, в позднесоветский период морской зверобойный промысел был отягощен тройным дисбалансом: в сфере технологии –

между добычей и переработкой, в сфере утилизации – между ценностью различных частей туши, в сфере трудоустройства – между вовлеченностью мужчин и женщин. В итоге к концу советского периода выявилась избыточность промысла, продукция которого не успевала перерабатываться. Эта избыточность была вызвана не внутренними причинами, как отголосок древних практик палеолитического населения [1], а внешним давлением со стороны органов власти, с некоторого времени идущим вразрез с инициированной государством социальной модернизацией. В целом добыча и переработка морских зверей перестали быть приоритетными занятиями коренного берегового населения Чукотки. В то же время очень важными оставались их потребности в традиционной пище, в том числе ферментированной, содержащей множество жизненно необходимых компонентов. Большую роль морской зверобойный промысел играл и в поддержании этнического самосознания значительной части коренных жителей Чукотки, ощущавших свою неразрывную историческую связь с предками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Люстон: Эдвин Меллен Пресс, 2002.
2. Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997.
3. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1989.
4. Коломиец О.П. К истории развития морского зверобойного промысла на Чукотке // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 223–231.
5. Леонтьев В.В. Об этнографическом обследовании Северо-Восточной части Чукотского района. Отчет по теме НИР. Магадан, 1965 // Архив СВКНИИ ДВО РАН, инв. № 511.
6. Никуляк Н. На промысле морского зверя // Советская Чукотка. 1953. 16 октября.
7. Новицкий В. На главных путях миграции // Советская Чукотка. 1978. 17 августа.
8. Новицкий В. Дорога домой // Советская Чукотка. 1978. 18 августа.
9. Омельченко Е. Прошлогодние проблемы // Советская Чукотка. 1991. 10 января.
10. Основы морского зверобойного промысла: научно-методическое пособие. М.: Институт Наследия, 2007.
11. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.
12. Темнилин В. Кто придет нам на смену? // Советская Чукотка. 1977. 16 апреля.
13. Хаховская Л.Н. Морские зверобои Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168–182.
14. Хаховская Л.Н. Праздник кита в ритуалах аборигенов Северо-Востока России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 73–83.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A., 2002. Kul'tury, traditsii, ikh razvitie i vzaimodeistvie [Cultures, traditions and their development and interaction]. Lewiston: Edwin Mellen Press. (in Russ.)
2. Batsaev, I.D., 1997. Sel'skoe i promyslovoe khozyaistvo Severo-Vostoka Rossii 1929–1953 gg. [Agriculture, hunting and fishing in the Northeast of Russia, 1929–1953]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
3. Istoriya Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Chukotka from early times to present days]. Moskva: Mysl', 1989. (in Russ.)
4. Kolomiets, O.P., 2019. K istorii razvitiya morskogo zveroboinogo promysla na Chukotke [To the history of the development of marine mammal hunting in Chukotka], Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki», no. 3, pp. 223–231. (in Russ.)
5. Leontiev, V.V., 1965. Ob etnograficheskom obsledovanii Severo-Vostochnoi chasti Chukotskogo rayona (sentyabr'-oktyabr' 1964 g.) [On the ethnographic survey of the Northeastern part of the Chukotka region (September-October 1964)]. Otchet po teme NIR. Archives of SVKNII DVO RAN, № 511. (in Russ.)
6. Nikulyak, N., 1953. Na promysle morskogo zverya [Hunting marine mammals], Sovetskaya Chukotka, October 16. (in Russ.)
7. Novitskii, V., 1978. Na glavnykh putyakh migratsii [On the main migration routes], Sovetskaya Chukotka, August 17. (in Russ.)
8. Novitskii, V., 1978. Doroga domoi [The way home], Sovetskaya Chukotka, August 18. (in Russ.)
9. Omel'chenko, E., 1991. Proshlogodnie problemy [Last year's problems], Sovetskaya Chukotka, January 10. (in Russ.)
10. Osnovy morskogo zveroboinogo promysla: nauchno-metodicheskoe posobie [Fundamentals

of marine mammal hunting: a manual]. Moskva: Institut Naslediya, 2007. (in Russ.)

11. Sahlins, M., 1999. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age economics]. Moskva: OGI (in Russ.)

12. Temnilin, V., 1977. *Kto pridet nam na smenu?* [Who will replace us?], *Sovetskaya Chukotka*, April 16. (in Russ.)

13. Khakhovskaya, L.N., 2012. *Morskie zverboi Chukotki v period pervonachal'nykh*

sovetskikh reform [Sea hunters of Chukotka during the time of initial Soviet reforms], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 168–182. (in Russ.)

14. Khakhovskaya, L.N., 2018. *Prazdnik kita v ritualakh aborigenov Severo-Vostoka Rossii* [Whale festival in the context of indigenous rituals of Northeast Russia], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 73–83. (in Russ.)

С.В. Березницкий*

СОВРЕМЕННОЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ И СЦЕНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРА И САХАЛИНА КАК КОМПОНЕНТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Декоративно-прикладное искусство и сценография являются важными компонентами этнокультурной идентичности. Рассматривая данные феномены как сложные тексты, содержащие специфические этнокультурные и общекультурные смыслы, автор прослеживает на примере современного декоративно-прикладного и декорационно-сценического искусства коренных народов амуро-сахалинского региона, каким образом сегодня в условиях возрастания роли киберпространства трансформируется этническая культура и конструируется этническая идентичность.

Ключевые слова: коренные народы Амура и Сахалина, этнокультурная идентичность, декоративно-прикладное искусство, театрально-декорационное искусство

Modern decorative arts and stagecraft of the Amur and Sakhalin indigenous peoples as components of ethnocultural identity. SERGEY V. BEREZNITSKY (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

Decorative arts and stagecraft constitute an important part of ethnocultural identity. Considering these phenomena as complex texts containing specific ethnic and universal cultural meanings, the author traces, using the example of modern decorative arts and stagecraft of the indigenous peoples of Amur and Sakhalin, how today, in the context of the growing role of cyberspace, ethnic culture transforms and ethnic identity is constructed.

Keywords: indigenous peoples of Amur and Sakhalin, ethnocultural identity, decorative arts, stagecraft

Возрастание роли электронных средств массовой информации все настойчивее требует от современного человека максимального универсализма. Проблема этнокультурной идентичности является актуальной не только для России,

но и для всего мира. В современном обществе человек оказался внутри огромного киберпространства, со множеством этносоциальных и ментальных полей, языков и культурных кодов, приводящих к усложнению этнокультурной

---

* БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

© Березницкий С.В., 2023

** Работа выполнена при финансовой поддержке Программы ФПНИ по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2023 гг.). Проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (руководитель – А.В. Головнев).

идентичности, ее трансформации, а порой и утрате [51, с. 214].

Этнокультурная идентичность как предельно широкое понятие означает сложный процесс самоотождествления человека в окружающей среде, этнической общности, путем осознания своего места, создания этнической картины мира. В структуре этнокультурной идентичности наиболее значимыми считаются когнитивные представления об особенностях своей этнической общности и отношение к членству в ней [1; 22; 32; 33; 35; 45; 46; 50, с. 25–33 и др.].

В научный оборот термин «этничность» ввел в начале 1970-х гг. Д. Рисмен, разработавший его еще в середине 1950-х гг. [30, с. 84]. Термин «виртуальная этничность» получил широкое распространение благодаря работе М. Постера 1998 г. в значении взаимодействия реальных и виртуальных элементов в конструировании этнических групп [5, с. 27; 11, с. 13–14, 132; 53].

Культурные, языковые, территориальные, родственные, ментальные компоненты этнокультурной идентичности показывают, как именно этническая группа приобретает и сохраняет специфические признаки, отделяющие ее от других групп. Амплитуда выражения этнической идентичности широка и включает в себя как этноцентризм, так и этноиндифферентность. Даже неосознанно люди прибегают к этничности, ищут в ней ресурсы для самореализации и позиционирования [9, с. 40]. Этничность может быть не только естественной, изначальной данностью индивида или группы, но и конструируемой с определенными целями в специфических этнокультурных полях под влиянием многих факторов. Этническая идентичность, сохраняя отдельные архетипы, трансформируется и заново создается в процессе эволюции этноса.

Внедрение новых технологий, стремительный процесс интернетизации общества и киберкоммуникации значительно содействуют распространению глобальной культуры, трансформации и исчезновению остатков культуры традиционной, создают условия для размывания этнической идентичности. Наблюдается также и рост новых вариантов этнического самосознания и этнокультурной идентичности.

Этничность, индивидуальная и групповая этнокультурная идентичность давно являются актуальными темами научных исследований [2; 3; 4; 6; 7, с. 11, 14, 40, 46 и др.; 12; 15; 23; 24; 25, с. 3; 28; 31; 38; 39; 42; 43; 44; 49, с. 112, 131,

182 и др.]. Однако единой концепции понимания этих культурных феноменов ученые до сих пор не выработали.

П. Бурдые рассматривал структуры, воздействующие на членов общества, внутреннюю работу человеческого сознания, изначальные, символические матрицы практической деятельности по классификации окружающего мира, механизмы, воспроизводящие и изменяющие культурные ценности, посредством габитуса, то есть опыта по усвоению знаний, модели восприятия действительности при решении конкретных задач [7, с. 11, 13, 14, 40, 46].

Ф. Барт, разрабатывая известную концепцию о соотношении этнических групп и их границ, подчеркнул, что существование этнических различий сохраняется даже в условиях межэтнических контактов, приводящих к культурным изменениям [2, с. 10–12].

Детального исследования требуют вопросы о причинах устойчивости этнических границ и механизмах выработки этнокультурных отличий. Однако в последние десятилетия киберпространство все плотнее перекрывает все возможные – реальные и ментальные – культурные границы, а проявление и самопрезентация традиционных культур все больше находят место в интернете – на форумах, в социальных сетях и на сайтах этнической тематики. Виртуальная жизнь людей напрямую связана с глобальными изменениями, с новыми коммуникациями в культуре, которые открыты для дискуссий по вопросам этничности. Новое киберпространство не просто дополняет реальность, а значительно расширяет круг взаимодействий, открывает новые возможности для самовыражения этноса [10, с. 36].

Эти тенденции делают весьма актуальными исследования сложных форм киберэтнических, социальных, сложносоставных, культурных, религиозных, ментальных, профессиональных и других идентичностей. Увеличение скорости интернета и информационных киберпотоков напрямую связано с появлением новых киберсообществ, виртуальных механизмов конструирования киберидентичности, независимой от этнополитической корректности [5].

Процессы конструирования различных типов идентичности посредством киберпространства можно проследить на основе анализа произведений изобразительного и сценического искусства как сложных этносоциокультурных текстов, содержащих специфические этнокуль-

турные и общекультурные смыслы. В сфере художественной культуры конструируются этнические идеалы, новые этнокультурные ценности и традиции, закрепляющиеся в форме и содержании произведений [25, с. 1–2, 4; 29].

Пример действия подобных механизмов трансформации этнической ментальности, репрезентации и форматирования этнической идентичности демонстрируют изменения декоративно-прикладного и декорационно-сценического искусства коренных народов амуро-сахалинского региона. Исследование этих процессов представляется достаточно актуальным с учетом определенной региональной специфики.

Данное исследование¹ основывается на теоретическом принципе новой этнографии, согласно которому этноресурс, этническая культура коренных народов Севера в настоящее время характеризуются не столько вековыми устоями традиционных форм, сколько специфической экологических, материальных, социальных и духовных технологий. В этом контексте наиболее перспективным становится исследование этнокультурного потенциала народа, этнически самобытных мотивационно-деятельностных, ситуационных схем, особенностей этнокультурных ценностей. Этнокультурное наследие является важной основой этнокультурной идентичности во всей сложности устойчивости и изменчивости ее компонентов [12, с. 82].

Декоративно-прикладное и декоративно-сценическое искусство коренных народов амуро-сахалинского региона является объектом исследования историков, этнографов, археологов, искусствоведов, фольклористов начиная с XIX в. В трудах Л.И. Шренка [47, с. 90], Л.Я. Штернберга [48], Б. Лауфера [52], С.В. Иванова [16; 17, с. 390–406; 18; 19; 20], Н.В. Кочешкова [26], П.Я. Гонтмахера [13], С.Ф. Карбановой [21], Ч.М. Таксами [40; 41, с. 181–182],

¹ Этнографические исследования проводились автором в 2006 и 2018 гг. в местах расселения тумнинских орочей (Ванинский район Хабаровского края); в 2009–2010 гг. в с. Улика-Национальное (Хабаровский край); в 2019 г. на о. Сахалин в местах проживания ороков/ульга и нивхов (Ногликский район); в 2021 г. среди амурских нанайцев Хабаровского и Нанайского районов Хабаровского края; в 2022 г. среди амурских нивхов и негидальцев в Хабаровском крае (г. Николаевск-на-Амуре и населенные пункты Николаевского муниципального района – Оремиф, Иннокентьевка, Маго (Овсяное поле).

А.Б. Островского [34] не только представлена феноменальная по объему историографическая база, но и исследованы многие стороны этих компонентов культуры тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов.

Современные мастера коренных народов Севера в сфере декоративно-прикладного и декорационно-сценического искусства не ставят своей целью формирование или выражение официальной идеологии, главное для них – создание этнокультурного пространства, объединяющего мастера с заказчиком, сценариста и режиссера со зрителем. Самодеятельные театральные постановки содержат в себе ментальные метафоры в качестве основы модели этнокультурной реальности. Сценические жанры и костюмы являются частью системы передачи этнических смыслов, они побуждают зрителей разделять культурные ценности своей общности [37].

Одними из первых среди амурских этносов свой народно-любительский театр создали в 1930-е гг. нанайцы. За время функционирования этого театра ярко проявили себя две основные тенденции: традиционная, связанная с обращением к этническому фольклорному и сценографическому материалу, и инновационная, возникшая под влиянием европейского, а также русского театра [27].

В советское время декоративно-прикладное искусство и концерты самодеятельных ансамблей были обязательным атрибутом повседневной и праздничной жизни коренных народов амуро-сахалинского региона. Практически в каждом селе были комбинаты бытового обслуживания, мастерские по изготовлению меховых тапочек, женских сумочек, сувениров из тканей, меха, рыбьей кожи, бересты, ивы с аппликациями, со спирально-ленточным орнаментом. Изготавливали сценические костюмы по традиционным лекалам и украшали их орнаментами. Такая деятельность не только давала заработок местным женщинам, но и позволяла передавать этнокультурные ценности новым поколениям. На праздниках не только подводили итоги социалистического соревнования, но и выясняли, кто является лучшей мастерицей в производстве сувениров, в приготовлении этнических блюд, кто лучший оленевод или охотник. Все это порождало гордость за свой род и свой народ.

Сегодня презентация этнической культуры через костюм, в том числе и театральная, так-

же происходит с использованием как традиционных источников информации, так и самых современных, извлекаемых из киберпространства. Именно в нем дизайнеры ищут вдохновение и внедряют иноэтнические компоненты в комплексы народной одежды, в орнамент и колорит красок, в материалы для создания требуемого образа персонажа [14, с. 11–13; 36].

Без особого труда устроители этнических праздников, фестивалей, спектаклей находят в интернете информацию о персонажах и их внешнем облике, тексты для инсценировок, не задумываясь о последствиях в виде трансформации индивидуальной или групповой идентичности или даже этнической культуры в целом [8, с. 39].

В соответствии с традиционным мировоззрением, орнамент защищает людей от вредных сил. Узоры, стилизованные изображения, медные или бронзовые подвески не только служили оберегами человека, но и показывали его родовую и этническую принадлежность, социальный статус, могущество и древность рода.

В настоящее время подавляющее большинство представителей коренных народов региона уже не могут расшифровать семантику традиционных орнаментов, за исключением зрительно читаемых рыб, птиц, других понятных образов (Рис. 1, 2, 3). Сами люди утверждают, что главная причина утраты этого навыка заключается в межэтнических браках между амурскими народами, создании семей с русскими и представителями других этносов.

Таким образом, современный процесс формирования этнокультурной идентичности подвергся ряду преобразований. Изменилось само этнокультурное поле, в котором значительную часть занимает мировое киберпространство, формирующее новые формы репрезентации общемировой культуры с образами и персонажами европейского и русского фольклора.

Современные мастера декоративно-прикладного и сценического искусства из числа коренных народов амуро-сахалинского региона пользуются полной творческой свободой в поисках сюжетов для орнаментов, узоров, вы-

Рис. 1. Лики зверей в орнаменте нивхов. Экспонат школьного музея с. Иннокентьевка (Николаевский район Хабаровского края), июнь 2022 г. Фото С.В. Березницкого

Рис. 2. Образцы нанайского орнамента. Центр нанайской культуры с. Джари (Нанайский район Хабаровского края), июнь 2021 г. Фото С.В. Березницкого

Рис. 3. Образцы современного нанайского орнамента. Центр нанайской культуры с. Джари (Нанайский район Хабаровского края), июнь 2021 г. Фото С.В. Березницкого

шивок, композиций театральных постановок. В качестве источников используются любые понравившиеся образцы, которые передаются не только между бывшими родовыми подразделениями этноса, но и между отдельными народами (нанайцы, нивхи, негидальцы, ульчи, орочи).

В современных орнаментах до сих пор наиболее часто используются образы рыб, амурской волны, родового древа с ветвями и сидящими на них птичками, которое вышивалось на спинке свадебного халата невесты. Чем больше птиц, тем большей плодоносящей энергией насыщалась одежда, будущая семейная жизнь, материнство. Еще одним типом в амурской орнаментике являются образы небесных, водных драконов и драконообразных существ. Изображаемая на свадебном халате чешуя дракона омыслялась именно в контексте характеристик этого существа – мощного, обитающего во всех стратах мирового пространства. Дракон объединяет в себе силу медведя, ловкость тигра, способность ходить по земле, летать как птица, плавать как рыба, повелевать молниями, громом и огнем. Характеристика драконообразных существ многополярная, позитивная и негативная, что зависело от соблюдения или не соблюдения родовых обычаев, законов традиционной морали, этики и промысловой жизни. Чешуя считается живой броней, защищающей невесту от стрел злых духов: наложенные друг на друга верхние фрагменты со свободными нижними концами дают свободу движения и защиту.

Негидальские произведения декоративно-прикладного искусства сохраняют свою традиционную отличительную деталь в виде трилистника, многолетнего растения Вахта трехлистная (*Menyanthes trifoliata*), Трилистник водяной, или Трифоль. Трилистником любят лакомиться лоси, мощные животные, олицетворение Вселенной, тайги, сексуальной энергии. Добыча лося надолго обеспечивала семью мясом, а мастериц – шкурой для поделок.

У орочей в составе творческих коллективов, районных и городских этнокультурных центров на протяжении последних десятков лет работают русские, белорусы, украинцы, которые прониклись культурой этого народа, и активно производят образцы орнамента, музыкального фольклора на основе своего этнического менталитета. Однако в ороческом обществе такие новшества не осуждаются, а, наоборот, приветствуются, так как большое количество детей включены в этот творческий процесс (Рис. 4).

Ороческим называется «шаманский» костюм, изготовленный в первой четверти XXI в. русским краеведом, электромехаником Ванинского морского порта, который много лет по крупицам собирает все возможные остатки ороческой культуры, представления о сакральных ландшафтах. Внешний вид костюма взят из интернета. На праздниках в этом костюме выступает «орочский шаман», роль которого исполняет бурят. Музыкальные номера и театральные постановки разрабатывает работник сельского дома культуры – украинка, также влюбленная в культуру орочей.

Современные нивхские мастерицы, работники этнокультурных центров активно пользуются интернет-источниками в своем творчестве. О себе они говорят, что легко идут на замену этнических образцов любимыми из киберпространства. Главное для организаторов выставок и праздников – сделать так, чтобы зрителям было интересно и весело.

У коренных народов региона имеются детские и взрослые танцевальные кружки, в которых занимаются не только танцами, но и декоративным искусством, постановкой музыкальных и театрализованных сценок: «Стружки», «Водопад», «Река», «Танец огня», «Чайки», «Белая нерпа», «Танец с бубном», «Водоросли», «За ягодами», «За китайской невестой», «На рыбалке», «На охоте», «Речная русалка», «Почему у зайца уши длинные», «Почему у сороки хвост длинный» и др.

В советское время сценарии праздников, концертов и спектаклей, формы костюмов и образы персонажей рассылались на места из краевых и районных управлений культуры. Участницы ансамблей пели песни, исполняли монологи и диалоги, скороговорки на родных языках. Сегодня, напротив, обязательной рассылки сценариев практически нет, присылаются лишь указания о времени проведения мероприятий. Работники местных учреждений культуры находятся в свободном творческом поиске, который они осуществляют на просторах интернета. Театральный репертуар построен на фольклоре народов Севера и мира, который берется из интернета, как и тексты на русском языке с отдельными терминами из языков народов Севера. Актеры могут читать заранее подготовленные тексты, написанные кириллицей. Иногда это приводит к курьезным ситуациям, как, например, во время празднования юбилея одного из амурских сел. Инсценировка «По ягоды» вызвала бурный

Рис. 4. Образцы современного ороцкого декоративно-прикладного искусства.
Автор Л.Е. Варшавская, пгт. Ванино. Фото из архива Л.Е. Варшавской

восторг у всех зрителей – местных жителей и гостей, хотя пошла не по сценарию. Участницы мини-спектакля (женщины в красивых халатах с орнаментом) изображали поездку за ягодами на лодке на другой берег Амура. На сцене четверо из них гребли веслами на муляже деревянной лодки. Еще одна играла роль мужчины на корме лодки с рулевым веслом в одной руке и курительной трубкой с длинным чубуком в другой, с помощью которой она имитировала курение табака. Традиционно женщины-гребцы сопровождали плавные движения веслами песней на родном языке – о том, как они переплывут Амур, соберут ягоды в берестяные чумашки, вернутся домой и приготовят из ягод вкусные блюда. Однако современные участницы спектакля языка не знали и могли петь эту песню, лишь читая текст на бумаге. Рулевой дал команду, девушки дружно, но молча заработали веслами, глядя в зал. Один из зрителей прокомментировал: «Ничего, сейчас от берега отплывут и начнут петь». Лодка «плыла», но песня не начиналась. Ведущая концерта поняла, что без текстов песня не начнется и решила передать их гребцам. Однако это движение было прервано зловещим шепотом одной из гребущих: «Ты куда, утонешь, мы уже на середине Амура». Другая стала шептать рулевому, чтобы она взяла листок с текстом. На это рулевой не менее зловещим шепотом ответила: «Ты что, не видишь, у меня руки заняты. В одной весло, а в другой трубка». Тут уже зрители не смогли сдержать смеха, стали смеяться и гребцы. Затем актеры решили: лодка уже переплыла Амур, они вышли из нее, взяли в руки тексты и под аплодисменты зала спели на родном языке песню «По ягоды». Незнание родного языка артистками никому из зрителей не испортило праздничного настроения (Полевые материалы автора, далее – ПМА. 2009–2010 гг.).

В фольклорных коллективах всех амурских народов очень популярна юмористическая театрально-музыкальная постановка про молодого парня, тщеславного человека, который хотел выделиться среди сородичей и купить себе жену в Маньчжурии. Мораль спектакля заключается в том, что хитрые китайцы обманули его и подсунули старую, некрасивую, косоглазую женщину, которую скрывали под платком. Гром аплодисментов вызывает кульминационный момент спектакля, когда жених-неудачник уже на Амуре впервые видит свою невесту без покрывала.

Сегодня коренные народы Амура и Сахалина устраивают такие праздники, как «Бубен дружбы», «День рыбака», «День оленевода», «День первой охотничьей тропы», «День первой и последней воды» с ритуальным угощением духов-хозяев географической местности, с просьбами об удаче в промысле, конкурсами-продажами предметов декоративно-прикладного искусства, дегустацией блюд этнической кухни.

Квинтэссенцию современного творчества в области организации музыкально-театральной деятельности можно выявить из бесед с сотрудниками сельских и районных домов культуры, этнокультурных центров. Их работа начинается с поиска на сайтах подходящих материалов. Главный посыл: чтобы зрителям было смешно и весело. Из нескольких разных сценариев, без этнической или культурной привязки, они составляют один, оптимально подходящий для конкретной зрительской аудитории. Затем раздаются роли сотрудникам центров, создаются костюмы и декорации. Зрителей приглашают через SMS-сообщения и приложение WhatsApp. Стихотворения, тексты песен, музыкальные треки – все скачивается из интернета. При этом никто не обращает внимания на источник информации (ПМА. 2021–2022 гг.).

Подобным же образом мастерицы используют в своем творчестве искусственные материалы (дерматин, фоамиран), швейные машинки и оверлоки. Узоры для орнамента или для поделок мастерицы также берут из интернета: «Композиция узора идет из головы и интернета. Никакого канона нет. Фантазируй, как хочешь, и соединяй вместе зооморфный, геометрический или растительный орнамент, птичек, рыбок. А кто тебе что скажет? Да какая там семантика! Никто об этом даже и не думает. Это же творчество. Главное, чтобы при этом пела душа» (ПМА. 2022 г.). Тем не менее этноментальная связь мастера с материалом еще сохраняется. Если вещь сделана из рыбьей кожи, то ее образ обязательно связывается с народами Амура, то есть с нивхами, ульчами, нанайцами, для которых рыба имеет в жизни первостепенное значение. Оленья или лосиная кожа, ровдуга означают связь с тунгусским миром. Береста считается международным материалом, потому что это дерево растет по всему миру. Природа всем повелевает, в том числе и мыслями мастериц (ПМА. 2022 г.).

Сценические костюмы делаются для каждого персонажа спектакля. Например, для тан-

ца «Куропатка» используется белая материя, для спектакля «Хозяин воды» – цвета морской волны. Соответствующая цветовая палитра подбирается в интернете для костюмов персонажей, изображающих нерпу, журавля, чаек, Солнце, огонь, шамана и т.п. Костюмы для отрицательных персонажей, злых духов, отличаются темными и черными оттенками. Их одеяние стараются делать максимально отталкивающими. Лица актеров прячутся под страшными масками.

В целом анализ бесед с информантами позволил классифицировать мотивацию их деятельности в сфере декоративно-прикладного и декорационно-сценического искусства. На первом месте оказалось желание работать для души с родным орнаментом и сценическими костюмами, на втором – изготовление этнических сувениров для продажи, на третьем – желание напомнить о своем этносе, прикоснуться к его корням в виде произведений искусства. При этом многие помнят, что раньше их орнамент отличался не только по этническому, но даже по родовому признаку. Теперь же они шьют халаты по одинаковому лекалу и типу. По горловине, подолу и обшлагам рукавов пришивают заготовки орнамента. Какому народу он принадлежит, уже никто не знает. Каждая мастерица уверена, что это орнамент именно ее народа. Утешением является объективная причина: длительные межэтнические контакты привели к унификации орнамента. Современные узоры на халатах, обуви, берестяной посуде и прочих предметах делаются с эстетической целью, чтобы вещь стала более красивой. Никто из мастериц не может точно объяснить, что означает узор орнамента, за исключением некоторых наиболее очевидных, реальных образов. Тайну магии орнамента им не смогли передать их бабушки, которые провели свое детство в школах-интернатах, где разговаривали на русском языке и носили европейскую одежду.

Исчезновение из быта родной одежды, обуви, поделок, сувениров из рыбьей кожи связано как с объективными, так и с субъективными причинами. К объективным относится грабительская деятельность рыбопромышленных компаний, которые в последние годы практически полностью перегораживают заездками Амурский лиман, в результате чего нерестовый лосось не поднимается выше по течению реки. Поэтому у коренных народов нет рыбьей кожи. Если же покупать ее в других регионах (на Са-

халине или на Камчатке), то себестоимость продукции значительно возрастает. Немаловажным является и следующий фактор: прежние технологии обработки рыбьей кожи забыты, не у всех есть костяные ножи для снятия кожи и мездры, остатков мяса и жира, кожемялки, костный мозг диких животных, с помощью которого кожа после просушки размягчалась, и т.п. С рыбьей кожей тяжело работать, на ее обработку нужно потратить много времени и энергии. Современные мастерицы искренне удивляются тому, как справлялись их предки, когда из рыбьей кожи изготавливали не только обувь и халаты, но даже паруса для лодок.

Практические все информанты отмечали, что в настоящее время они не только активно пользуются киберпространством, социальными сетями, обмениваются фотографиями, рецептами, музыкальными треками для спектаклей и танцев, орнаментами, другими видами информации, заказывают в интернет-магазинах рыбацкие сети, лодки, крючки и блесна, смартфоны и компьютеры, но и мечтают создать сеть этнических сайтов, чтобы общаться только на родных языках и решать свои злободневные вопросы.

Жизнеспособность традиционной этнической культуры в современном обществе во многом связана с различными вариантами развития культурного наследия в новой киберкоммуникативной среде. Прежняя этническая идентичность, базовые критерии, архетипы этнического самовыражения усложняются новыми компонентами, трансформацией механизмов этнокультурной самоидентификации и появлением новых форм, которых не было ранее.

В традиционной культуре понимание принадлежности к конкретному этносу строилось на механизмах генетической близости к определенному роду, семье, на основе полноценного владения этническим языком, на специфике социальной организации, на необходимости соблюдения родовых обычаев, на авторитете стариков и шаманов. Сегодня проявления этнической идентичности в сфере декоративно-прикладного и сценического искусства еще сохраняются в специфике технологий при изготовлении предметов и произведений, знаков, образов и символов, однако все активнее происходит трансформация этих приемов, влекущая за собой размывание этничности, ее усложнение иноэтническими компонентами. Присвоение тех или иных инокультурных аспектов и

технологий декоративно-прикладного искусства происходит прежде всего с помощью сети интернет и глобального киберпространства, в котором можно свободно и без труда найти ответ практически на любой вопрос, найти не только научные исследования, но и тексты, созданные неспециалистами ради развлечения публики, без учета этнокультурной направленности. Подобные киберматериалы для декоративно-прикладного и сценического искусства становятся особой культурной формой, содержание которой влияет на формирование новой этнической идентичности коренных народов Амура и Сахалина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 2. С. 56–68.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей. М.: Новое изд-во, 2006. С. 9–48.
3. Бахова Н.А. и др. Этнообразующие механизмы и формы самосознания коренных народов в условиях внешнего цивилизационного давления (на примере якутского этноса) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 5. № 7. С. 988–1004.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
5. Борисова И.З. Роль киберпространства в формировании этнической идентичности // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 3А. С. 26–30.
6. Булгакова Т.Д. Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № 5. С. 227–236.
7. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
8. Волокитина Н.А. Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3. С. 39–45.
9. Головнев А.В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 40–49.
10. Головнев А.В., Белоруссова С.Ю. Виртуальная этничность – новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36–40.
11. Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021.
12. Головнев А.В., Киссер Т.С. Проекция этничности коренных малочисленных народов России (по данным веб-опроса) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 80–89.
13. Гонтмахер П.Я. Золотые нити на рыбьей коже: очерки о декоративном искусстве нивхов. Хабаровск: Кн. изд-во, 1988.
14. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения: автореф. дис. ... д. соц. н. М., 1994.
15. Громов М.Н. Культурное наследие как основа национальной идентичности. М.: ГАСК, 2005.
16. Иванов С.В. Архитектурный орнамент народов Нижнего Амура // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 15. М.; Л., 1953. С. 278–282.
17. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л., 1954.
18. Иванов С.В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура // Памяти В.Г. Богораза: сборник статей. Л., 1937. С. 1–45.
19. Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 369–435.
20. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX). М.; Л., 1963.
21. Карабанова С.Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М., 1979.
22. Кессиди Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 76–79.
23. Кистова А.В., Кушнарева А.В. Формирование общероссийской национальной идентичности в процессе развития художественного образа. Анализ живописного произведения Василия Ивановича Сурикова «Боярыня Морозова» // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 4. № 12. С. 1669–1683.
24. Копцева Н.П., Кистова А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема // Философия и культура. 2015. № 1. С. 12–19.

25. Копцева Н.П., Неволько Н.Н., Резникова К.В. Формирование этнической культурной идентичности в современной России с помощью произведений национального искусства (на примере эвенкийского эпоса и декоративно-прикладного искусства) // Педагогика искусства. 2013. № 1. С. 1–15.
26. Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв.: проблемы этнических традиций. СПб.: Наука, 1995.
27. Крыжановская Я.С. Нанайский любительский театр и его место в историко-культурном процессе юга Дальнего Востока // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 252–259.
28. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей: сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
29. Либаква Н.М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1. С. 1887–1894.
30. Макарова И.А. Социально-философские подходы к определению понятия «этнос» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 9. С. 84–92.
31. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.
32. Михайлова М.А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 191–196.
33. Монаков А.М. Этнос и этническая идентичность // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2008. № 1. С. 72–91.
34. Островский А.Б. Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел. СПб.: Нестор-История, 2009.
35. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.
36. Рябова О.Н., Михайлов А.А. Этнический костюм как способ обретения идентичности // Построение систем управления устойчивым развитием территории: аспекты цифровизации. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции (г. Иваново, 22 июня 2021 г.). Вып. I. Иваново, 2021. С. 50–55.
37. Садыхова Л.Г. «Народный театр» как программа формирования национально-культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2015. № 5. С. 80–88.
38. Смирнова Н.М. Когнитивные основания феноменологического конструктивизма // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон+», 2009. С. 141–168.
39. Стенищева А.А. Этнокультурная идентичность: возникновение и становление // Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции «Шамовские педагогические чтения» (г. Москва, 22–25 января 2022 г.): в 2-х ч. Ч. 2. М., 2022. С. 896–900.
40. Таксами Ч.М. Одежда нивхов // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 166–195.
41. Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (сер. XIX – нач. XX в.). Л., 1975.
42. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
43. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 15–43.
44. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.
45. Шарапова С.М. Феномен идентичности в истории профессиональной художественной культуры коми (зырян) XX в.: автореф. дис. ... к. культурологии. СПб., 2005.
46. Широкогоров С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: Либроком, 2012.
47. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. СПб., 1899.
48. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.
49. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
50. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
51. Юань Цзяли, Лях В.И. К вопросу о характеристике этнокультурной идентичности современного общества // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1а. С. 214–220.
52. Laufer, B., 1902. The decorative art of the Amur tribes. Memoirs of American Museum of Natural History. Vol. 7. New York.
53. Poster, M., 1998. Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communications.

In: Jones, S. ed., 1998. *Cybersociety 2.0: revisiting computer-mediated communication and community*. London: Sage, pp. 184–211.

REFERENCES

1. Achkasov, V.A., 1999. *Etnicheskaya identichnost' v situatsiyakh obshchestvennogo vybora* [Ethnic identity in the situations of public choice], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, Vol. 2, no. 2, pp. 56–68. (in Russ.)
2. Bart, F., 2006. *Vvedenie* [Introduction]. In: *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii: sbornik statei*. Moskva: Novoe izd-vo, 2006, pp. 9–48. (in Russ.)
3. Bakhova, N.A. et al., 2012. *Etnoobrazuyushchie mekhanizmy i formy samosoznaniya korennykh narodov v usloviyakh vneshnego tsivilizatsionnogo davleniya (na primere yakutskogo etnosa)* [Ethnoformative mechanisms and forms of self-awareness of indigenous peoples under conditions of external civilization pressure (by an example of the Yakut ethnic group)], *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, Vol. 5, no. 7, pp. 988–1004. (in Russ.)
4. Berger, P. and Luckmann, T., 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge]. Moskva: Medium. (in Russ.)
5. Borisova, I.Z., 2020. *Rol' kiberprostranstva v formirovaniye etnicheskoi identichnosti* [The role of cyberspace in the making of ethnic identity], *Kul'tura i tsivilizatsiya*, Vol. 10, no. 3A, pp. 26–30. (in Russ.)
6. Bulgakova, T.D., 2015. *Stanovleniye etnicheskoi identichnosti v Sibiri: rol' traditsii i sovremennykh institutov* [The making of ethnic identity in Siberia: the role of traditions and modern institutions], *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, Vol. 8, no. 5, pp. 227–236. (in Russ.)
7. Bourdieu, P., 1993. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moskva: Socio-Logos. (in Russ.)
8. Volokitina, N.A., 2019. *Etnicheskaya kul'tura i reprezentatsiya etnicheskoi identichnosti v internet-prostranstve* [Ethnic culture and the representation of ethnic identity in the Internet], *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, no. 3, pp. 39–45. (in Russ.)
9. Golovnev, A.V., 2011. *Etnichnost' i identichnost' na Urale* [Ethnicity and identity in the Urals], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 40–49. (in Russ.)
10. Golovnev, A.V. and Belorussova, S.Yu., 2019. *Virtual'naya etnichnost' – novatsiya na fone traditsii?* [Virtual ethnicity – innovation on the background of tradition?], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 36–40. (in Russ.)
11. Golovnev, A.V., Belorussova, S.Yu. and Kisser, T.S., 2021. *Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya* [Virtual ethnicity and cyberethnography]. Sankt-Peterburg: MAE RAN. (in Russ.)
12. Golovnev, A.V. and Kisser, T.S., 2021. *Proektsii etnichnosti korennykh malochislennykh narodov Rossii (po dannym veb-oprosa)* [Projections of ethnicity of indigenous peoples of Russia (according to a web survey)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 80–89. (in Russ.)
13. Gontmakher, P.Ya., 1988. *Zolotyie niti na ryb'ei kozhe: ocherki o dekorativnom iskusstve nivkhov* [Golden threads on fish skin: essays on the decorative art of the Nivkhs]. Khabarovsk: Kn. izd-vo. (in Russ.)
14. Gofman, A.B., 1994. *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and people. New theory of fashion and fashion behavior], *avtoreferat dissertatsii doktora sotsiologicheskikh nauk*. Moskva. (in Russ.)
15. Gromov, M.N., 2005. *Kul'turnoe nasledie kak osnova natsional'noi identichnosti* [Cultural heritage as the basis of national identity]. Moskva: GASK. (in Russ.)
16. Ivanov, S.V., 1953. *Arhitekturnyi ornament narodov Nizhnego Amura* [The architectural ornament among Lower Amur peoples]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. T. 15. Moskva; Leningrad, 1953, pp. 278–282. (in Russ.)
17. Ivanov, S.V., 1954. *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v.* [Material on the depictive art of the peoples of Siberia, XIXth and early XXth centuries]. Moskva; Leningrad. (in Russ.)
18. Ivanov, S.V., 1937. *Medved' v religioznom i dekorativnom iskusstve narodnostei Amura* [The bear in religious and decorative art of the Amur peoples]. In: *Pamyati V.G. Bogoraza: sbornik statei*. Leningrad, 1937, pp. 1–45. (in Russ.)
19. Ivanov, S.V., 1961. *Ornament* [Ornament]. In: *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri*. Moskva; Leningrad, 1961, pp. 369–435. (in Russ.)
20. Ivanov, S.V., 1963. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik (po materialam XIX – nachala XX)*. [The ornament of the peoples

of Siberia as the historical source according to the materials of the 19th to the beginning of the 20th centuries]. Moskva; Leningrad. (in Russ.)

21. Karabanova, S.F., 1979. Tantsy malykh narodov yuga Dal'nego Vostoka SSSR kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Dances of the small nations of the south of the Soviet Far East as the historical and ethnographic source]. Moskva. (in Russ.)

22. Kessidi, F.Kh., 2003. Globalizatsiya i kul'turnaya identichnost' [Globalization and cultural identity], Voprosy filosofii, no. 1, pp. 76–79. (in Russ.)

23. Kistova, A.V. and Kushnareva, A.V., 2011. Formirovanie obshcherossiiskoi natsional'noi identichnosti v protsesse razvitiya khudozhestvennogo obraza. Analiz zhivopisnogo proizvedeniya Vasiliya Ivanovicha Surikova «Boyarinya Morozova» [Forming All-Russian national identity in the process of artistic image development. Analysis of the painting by Vasily Surikov «Boyarinya Morozova»], Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 4, no. 12, pp. 1669–1683. (in Russ.)

24. Koptseva, N.P. and Kistova, A.V., 2015. Konstruirovaniye etnokul'turnoi i obshchenatsional'noi identichnosti kak filosofskaya problema [The construction of ethnocultural and national identity as a philosophical problem], Filosofiya i kul'tura, no. 1, pp. 12–19. (in Russ.)

25. Koptseva, N.P., Nevol'ko, N.N. and Reznikova, K.V., 2013. Formirovanie etnicheskoi kul'turnoi identichnosti v sovremennoi Rossii s pomoshch'yu proizvedenii natsional'nogo iskusstva (na primere evenkiiskogo eposa i dekorativno-prikladnogo iskusstva) [The making of ethnic cultural identity in modern Russia through the works of national art (the case of the Evenki epos and arts and crafts)], Pedagogika iskusstva, no. 1, pp. 1–15. (in Russ.)

26. Kocheshkov, N.V., 1995. Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina XIX–XX vv.: problemy etnicheskikh traditsii [Decorative art of 19th–20th century Lower Amur and Sakhalin peoples: problems of ethnic traditions]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

27. Kryzhanovskaya, Ya. S., 2010. Nanaiskii lyubitel'skii teatr i ego mesto v istoriko-kul'turnom protsesse yuga Dal'nego Vostoka [Nanai amateur theater and its place in the historical and cultural process of the South of the Russian Far East], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 6, pp. 252–259. (in Russ.)

28. Latour, B., 2006. Nadezhdy konstruktivizma [The promises of constructivism]. In: Sotsiologiya veshchei: sbornik statei. Moskva: Territoriya budushchego, 2006, pp. 365–389. (in Russ.)

29. Libakova, N.M., 2015. Formirovanie pozitivnoi etnicheskoi identichnosti indigennykh narodov posredstvom dekorativno-prikladnogo iskusstva (rez'ba po kosti) [The making of positive ethnic identity of indigenous peoples through arts and crafts (bone carving)], Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, no. 1, part 1, pp. 1887–1894. (in Russ.)

30. Makarova, I.A., 2013. Sotsial'no-filosofskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya «etnos» [Socio-philosophical approaches to the definition of the concept of «ethnos»], Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta, no. 9, pp. 84–92. (in Russ.)

31. Malakhov, V.S., 1998. Neudobstva s identichnost'yu [Inconveniences of identity], Voprosy filosofii, no. 2, pp. 43–53. (in Russ.)

32. Mikhailova, M.A., 2013. Etnokul'turnaya identichnost' v usloviyakh kul'turnoi globalizatsii [Ethnocultural identity in the context of cultural globalization]. In: Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 14, pp. 191–196. (in Russ.)

33. Monakov, A.M., 2008. Etnos i etnicheskaya identichnost' [Ethnos and ethnic identity], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya, no. 1, pp. 72–91. (in Russ.)

34. Ostrovskii, A.B., 2009. Ritual'naya skul'ptura narodov Amura i Sakhalina. Putevodnaya nit' chisel [Ritual sculpture of the peoples of Amur and Sakhalin. The guiding thread of numbers]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)

35. Popova, M.K., 2004. Natsional'naya identichnost' i eyo otrazhenie v khudozhestvennom soznanii [National identity and its reflection in artistic consciousness]. Voronezh: Izd-vo VGU. (in Russ.)

36. Ryabova, O.N. and Mikhailov, A.A., 2021. Etnicheskii kostyum kak sposob obreteniya identichnosti [Ethnic costume as a way of acquiring identity]. In: Postroenie sistem upravleniya ustoychivym razvitiem territorii: aspekty tsifrovizatsii. Sbornik materialov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Ivanovo, 22 iyunya 2021 g.) Vyp. I. Ivanovo, 2021, pp. 50–55. (in Russ.)

37. Sadykhova, L.G., 2015. «Narodnyi teatr» kak programma formirovaniya natsional'no-kul'turnoi identichnosti [«People's theater» as a program for

the making of national cultural identity], *Tsenosti i smysly*, no. 5, pp. 80–88. (in Russ.)

38. Smirnova, N.M., 2009. Kognitivnye osnovaniya fenomenologicheskogo konstruktivizma [Cognitive foundations of phenomenological constructivism]. In: *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke*. Moskva: «Kanon+», 2009, pp. 141–168. (in Russ.)

39. Stenishcheva, A.A., 2022. Etnokul'turnaya identichnost': vzniknovenie i stanovlenie [Ethnocultural identity: emergence and making]. In: *Sbornik statei XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Shamovskie pedagogicheskie chteniya»* (g. Moskva, 22–25 yanvarya 2022 g.): v 2-kh ch. Ch. 2. Moskva, 2022, pp. 896–900. (in Russ.)

40. Taksami, Ch.M., 1970. Odezhda nivkhov [The clothing of the Nivkhs]. In: *Odezhda narodov Sibiri*. Leningrad, 1970, pp. 166–195. (in Russ.)

41. Taksami, Ch.M., 1975. Osnovnye problemy etnografii i istorii nivkhov (seredina XIX – nachalo XX v.) [Main issues in Nivkh ethnography and history (mid-19th and early 20th centuries)]. Leningrad. (in Russ.)

42. Tishkov, V.A., 1997. O fenomene etnichnosti [On the phenomenon of ethnicity], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 3–21. (in Russ.)

43. Tishkov, V.A., 1997. Identichnost' i kul'turnye granitsy [Identity and cultural borders]. In: *Identichnost' i konflikt v postsovetских gosudarstvakh*. Moskva: Moskovskii tsentr Karnegi, 1997, pp. 15–43. (in Russ.)

44. Tishkov, V.A., 2019. Rossiiskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russian identity: internal and external challenges], *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, Vol. 89, no. 4, pp. 408–412. (in Russ.)

45. Sharapova, S.M., 2005. Fenomen identichnosti v istorii professional'noi khudozhestvennoi kul'tury komi (zyryan) XX v.

[The phenomenon of identity in the history of professional art culture of Komi (Zyryans) in the 20th century]: avtoreferat dissertatsii kandidata kul'turologii. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

46. Shirokogorov, S.M., 2012. Etnos: issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii [Ethnos: research on the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena]. Moskva: Librokom. (in Russ.)

47. Shrenk, L.I., 1899. Ob inorodtsakh Amurskogo kraia. T. 2 [On the native ethnicities in the Amur Region. Vol. 2]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

48. Shternberg, L.Ya., 1933. Gilyaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ainy [The Gilyak, Orochi, Goldi, Negidal, Ainu: articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz. (in Russ.)

49. Schütz, A., 2003. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii [Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. (in Russ.)

50. Erikson, E., 1996. Identichnost': yunost' i krizis [Identity, youth and crisis]. Moskva: Progress. (in Russ.)

51. Yuan Jiali and Lyakh, V.I., 2022. K voprosu o kharakteristike etnokul'turnoi identichnosti sovremennogo obschestva [On the characteristics of the ethnocultural identity of modern society], *Kul'tura i tsivilizatsiya*, Vol. 12, no. 1a, pp. 214–220. (in Russ.)

52. Laufer, B., 1902. The decorative art of the Amur tribes. *Memoirs of American Museum of Natural History*. Vol. 7. New York.

53. Poster, M., 1998. Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communications. In: Jones, S. ed., 1998. *Cybersociety 2.0: revisiting computer-mediated communication and community*. London: Sage, pp. 184–211.

УДК 94(5)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-2/69-75>

А.А. Хисамутдинов, Гао Мингью*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОГО ДОМА «И.Я. ЧУРИН И К^о» В КИТАЕ

Российские предприятия в Китае сыграли чрезвычайно важную роль в развитии китайско-российских экономических отношений. Одним из таких предприятий был Торговый дом «И.Я. Чурин и К^о», чей успешный опыт ведения бизнеса на территории Китая ведет отсчет с начала XX в. В статье представлена характеристика направлений деятельности торгового дома в Китае на протяжении всего периода его существования.

Ключевые слова: Торговый дом «И.Я. Чурин и К^о», российская эмиграция, Харбин, торговля, производство, реклама

The main activities of I.Y. Churin & Co. Trading House in China. AMIR A. KHISAMUTDINOV (Central Scientific Library, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences; Far Eastern Federal University), GAO MINGYUE (Far Eastern Federal University)

Russian enterprises in China have played an extremely important role in the development of Sino-Russian economic relations. The most prominent among them was I.Y. Churin & Co. Trading House, whose successful experience of doing business in China dates back to the beginning of the XXth century. The article presents a description of the activities of the trading house in the field of commerce and production throughout the entire period of its existence in China.

Keywords: I.Y. Churin & Co. Trading House, Russian emigration, Harbin, trade, production, advertising

Введение

В настоящее время в Китае действует немало совместных российско-китайских предприятий. Некоторые из них имеют продолжительную историю сотрудничества с китайскими партне-

рами, при этом одним из самых успешных среди них можно считать Торговый дом «И.Я. Чурин и К^о». Созданная в 1857 г. компания пришла в Китай в период строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и продолжает

---

* ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович, доктор исторических наук, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения РАН, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: khisamut@yahoo.com

ГАО Мингью, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: 550363980@qq.com

© Хисамутдинов А.А., Гао Мингью, 2023

существовать сегодня, отметив столетний юбилей своей работы в стране.

Деятельность Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» в Маньчжурии не раз привлекала внимание исследователей – как российских, так и китайских. Одним из первых о работе предприятия в Харбине рассказал его бывший сотрудник Петр Константинович Фиалковский [11]. Среди других российских работ на эту тему следует отметить монографию Т.Г. Мамаевой [5], статью Д.В. Крохмаль и Е.В. Польской [4]. При этом в русскоязычных публикациях почти не используется информация из китайских источников или сведения, опубликованные русскими эмигрантами.

Статья Тань Тяньюй и Инь Синь «Исследование российских предприятий в Китае в первой половине XX в. на примере Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» на сегодняшний день является единственной научной публикацией на китайском языке, полностью посвященной компании Чурина [14]. Тем не менее, факты об истории компании упоминаются и в ряде других работ: в частности, в статьях Лин Госиня [13] и Чжан Фушаня [15]. В этих публикациях в основном повторяются общие сведения, почерпнутые в русских изданиях.

Цель данной статьи – охарактеризовать направления деятельности Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» в Китае. Основу источниковой базы исследования составляют материалы периодической печати русских эмигрантов, в том числе из коллекции библиотеки Гавайского университета и Музея русской культуры в Сан-Франциско. Это прежде всего публикации харбинского журнала «Рубеж», различные рекламные объявления, публиковавшиеся в русскоязычной прессе. Ценным для работы оказался справочник «Премированная промышленность и торговля Северной Маньчжурии» [2].

Основатели и деятели компании Чурина в России

Основателем Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» был уроженец г. Иркутск купеческий сын Иван Яковлевич Чурин (1833–1895). Он начал свои коммерческие операции в 1857 г., в период освоения русскими Приамурья, доставляя военные грузы и снабжая товарами отдаленные поселения. В 1867 г. Чурин пригласил к сотрудничеству братьев Василия (1838–1905) и Николая (1848–1908) Бабинцевых, и компания приобрела название Торговый дом «И.Я. Чурин

и К^о». Руководить дальневосточными отделениями компании, которые открывались по мере заселения приамурских и приморских земель (в Николаевске, Благовещенске, Владивостоке), Чурин поручал компаньонам [7, с. 30].

После реорганизации компании Чурина в 1882 г. ее руководителем стал крупный акционер Александр Васильевич Касьянов (1851–1925). О нем владивостокская газета «Дальний Восток» писала: «С уходом от дела Ив. Як. Чурина А.В. Касьянов был избран остальными компаньонами распорядителем фирмы, каковым бессменно и состоит до сего времени, постепенно расширяя операции фирмы и доведя дело до того солидного состояния, в котором оно находится теперь. За многолетнюю полезную деятельность на Дальнем Востоке по торговому делу удостоен звания коммерции советника и пр. наград. Благотворительная деятельность как на Дальнем Востоке, так и в Москве, известна всем» [1].

Дела у торгового дома шли очень успешно. Приамурье заселялось, и переселенцам требовались не только товары первой необходимости, но и сельскохозяйственная техника, которую компания закупала на крупных зарубежных и российских предприятиях. Всего же у фирмы насчитывалось более пятисот поставщиков товаров [6, с. 54]. Торговал И.Я. Чурин и собственными товарами. Вскоре после основания компании он создал в Благовещенске, Владивостоке и других местах свои предприятия: заводы винодельческие, мыловаренные, по производству краски, станции по обслуживанию сельхозтехники.

Строительство КВЖД еще больше укрепило финансовое положение компании Чурина. Отделения компании стали одно за другим открываться в населенных пунктах зоны отчуждения КВЖД на северо-востоке Китая, а начиналась торговля в палатках на берегу Сунгари, обслуживаемая первостроителей Харбина. Что касается первого магазина в Китае, то Ли Шусяо в своей «Хронике истории Харбина» отмечает, что в 1898 г. в районе Сянфан города Харбина открылся филиал Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» (кит. «Цюлинь Янхан», 秋林洋行). Он успешно работал в течение многих лет, что подтверждает сообщение об экспонатах торгового дома на юбилейной выставке в честь 25-летия КВЖД [2, с. 44].

В 1904 г. компания приступила к постройке собственного универсального магазина в Хар-

бине на пересечении улиц Дажи и Синьшанву (ныне Фэнфэнь-роуд) Строительство завершилось в сентябре 1908 г. Лин Госинь пишет: «Величественное двухэтажное коммерческое здание с цокольным этажом было выполнено в неповторимом европейском стиле и сразу же стало визитной карточкой Харбина. Это европейское здание с красивым куполом и светлыми большими окнами имело водоснабжение и отопление. В то время, когда в Харбине не было электростанции, у Чурина имелся свой генератор. Вечером мерцали фонари торгового дома, полупрозрачные и прозрачные, превращаясь в притягательное зрелище в городе, освещенном керосиновыми лампами» [13, р. 76].

Торговый дом Чурина всегда ориентировался на работу с высококачественной продукцией. В ассортименте его магазинов были шерстяные ткани из Великобритании, американские консервы, немецкая домашняя утварь, французская косметика, красное вино и другие товары. Уже в 1900 г. Чуринов основал в Харбине субподрядную мастерскую по переработке чая, привезенного из южного Китая, Индии, Цейлона (Шри-Ланка) и других мест. Еще на заре коммерческой деятельности он заметил, что в России существует огромная нехватка чая, особенно черного, который особенно любили русские. В харбинской мастерской производили особый «чуриновский» черный чай. Благодаря оригинальной рецептуре чай сразу же стал популярен и пользовался спросом у огромного числа российских потребителей, а отточенное мастерство работников позволяло ежегодно производить высококачественный черный чай в значительном количестве. «Чуриновский черный чай» был удостоен золотой медали «Лучший в Китае», что принесло компании большую прибыль [13, р. 78].

Развитие коммерции в компании Чурина в период ее расцвета было неотделимо от промышленного строительства. В 1909 г. открылся чуриновский колбасный завод, ставший крупнейшим мясокомбинатом в Харбине. Он производил 15 видов продукции, в том числе кровяную колбасу, чайную колбасу, колбасу из говяжьего языка и др. Вслед за этими предприятиями в Харбине были созданы лакокрасочная, швейная и сигаретная фабрики. Последняя, открытая в 1911 г., постоянно совершенствовала технологии и обновляла оборудование, производя лучшие на тот момент сигареты в Китае, которые тоже были удостоены золотой медали. Свидетельство

образцового ведения дел торговым домом – золотая медаль, полученная в 1913 г. на выставке Приамурского края в честь 300-летия Дома Романовых в г. Хабаровск.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. в работе Торгового дома начались трудности: перебои с поставками товаров и со снабжением предприятий, производящих собственную продукцию. После Октябрьской революции 1917 г. почти 400 млн руб., пущенных в обращение русским правительством в Северо-Восточном Китае, превратились в макулатуру. Экономике Харбина был нанесен сильнейший удар, и она впала в серьезный кризис. Вместе со всеми пострадала и компания Чурина: она понесла большие убытки, что в значительной степени изменило жизнь всего персонала. Вместе с тем именно отделения компании в Маньчжурии, куда в период Гражданской войны в России переместились А.В. Касьянов и другие руководители компании, помогли Торговому дому сохранить свои позиции. К 1917 г. помимо Харбина и Мукдена Торговый дом имел свои отделения во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Черниговке, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Благовещенске, Сретенске, Зее-Пристань и Петропавловске-Камчатском.

Октябрьская революция привела к реорганизации компании, которая разделилась на две части. В России в качестве преемников Чуринов стало работать «Торгово-промышленное товарищество на паях», а компания в Китае сохранила прежнее название – Торговый дом «И.Я. Чуринов и К^о». Управляющий А.В. Касьянов приложил усилия для его укрепления, и фирма быстро вернулась к экономической стабильности. Были восстановлены коммерческие связи со странами Америки и Европы. В ноябре 1919 г. в харбинском районе Даоли открылось трехэтажное торговое здание. В магазины вновь начали поступать качественные товары, расширилось промышленное строительство.

Компания последовательно открывала универмаги в Шеньяне, Чанчуне, Цицикаре и других местах, отделы закупок появились в Шанхае и Кобе, консигнационный офис – в Даляне. В это время А.В. Касьянов импортировал большое количество инфраструктурного оборудования, необходимого для развития городского транспорта, электро – и водоснабжения, а также метизной продукции из США, Германии и других стран. Он открыл в Харбине на улице Ситоудао первый строительный магазин с дву-

мя большими отделами. Отдел промышленных технологий предлагал разнообразное производственное оборудование. Отдел автомобилей и сельскохозяйственных инструментов не только распространял машины и механизмы для сельского хозяйства (тракторы, снегоборщники и т.д.), но и давал рекомендации по их использованию. Для этого Касьянов создал полигон для испытания сельскохозяйственной техники.

В 1923 г. компания участвовала в масштабной выставке в Харбине по случаю 25-летия КВЖД. В каталоге выставки отмечалось: «В павильоне “Чурин” выставлены для продажи чай и папиросы производства фирмы. Для производства папирос фирма Чурина использует табачи высокого качества, получаемые фирмой непосредственно из Турции и Южного Китая. В последнее время фирма получает табачи также из России. Чай фирмы Чурина отличаются особой чистотой сортировки и очистки, производимой на специальных электрических аппаратах, без участия ручного труда. На выставку в качестве экспонатов наряду с очищенными чаями фирма представила примеси, выделенные в процессе очистки из сырого товара. Образцы красок и лаков привлекают внимание посетителей как обилием оттенков, так и чистотой их расцветки. В целом же отдел фирмы Чурина в полной степени демонстрирует те успехи, которые достигнуты были фирмой за сорок шесть лет ее существования» [2].

Механизация в русской компании была лучшей в Маньчжурии, а зарплата – более высокой, чем в других фирмах [3]. Клиентов у торгового дома тоже было достаточно. Руководство придавало большое значение имиджевой политике. Был разработан собственный логотип – аббревиатура «ЧК». Он печатался на фирменных бланках компании и даже на обертке товаров. Обширная реклама способствовала укреплению репутации компании. Начиная с 1920-х гг. рекламная индустрия в Харбине получила значительное развитие, рекламные объявления регулярно публиковались в газетах и других печатных изданиях. Реклама Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» и его продукции занимала большое место в периодической печати: на ее страницах публиковались объявления о поступлении новых товаров, продаже автомобилей или книг, о возможности предварительных заказов. Информацию о товарах Чурина можно было увидеть практически во всех русскоязычных изданиях и частично в китайских, особен-

но в пользующихся спросом ежедневных газетах «Заря», «Рупор» и «Харбинский вестник». Анализ рекламных объявлений позволяет отметить одну особенность: о какой бы категории товара ни сообщалось, в тексте обязательно будет указано: «Предлагается в широком ассортименте». Со временем такая реклама создавала у потребителей уверенность, что Торговый дом «И.Я. Чурин и К^о» может удовлетворить все их потребности.

Председатель правления торгового дома А.В. Касьянов скончался 23 февраля 1925 г. [15, р. 239]. Его приемником стал сын Николай Александрович Касьянов (1878–1948) – уроженец Благовещенска, окончивший Александровское коммерческое училище в Москве и Гейдельбергский университет в Германии. Став доктором естественных наук, он поначалу занимал должность профессора на Высших женских курсах в Москве (1908–1912 гг.), но затем продолжил дело отца. Под его руководством произошло заметное расширение бизнес-проектов для удовлетворения рыночного спроса российско-китайского потребителя.

К 1927 г. здание главного харбинского магазина торгового дома увеличилось втрое, протянувшись вокруг улиц Дажи, Гоголя и Ашихэ. Фасад трехэтажного здания длиной 173 м был простой формы, но карниз богато украшен и покрыт мозаичными рельефами. Узкие и длинные двойные окна разделялись коринфскими резными пилястрами. Цокольный этаж здания использовался для хранения продуктов, пивоварения и виноделия, на двух верхних этажах располагались торговые площади. Вокруг магазина имелся зеленый участок со скамейками, где люди любили отдыхать в теплую погоду.

Компания стала организовывать торговлю сопутствующими товарами во время фестивалей и праздников. В новогоднем номере журнала «Рубеж» за 1931 г. отмечена предновогодняя акция Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о»: «Открыт большой рождественский базар. Колоссальный выбор елочных украшений, картонажей, бонбоньерок, хлопушек, свечей и подсвечников, свечей алюминиевых, горящих звездочек, масок, полумасок, конфетти и карнавальных принадлежностей в довольно-таки огромном выборе. Игрушки лучших заграничных фабрик “Marklin”, куклы и плюшевые игрушки, всевозможные игры, разные наборы для построек и рукоделия, посуда, паровые двигатели, железные дороги, кинематографы, заво-

дные и механические игрушки, аппараты для выжигания, метало-пластика» [9].

Чтобы увеличить поставки сельскохозяйственной продукции из Северо-Восточного Китая, в компании был создан сельскохозяйственный отдел. Его сотрудники всесторонне изучали способы обработки земли, транспортировки зерна и другой продукции на ближайшую станцию, типы сельскохозяйственной техники и инструментов, анализировали, какое их количество необходимо китайским и русским фермерам. На этой основе производились закупки различных машин и механизмов из зарубежных стран. Помимо этого отдела в компании имелись отделы общественного питания, книжный, одежды, электроматериалов, игрушек, обуви и товаров для путешествий, мебели, часов, фотоприборов, металлических изделий, машин, медно-железных изделий, табака, медицины, строительных материалов, топлива и др. [14, р. 87].

Выпущенная компанией Чурина рекламная брошюра сообщала: «Акционерное общество И.Я. Чурина и К°. Главная контора в Харбине. Отделения: Кобе, Тяньцзин, Дайрен, Синьцзин, Мукден, Сыпин, Цицикар, Хайлар, Хейхо, Антунг. В Трехречьи: Драгоцинка, Попирай, Щучье, Тулунтуй. Агентства универсальных магазинов во всех значительных пунктах Маньчжурии. Технический отдел. Автомобильный отдел. Сельскохозяйственный отдел. Механические мастерские. Оптовый отдел. Фабрика лаков и красок. Водочный завод. Чайная развесная и сортировочная. Производство и разлив. Отдел по продаже колбасных изделий» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, США).

Публикации подтверждали факты об успехах компании: «Фирма И.Я. Чурина и К° является одним из самых крупных русских торгово-промышленных предприятий в Маньчжурии. Самые крупные магазины Харбина принадлежат Чурину. Наряду с торговой деятельностью фирма учредила и ряд промышленных заведений, успешно развивающих свою работу. Чурина имеет сейчас фабрики: колбасную, красок, лаков, чайно-развесную, водочный завод, портняжную мастерскую готового платья, большие склады русских и иностранных вин с собственным разливом в своих подвалах, механические и столярные мастерские, технические отделы, отделения автомобилей и сельскохозяйственных машин. О размерах торгово-промышленных предприятий можно судить уже по количеству занятых

людей. Весь аппарат предприятия составляет свыше 900 служащих и рабочих» [10].

В этот период правление компании наладило экономические отношения с 500 промышленными и торговыми предприятиями Европы и США, обновило техническое оснащение нескольких перерабатывающих заводов, создало новый отдел промышленных технологий для распространения машин и оборудования, необходимых промышленному сектору, учредило пилотный завод сельскохозяйственной техники. В результате этих усилий операционный масштаб торгового дома достиг беспрецедентного уровня, превратив его в крупное промышленное и торговое предприятие [3].

Под японской оккупацией

Однако благополучный период длился недолго: в феврале 1932 г., с началом оккупации Харбина Японией, закрылась таможня и экономические условия ужесточились. Преимущество в коммерции перешло к японским фирмам, торгующим японскими товарами. Европейских товаров в северо-восточных провинциях Китая почти не осталось, так как японцы, пользуясь таможенными преградами, запрещали их поставку. От русских магазинов в Харбине требовали продавать японские товары, доставляемые крупными японскими импортными компаниями. Каждую неделю представители японских властей приезжали для контроля за этим.

Из-за давления японских менеджеров на служащих и рабочих филиалы многих компаний закрывались один за другим. Сокращалась с каждым днем и деятельность компании Чурина – вплоть до отсутствия возможности погасить кредит Гонконг-Шанхайского банка. Банк предложил Касьянову реорганизовать фирму, создав акционерное общество из англичан, немцев, японцев и бывших компаньонов торгового дома. Правление отказалось, после чего банк решил приступить к ликвидации дел и увольнению служащих (Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 19744. Л. 1).

23 июля 1937 г. Гонконг-Шанхайский банк провел реорганизацию с переименованием предприятия в Английскую харбинскую акционерную компанию [13, р. 77]. В газетах сообщалось, что название фирмы изменено: вместо Торгового дома «И.Я. Чурина и К°» – Акционерное общество «И.Я. Чурина и К°» [8]. Над зданием компании появился флаг Великобритании, а продажа японских товаров прекратилась. В

результате главу правления А.В. Касьянов сначала отстранили от управления фирмой, а затем арестовали. Вместе с ним Японская военная миссия арестовала и заключила в тюрьму акционера В.П. Бабинцева и других партнеров. Их подвергали пыткам, пока они не приняли условия японцев.

Через некоторое время Касьянова освободили, и он сразу же предпочел уехать в Шанхай, а оттуда – в США (1939 г.). В Сан-Франциско Николай Александрович основал Русско-Американский деловой клуб, стал председателем Русского центра и Общества помощи России. Н.А. Касьянов скончался 23 октября 1948 г. в Беркли (Калифорния) [12].

В 1944 г. прошло экстренное собрание акционеров, на котором было объявлено о реорганизации компании. Появилась надежда, что реорганизация позволит уменьшить убытки, но она не оправдалась: ситуация продолжала ухудшаться, и компания едва удерживалась на плаву.

Под китайским управлением

После Второй мировой войны, воспользовавшись капитуляцией Японии, русские смогли вернуться к руководству компанией. Советское правительство приобрело у Гонконг-Шанхайского банка ее акции [6]. Из Москвы прислали новых руководителей, на рядовых должностях были сохранены старые кадры. Филиалы компании работали в Суйфэньхэ, Цицикаре, Цзямусы, Цзилине, Чанчуне, Даляне, Инкоу и других местах. В этот период компания в основном сосредоточилась на импортной и экспортной торговле и обменивала продукцию северо-восточных провинций Китая на советские промышленные товары, предметы первой необходимости, сельскохозяйственную технику и другие товары, расширяя сферу деятельности компании Чурина.

Новое руководство компании стало уделять больше внимания промышленному строительству, реконструировав и построив около двадцати перерабатывающих заводов. Наиболее известными из них являются ремонтно-механический, авторемонтный, кожевенный, лакокрасочный, деревообрабатывающий, цементный, винный, пивоваренный, пищевой заводы. Компания наняла опытных китайцев, чтобы расширить производство и торговлю для китайских потребителей.

В октябре 1953 г. Советский Союз передал компанию Китаю. Основное торговое здание претерпело новые расширения, последняя ре-

конструкция была произведена в 1978 г., когда в магазине добавилось два этажа, и он стал четырехэтажным. Внешний вид при этом практически не изменился, так как первоначальный архитектурный стиль в основном сохранили. В вестибюле на высоте двух с половиной метров установили бронзовый бюст Ивана Яковлевича Чурина, изготовленный еще в 1938 г. скульптором Ф.К. Валенским.

Заключение

Впечатляющие успехи ведения бизнеса Торговым домом «И.Я. Чуринов и К^о», достигнутые в прошлом, сохраняются и сегодня. Под маркой «Чурин» (Churin Food) в Харбине до сих пор продаются продукты, изготовленные по старинным русским рецептам, например, чуринский хлеб. Даже при том, что сам универсам № 1, работающий в бывшем чуринском магазине в Харбине, давно превратился в чисто китайский торговый центр, бренд «Чурин» после более чем столетнего развития по-прежнему хорошо известен в Харбине.

Остался в памяти горожан и образ основателя компании Ивана Яковлевича Чурина. В настоящее время китайское правительство вернуло его имя улицам в нескольких городах Китая, носившим его до революции. Известен харбинцам и дом № 63 по улице Ашихэ, где раньше жили семьи Касьяновых и нескольких других акционеров, и его продолжение, здание в эклектичном стиле № 65, где размещался клуб компании. Над главными входными воротами бывшего клуба до сих пор виден логотип фирмы и установлена мемориальная доска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биография // Дальний Восток. 1912. № 145. С. 3.
2. Бюллетень музея Общества изучения Маньчжурского края и юбилейной выставки КВЖД. Харбин, 1923.
3. День памяти служащих: Торжественный марш чуринцев на Новое кладбище // Рубеж. 1941. 8 ноября. С. 17.
4. Крохмаль Д.В., Польская Е.В. История предпринимательского успеха И.Я. Чурина // Вестник научных конференций. 2021. № 8–2. С. 65–67.
5. Мамаева Т.Г. Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии (конец XIX в. – 1945 г.). Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2021.

6. Мукденская беседа о Маньчжурии // Новая заря. 1946. 29 мая.

7. Панин И.А. Премированная промышленность и торговля Северной Маньчжурии. Харбин, 1923.

8. Реклама // Заря. 1940. 18 января.

9. Реклама // Рубеж. 1931. 1 января.

10. Тищенко П.С. Компания «Чурина» // Харбинская старина. 1936. Июль. С. 9–14.

11. Фиалковский П.К. Торговый дом И.Я. Чурина в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 3. С. 123–125.

12. Языков Н. Похороны Н.А. Касьянова // Новая заря. 1948. 26 октября.

13. Лин Госинь. Хаэрбинь вэнь ши цзы ляо. Т. 15. Цзинци шиляо (Харбинские литературно-исторические материалы. Т. 15. Материалы по экономической истории). Харбин, 1991.

14. Тан Тяньюй, Инь Синь. 20 шици шанбань эшан цзайхуа цие яньцзю и Цюлинь гунсы вэйли (Исследование российских предприятий в Китае в первой половине XX в. на примере Торгового дома «Чурин и Ко») // Тайюань чэн ши чжие цзишу сюэюань сюэбао. 2010. № 2. С. 86–87.

15. Чжан Фушань. Хаэрбинь вэнь ши цзы ляо. Т. 20. Хаэрбинь вэньши жэньулу (Харбинские литературно-исторические материалы. Т. 20. Литературные и исторические деятели Харбина). Харбин, 1997.

REFERENCES

1. Biografiya [Biography], Dal'nii Vostok, 1912, no. 145, p. 3. (in Russ.)

2. Byulleten' muzeya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraia i yubileinoi vystavki KVZhD [Bulletin of the Museum of the Society for the Study of the Manchurian Region and the anniversary exhibition of the Chinese Eastern Railway]. Harbin, 1923. (in Russ.)

3. Den' pamyati sluzhashchikh: Torzhestvennyi marsh churintsev na Novoe kladbishche [The day of remembrance of the employees: the march of Churin employees to the new cemetery], Rubezh, 1941, November 8, p. 17. (in Russ.)

4. Krokmal', D.V. and Pol'skaya, E.V., 2021. Istoriya predprinimatel'skogo uspekha I.Ya. Churina [The history of entrepreneurial success of I.Ya. Churin], Vestnik nauchnykh konferentsii, no. 8–2, pp. 65–67. (in Russ.)

5. Mamaeva, T.G., 2021. Rossiiskoe torgovopromyshlennoepredprinimatel'stvo v Man'chzhurii (konets XIX v. – 1945 g.) [Russian commercial and industrial businesses in Manchuria (late 19th century – 1945)]. Khabarovsk: Izd-vo DVGUMU. (in Russ.)

6. Mukdenskaya beseda o Man'chzhurii [Mukden talk about Manchuria], Novaya zarya, 1946, May 29. (in Russ.)

7. Panin, I.A., 1923. Premirovannaya promyshlennost' i torgovlya Severnoi Man'chzhurii [Award-winning industry and trade of Northern Manchuria]. Harbin. (in Russ.)

8. Reklama [Advertising], Zarya, 1940, January 18. (in Russ.)

9. Reklama [Advertising], Rubezh, 1931, January 1. (in Russ.)

10. Tishenko, P.S., 1936. Kompaniya «Churina» [Churin & Co.], Kharbinskaya starina, July, pp. 9–14. (in Russ.)

11. Fialkovskii, P.K., 1996. Torgovyi dom I.Ya. Churina v Kharbine [I.Ya. Churin's trading house in Harbin], Problemy Dal'nego Vostoka, no. 3, pp. 123–125. (in Russ.)

12. Yazykov, N., 1948. Pokhorony N.A. Kas'yanova [Funeral of N.A. Kasyanov], Novaya zarya, October 26. (in Russ.)

13. 凌国新, 1991. 哈尔滨文史资料. 第15辑. 经济史料 [Harbin literature and history materials. Vol. 15. Economic history]. 哈尔滨. (in Chinese)

14. 谭天宇 and 尹鑫, 2011. 20世纪上半叶俄商在华企业研究 – 以秋林公司为例 [A study of Russian enterprises in China in the first half of the 20th century – the case of trading house «Churin and Co.», 太原城市职业技术学院学报, no. 2, pp. 86–87. (in Chinese)

15. 张福山, 1997. 哈尔滨文史资料. 第20辑. 哈尔滨文史人物录 [Harbin literature and history materials. Vol. 20. Harbin cultural and historical figures]. 哈尔滨. (in Chinese)

Л.Г. Роман*

БХАВАНА КАК ПРИНЦИП ТОЛКОВАНИЯ ВЕД В МИМАНСЕ**

Пурва-миманса – одна из шести наиболее значимых ортодоксальных традиций Древней Индии, занимающаяся философским осмыслением языка, в частности – проблемами толкования раздела Вед, посвященного предписаниям к действию (*карма-канда*). В рамках данной проблематики осуществляется поиск ответов на многие вопросы, в т.ч. о значении предложения, соотношении языка и реальности и т.д. Санскритское понятие «*бхавана*», понимаемое как «порождающая энергия», играет важную роль в решении данных вопросов. Статья посвящена выявлению смысловой структуры данного понятия и реконструкции принципа толкования Вед *мимансой* на его основе. Для решения поставленных задач автор обращается к первоисточникам на санскрите – «Миманса-сутре» и «Шабара-бхашье».

Ключевые слова: индийская философия, философия языка, санскрит, Веда, пурва-миманса, бхавана

***Bhāvanā* as a principle of Vedic interpretation in *Mīmāṃsā*.** LILIYA G. ROMAN (Peoples' Friendship University of Russia)

Pūrva-mīmāṃsā is one of the six most significant orthodox traditions of Ancient India, dealing with the interpretation of language from a philosophical point of view, in particular, with the issues of interpreting *karma-kāṇḍa* – the section of the Vedas that pertains to action. Within the framework of these issues, answers are being sought to the questions about the meaning of a sentence, the relationship between language and reality, etc. The concept of *bhāvanā* («creating energy») plays an important role in resolving these issues. The article is aimed at revealing the semantic structure of this concept and reconstructing the principle of interpretation of the Vedas developed by *Mīmāṃsā* on its basis. To this end, the author refers to the primary sources in Sanskrit – *Mīmāṃsā-sūtra* and *Śabara-bhāṣya*.

Keywords: Indian philosophy, philosophy of language, Sanskrit, Vedas, *Pūrva-Mīmāṃsā*, *bhāvanā*

Введение

Священное знание Древней Индии, известное как Веда, составляет огромный корпус сакральных текстов, включающий в себя *сам-*

хиты, *брахманы*, *араньяки* и *упанишады*. Правилами толкования ритуалистических текстов *самхит* и *брахман*, что образует раздел Вед, посвященный предписаниям к действию –

* РОМАН Лилия Геннадьевна, научный сотрудник Центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» Российского университета дружбы народов.

E-mail: lily.roman3012@gmail.com

© Роман Л.Г., 2023

** Работа выполнена в рамках Соглашения между Министерством науки и высшего образования РФ и Российским университетом дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии» и при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

карма-канда (*karma kāṇḍa*), занимается одна из шести наиболее значимых ортодоксальных школ мысли – *пурва-миманса* или *карма-миманса*.

Предметом учения *мимансы* является дхарма. «А теперь – желание познать дхарму», – утверждается в первой сутре «Миманса-сутры» (далее – МС), предваряющей собой вступление на путь изучения дхармы. Однако в МС мы не найдем четкого исчерпывающего определения этого понятия, так как дхарма не доступна ни для восприятия человеком, ни для выражения ее в языке. Единственное, что имеет последователь *мимансы*, – это Веды, в которых содержатся предписания относительно того, что необходимо делать, чтобы познать дхарму. Собственно, дхарма коррелирует с тем, что *должно* быть исполненным; дхарма для *пурва-мимансы* есть должное. Отсюда и альтернативное название мимансы – *карма-миманса*, то есть миманса действия.

Исходя из такой специфики школы мимансы, ставящей акцент на действие, на предписания к действию, можно выделить одно из важнейших философских понятий ее учения – *бхавана* (*bhāvanā*), с помощью которого и высвечивается характерная для *мимансы* устремленность к действию.

Цель настоящей работы – выявить смысловую структуру понятия «*бхавана*» и реконструировать принцип толкования Вед на его основе. В рамках исследования фундаментальных основ *бхаваны* как принципа толкования Вед были использованы наиболее ранние источники этой традиции: «Миманса-сутры»¹, главный текст традиции *пурва-мимансы*, и «Шабара-бхашья»² (далее – ШБ), первый по времени

¹ Вопрос о датировке МС на сегодняшний день не имеет точного ответа. Разные исследователи имеют разные точки зрения на данную проблему. А. Кит датирует памятник временем не позднее 200 г. н.э., М.Л. Сандал – 600–200 гг. до н.э., Ф.К. Клуни – 450–400 гг. до н.э. [14, р. 58], в то время как сама индийская традиция относит создание МС к концу *двапара-юги* или началу *кали-юги* (ок. 3101 г. до н.э.) [4, с. 45].

² Некоторые исследователи, такие как М. Биардо, Ф. Зангерберг и Э. Фраувальнер, утверждают, что время создания ШБ, вероятно, приходится на период не ранее II в. н.э., отмечая в качестве самого позднего возможного периода V в. н.э. [8, р. 9; 14, р. 106], в то время как традиционно принятая датировка жизни автора комментария – около I в. до н.э. [4, с. 51].

создания полностью дошедший до нас комментарий к МС, автором которого был Шабара или Шабарасвамин.

Бхавана в ранних источниках

Обратимся непосредственно к двум первоисточникам – МС и ШБ. В МС принцип толкования – *бхавана* – как таковой не сформулирован, но заложен его базис, на основании которого Шабара в своем комментарии развивает философский концепт *бхаваны*.

Классическим местом зарождения идеи *бхаваны* является *бхавартха-адхикарана* (МС 2.1.1–2.1.4). Ниже представлены сутры данного фрагмента с авторским переводом [16, р. 108]:

2.1.1 Bhāvārthāḥ karmaśabdās tebhyaḥ kriyā pratīyetaiṣa hy artho vidhīyate.

Смысл, цель слов, обозначающих деятельность – это становление, порождение [соответствующего бытия], за счет них происходит познание действия [того, что следует исполнить], ибо цель предписана.

2.1.2 Sarveṣāṃ bhāvo ‘rtha iti cet.

[Возражение оппонента: но] если сказано, [что] смысл всех слов – это становление, порождение.

2.1.3 Yeṣāṃ utpattau sve prayoge rūpopalabdhis tāni nāmāni tasmāt tebhyaḥ parākāṅkṣā bhūtatvāt sve prayoge.

В источнике которых [заложено, что] при собственном употреблении [происходит] постижение формы – они [есть] имена существительные; следовательно, от них далека [потребность в других, то есть они независимы], по причине того, что в своем употреблении [они есть уже] свершившиеся (завершенные в становлении, существующие) [сущности].

2.1.4 Yeṣāṃ tūtpattāv arthe sve prayogo na vidyate tāny ākhyātāni tasmāt tebhyaḥ pratīyetaśritatvāt prayogasya.

С другой стороны, в источнике которых [заложено, что] цель использования [есть вещи еще] не существующие – они есть глаголы; следовательно, посредством них происходит познание [действия], по причине [их] зависимого [от других факторов] использования.

В ШБ приводится комментарий к этим сутрам, где автор разъясняет, что, во-первых, существует определенная порождающая энергия, во-вторых, она обозначается глаголом и, в-третьих, эту энергию следует понимать как деятельность по воплощению чего-то в жизнь,

посредством которой нечто должно быть реализовано, приведено к существованию, осуществлению [15, р. 173]. В сутре 2.1.1 это обозначено как *бхавартха* (*bhāvārthāḥ*)³, то есть «в целях становления», где главным смыслообразующим элементом является *бхава* (*bhāva*)⁴, то есть «становление, возникновение».

Согласно сутре и комментарию, *бхава* относится к глаголам, иначе говоря, понятие «*бхава*» имеет свой референт именно в глаголах (*ākhyātāni*), а не в любых словах, как, например, имена существительные или прилагательные (*nāmāni*), по причине того, что глаголами обозначается то, что еще только следует осуществить, то есть неосуществленное, стремящееся к осуществлению. Следовательно, глаголы имеют зависимый характер (глагольное действие будет зависеть от агента, инструмента, способа действия и т.д.), в то время как имена существительные представляют уже осуществившиеся, свершившиеся, независимые сущности. Понятие «*бхавана*» появляется именно здесь – в комментарии к 2.1.1 МС [15, р. 167].

Смысловая структура термина «*бхавана*»

Итак, термин «*бхавана*» как таковой отсутствует в МС, но появляется в ШБ. В традиции *миманса* существует определенное объяснение становления этого термина, то есть причин, по которым *бхава* из МС 2.1.1 превратилась в комментарии в *бхавану*, которая здесь структурируется таким образом, чтобы отвечать философским задачам *мимансы* по интерпретации ведийских речений.

Шабара в своем комментарии поясняет это следующим образом: *бхавана* называется так, только когда она связана с агентом действия, с человеком, особенно потому, что термин *bhāvayet* («должен привести к осуществлению») обозначает (через аффикс спряжения) агента действия – человека [15, р. 173].

В более позднем источнике, а именно в «Тантраварттике» Кумарилы Бхатты (ок. VII в. н.э.), указывается, что *бхавана* является синонимом слова «*бхава*», происходящего от *bhū*, с каузативным суффиксом и имеет значение «заставлять становиться», «приводить в бытие» [13, р. 228].

³ От *bhāva* («становление», «возникновение») + *artha* («цель», «смысл», «повод»).

⁴ От *bhū* («быть», «становиться», «возникать») [12, р. 759].

Таким образом, складывается следующая картина становления термина «*бхавана*» в *мимансе*. *Бхава* из МС 2.1.1 происходит от глагольного корня *bhū*, как уже указывалось ранее, и имеет значение «быть», «становиться», «возникать». Это первый смысловой уровень. Далее *бхава* приобретает форму каузативного глагола *бхавая* (*bhāvaya* = *bhū* + *aya*) со значением «побуждать к бытию», «понуждать к становлению, возникновению». Это второй смысловой уровень. Затем – и это то, о чем писал Шабара в комментарии – каузативный глагол переходит в форму опатива – *бхавайет* (*bhāvayet* = *bhāvaya* + *ī* + *t*) со значением «ему следует побуждать к бытию», «он должен приводить к возникновению» и т.д. Это третий смысловой уровень. Исходя из вышеизложенного, мы получаем трехчастную смысловую структуру термина «*бхавана*» (Рис. 1).

(1)	<i>Bhāva</i> [быть] быть, становиться, возникать, рождаться
(2)	<i>Bhāvaya</i> [понуждать] побуждать к бытию, заставлять становиться, быть причиной возникновения
(3)	<i>Bhāvayet</i> [следует] следует побуждать к бытию, должен заставлять становиться

Рис. 1. Трехчастная структура термина «*бхавана*»

То есть, во-первых, *бхавана*⁵, переводимая в словаре как «заставлять быть» [12, р. 755], и *бхавая* являются синонимами, следовательно, они взаимозаменяемы. А, во-вторых, в ШБ, где

⁵ Отметим, что термин «*бхавана*» в *пурва-мимансе* предстает именно с долгой гласной на конце (*bhāvanā*), что указывает на женский род слова.

говорится о *бхавайет* [15, р. 173], представлен именно третий смысловой уровень – уровень оптативной формы, и здесь раскрывается одна из важнейших особенностей *бхаваны* как принципа, которая закладывается уже Шабарой: *бхавана* должна быть оптативом. По сути, здесь постулируется условие: чтобы слово, а именно глагол, являлось *бхаваной*, необходимо, чтобы оно находилось в оптативном наклонении.

Кстати, об этом также пишет в своем учебнике «Мимансаньяпракаша» («Освещение принципов *мимансы*») Ападева (ок. XVII в. н.э.), указывая, что *бхаване* присуще оптативное окончание [18, р. 40–42]. Отличный пример этого – предписание Вед «Желающему небес следует совершать жертвоприношение» (*svargakāmo yajeta*), где *yajeta* образуется из *yaj* («жертвовать», «приносить жертву») путем присоединения оптативного окончания – *ta*. Таким образом, *yajeta* понимается как «следует совершать жертвоприношение».

Следовательно, *бхавана* понимается как включающая все три смысловых уровня и, соответственно, имеющая две важнейшие характеристики:

– каузативный характер (и в этом смысле *бхавана* является синонимом каузативной формы *бхавы*);

– предписывающий характер (здесь возникает условие: чтобы глагол являлся *бхаваной*, он должен находиться в оптативном наклонении).

Варианты перевода термина «*бхавана*»

Встречаются различные варианты перевода термина «*бхавана*». Так, например, в английском переводе ШБ Г. Джха *бхавана* передается словом «activity» («деятельность») [15, р. 167]. В переводе МС падита Мохан Лал Сандаля термин «*бхавана*» как таковой отсутствует, зато видим перевод *бхавартха* как «signifying existence» («означающее существование», «становление») [17, р. 42]. В английском переводе трактата «Миманса-Ньяя-Пракаша» Ападевы, осуществленном Ф. Эджертоном, *бхавана* передается как «efficient-force» («действенная сила») [18, р. 5], а в книге А. Кита «Пурва-миманса» – просто как «energy» («энергия») [10, р. 75–76]. Подобный вариант перевода также встречаем во фрагменте статьи Раджендра Натх Шармы, где *бхавана* переводится как «productive energy» («производительная энергия») или «productive force» («производительная сила») [14, р. 52].

Помимо этого, существует практика оставлять данный термин без перевода, как это делает, например, К. Катаока [9, р. 1], или же дополнять его буквальным переводом «bringing into being» («приведение в бытие») – такой вариант мы встречаем у Й. Бронкхорста [7, р. 682–683] и Э. Оллетта [13, р. 243].

Что касается перевода на русский язык, то в энциклопедии, посвященной индийской философии, в статье о *мокше* термин «*бхавана*» передан Н.В. Исаевой как «внутренняя энергия становления» с добавлением слова «*бхавана*» в скобках [1, с. 539]. Отметим, что вполне справедливо⁶ как оставить термин в русской транскрипции без перевода, так и дополнительно предложить его перевод на русский язык словосочетанием «порождающая энергия».

Философский смысл *бхаваны*

Зарождающийся принцип *бхаваны* имел очень важное значение для системы *мимансы*, что обусловлено его философским смыслом. Для реконструкции данного принципа мы используем метод ситуативной герменевтики Р.В. Псху⁷, в соответствии с которым учиты-

⁶ Санскритские термины не поддаются однозначному переводу, и в этом состоит одна из главных проблем перевода философских текстов, которые «существуют лишь постольку, поскольку там есть терминология» [5, с. 80]. Как возможно перевести философский термин с санскрита, если его коррелятивность русскому языку приближается к нулю? Относительно решения данного вопроса существует две магистральные точки зрения. Первая постулирует необходимость полноценного перевода. Санскритский текст должен «говорить» с европейским читателем, а любой непереуведенный термин означает поражение переводчика, не до конца выполненную работу. Согласно второй, при осуществлении полноценного перевода всей терминологии на язык, понятный европейскому читателю, существует опасность неправильного понимания той или иной философской системы, следовательно, решающая роль должна оставаться за примечаниями и комментариями переводчика, а термин вполне позволительно оставить в русской транскрипции.

⁷ Ситуативная герменевтика – метод, «под которым понимается рассмотрение лингвистических и историко-культурных параметров текста как онтологически значимых, что по-новому определяет задачи историко-философского исследования как деятельности по “выслеживанию” историко-культурных, социальных, лингвистических факторов влияния на системы конкретных философских традиций» [5, с. 234].

ваются как лингвистические, так и историко-культурные факторы текстовых источников. В нашем случае к последним относятся особенности философской системы *мимансы*.

В онтологической установке *пурва-мимансы* реальность условно подразделяется на два измерения – не-языковое и языковое. Современный европейский философ и теолог Отмар Гехтер выразил эту мысль другими словами, выделяя *дришта*-измерение реальности (видимую реальность) и *адришта*-измерение (невидимую реальность). Согласно Шабаре, невидимая реальность обозначается как *шабда* [8, р. 20].

На уровне не-языковой реальности работает восприятие: единственный доступ к видимому измерению реальности основан на чувственном восприятии и все доступные для него объекты располагаются здесь. В контексте ритуальной деятельности это непосредственно сами ритуальные акты, предметы, объекты жертвоприношения и т.д. К языковому измерению реальности относятся такие понятия, как *дхарма*, *сварга* («небеса»), *апурва* и др., – то есть те объекты познания, которые хотя и не поддаются словесному описанию, но познать которые возможно только через *шабда-праману*, а именно через язык Вед (наставления, предписания), поэтому мы и обозначаем эту реальность как языковую.

Каким образом человек, будучи полностью вовлеченным в видимое, не-языковое измерение реальности, своими собственными силами может прорваться в измерение невидимое, языковое? Проблематика соотношения не-языковой и языковой реальности для *мимансы* как ортодоксальной традиции имела большое значение. Главным образом это было связано с брахманизмом – индийским религиозным течением, фундированном в так называемых *брахманах* – текстах, толкующих смысл ритуальных процедур, эффективность которых зависела, помимо всего прочего, от правильности произношения ведийских формул (мантр, гимнов). Действенность последних, в свою очередь, основывалась на вере в то, что язык, а именно санскрит, имел неразрывную связь с реальностью.

Принцип *бхаваны* предлагает решение проблемы соотношения этих двух измерений, обеспечивая прорыв для взаимовлияния видимого и невидимого: *бхавана*, порождающая энергия, становится посредником, связующим звеном между двумя реальностями.

Представители *мимансы* утверждали, что *бхава* – это то, что объединяет предписание (языковая реальность) и ритуальное действие (не-языковая реальность) в единую структуру значения [13, р. 226]. То есть благодаря *бхаване* обеспечивается их синтетическое единство.

Бхавана, с одной стороны, имеет точки соприкосновения с *крией*, реальным, непосредственным актом, хотя и не имеет прямого указания на конкретное действие⁸, а с другой – содержит референт глагольного корня. То есть *бхавана* как несет семантику действия, так и отражает грамматическую единицу – глагол. Такая *бхавана* выступает посредническим звеном в связке двух аспектов реальности, ведь непосредственным результатом *бхаваны* как порождающей энергии, ведущей к совершению жертвоприношения, является *апурва*⁹ (за исключением случаев, когда действие служит подготовительной или вспомогательной цели ритуала) [8, р. 32]. *Апурва* не задействована ни в чем, что производило бы видимый результат, *апурва* – то, что после видимого, то есть невидимое. А поскольку невидимая *апурва* возникает через *бхавану* с помощью видимых средств, а именно с помощью жертвенного материала, следовательно, *бхавана* непосредственно задействована в создании

⁸ В МС 2.1.1 мы замечаем пару слов, пересекающихся по значению: *крия* («действие», «движение», «исполнение») и *бхава* («становление», «возникновение», «бытие»). Значение каждого из терминов несет деятельностный характер. Однако они не являются синонимами в полном смысле этого слова, значения их различны. *Крия* отсылает к непосредственному исполнению действия, жеста, работы; здесь действие может выступать как объект [2, с. 238]. *Бхава* же говорит о возникновении, становлении субстанции, предмета. Согласно индийской лингвистической традиции *вьякарана*, хотя эти слова и не рассматриваются как синонимы, однако существует указание на их общий референт – глагольный корень (*dhātu*) [2, с. 232]. Таким образом, существует разница в понимании двух терминов: *бхава* является термином более широкого охвата, относящимся к деятельности в целом и не относящимся к конкретному действию, действию как объекту, как это свойственно для терминов *крия*, *карман* и т.д.

⁹ *Апурва* (санскр. *apūrva* – «не первое», «возникающее после», «беспрецедентное», «новое») – необычная, исключительная сила, участвующая в создании звена между деятельностью и ее результатом. *Апурва* понимается как отрицание видимого, *дришты*, то есть как *адришта*. *Апурва* – это невидимый, невоспринимаемый результат исполненного действия.

Bhāvārthāḥ = {karmaśabdās tebhyaḥ kriyā pratīyetaiṣa} {hy artho vidhīyate}.

действие

язык

Рис. 2. Схема сутры 2.1.1 «Миманса-сутры»

связующего моста между видимым и невидимым измерениями реальности.

Раскроем подробнее понятие *бхаваны* как связи языковой реальности, выраженной в предписании, и не-языковой реальности, выраженной в ритуальном действии. Для этого рассмотрим сутру 2.1.1 МС: «Смысл, цель слов, обозначающих деятельность, – это становление, порождение [соответствующего бытия], за счет них происходит познание действия, [того, что следует исполнить], ибо цель предписана». Сутра представляет собой определение *бхаваны*, которая включает в себя две составляющие (Рис. 2):

– языковая составляющая: *hy artho vidhīyate*¹⁰;

– не-языковая составляющая: *karmaśabdās¹¹ tebhyaḥ kriyā¹² pratīyetaiṣa*.

Получается, что *бхавана* олицетворяет саму связь языка и действия, соединяя, с одной стороны, грамматическую единицу – глагол, а с другой – семантику действия. Таким образом, несмотря на то, что каждый глагол имеет свой собственный референт, то есть свое индивидуальное значение, можно выделить *бхавану* как их конечный смысл. Референт, *крия*, то есть какое-то конкретное действие, акт, жертвопри-

ношение, еще не является смыслом деятельности – смыслом того, что предписывают Веды. Смысл предписания Вед заключен в порождающей энергии, *бхаване*, выраженной глаголом и ведущей к *анурве*.

Бхавана – это не просто термин, означающий порождающую энергию и имеющий характеристики казуальной и оптативной форм, это определенный философский принцип, благодаря которому преодолевается дуальность языка и действия.

Как уже было сказано выше, смысл предписания Вед – *бхавана*, ведущая к *анурве*, то есть *бхавана* является центральным семантическим элементом высказывания или предложения, вокруг которого выстраиваются остальные подчиненные компоненты (агент, инструмент, способ действия и т.д.)¹³. Так, автор ШБ указывает: «Следовательно, когда эти глаголы произносятся вместе со словами, – теми, что обозначаются как свершившиеся сущности, – эти последние сущности воспринимаются как служащие целям того, что должно быть осуществлено; поскольку только так они будут служить видимой цели; потому что реализация того, что должно быть осуществлено для особой цели, служит явно полезной цели; и это привносится тем, что уже является завершенной сущностью; таким образом достигается видимая цель» [15, р. 173].

¹⁰ *Vidhi* – правило, формула, предписание, постановление и т.д. [12, р. 968].

¹¹ На первый взгляд слова «*бхавартха*» и «*кармашабда*» могут показаться схожими по смыслу, так как оба означают деятельность, действие. Шабара разъясняет этот момент сутры. Он отмечает, что, с одной стороны, «слова, обозначающие действие» (*кармашабда*) не всегда выражают *бхавану*, они могут быть просто названиями жертвоприношений (*Shyena, Chitrā*), передают смысл порождения, но не передают никакого представления о том, что агент предпринимает действия с целью достижения определенного результата. С другой стороны, слова, обозначающие порождающую деятельность (например, *bhavana, bhāva* и *bhūti*), не отсылают к конкретному действию [15, р. 170]. Таким образом, не каждое слово, указывающее на действие, может быть интерпретировано как *бхавана*, то есть как слово, содержащее в себе эту порождающую энергию, силу становления.

¹² *Kriyā* – действие, работа, исполнение, труд и т.д. [12, р. 320].

¹³ Отметим, что когда в *мимансе* речь заходит об осмысленных высказываниях, предложениях, то *бхавана* является одним из двух необходимых условий того, чтобы предложение являлось именно предложением, а не бессмысленным набором слов. Вторым условием осмысленности предложения является *аканкша* (санскр. *ākāṅkṣā* – «желание», «стремление», «потребность», «необходимость»), понимаемая как ожидание, ощущаемая необходимость некоторого слова для обретения выражением смысла. И *бхавана*, и *аканкша* организуют предложение так, что оно представляется наделенным смыслом тогда, когда оно устремлено к единой цели (*arthaikatva*). Для *мимансы* этот момент является предельно важным. Именно единство цели связывает значения отдельных слов и других языковых элементов в нечто целое, устраняя хаос разрозненных, не связанных друг с другом значений [11, р. 433].

Отношение соподчинения в предложении является важным принципом *мимансы* в процессе толкования смысла предложения. Это обосновывается тем, что сама связность слов и языковых элементов предложения достигается не за счет их равного сосуществования рядом друг с другом (в данном случае связность отсутствовала бы в силу самодостаточности каждого отдельного элемента), но за счет потребности в доминирующем элементе, который бы выступал движущей силой их связи. Так, Л. Мак-Кри говорит об этом, как о свойственном *мимансе* иерархическом устройстве языка [11, р. 433]. Собственно, таким доминирующим элементом и выступает *бхавана*, располагающаяся на вершине языковой иерархии высказывания и обеспечивающая общую функциональную связь, то есть стремление к полезной цели. Именно в этом заключается смысл того, о чем писал Шабара в вышеприведенном отрывке.

Миманса идет по пути логики становления, логики *бхаваны*, обозначаемой также как логика *садхья–сиддха* (процесс–результат). Такая логика схожа с логикой теории *карак*¹⁴. Именно логика действия, то есть становления, порождения обуславливает все остальные факторы. В частности, даже агент действия больше не является центральной субстанцией, выступающей в виде подлежащего в именительном падеже, он может находиться в инструментальном падеже или вовсе отсутствовать. Здесь *миманса* отходит от свойственной, например, для *вайшешики* логики *дхарма–дхармин* (качество–носитель, субъект–предикат), то есть глагол, который относится к *бхаване*, не выступает предикатом, глагольная *бхавана* является самой структурой предложения.

Пример логики *бхаваны* мы можем найти в работе голландского индолога Й. Бронкхорста. Для анализа он берет простое предложение «*Caitraḥ odanam pacati*» («Чайтра варит рис»). С позиции тех, кто склонен анализировать предложения с точки зрения подлежащего (а это *вайшешики*, а вслед за ними и *найяки*), роль которого выполняет наделенный определенными чертами человек по имени Чайтра, оно звучит таким привычным для нас образом: «Чайтра характеризуется активностью или уси-

лиями по приготовлению риса» [7, р. 682–683]. Представители *мимансы* выдвинули бы на первый план свою *бхавану* и результат выглядел бы следующим образом: «Приведение в бытие, агентом которого является Чайтра, ведет к размягчению риса» [7, р. 683].

Теперь приведем пример с ведийским предписанием «Желающий небес должен совершать жертвоприношение». На первый взгляд это предложение можно описать так: субъект (S) «желающий небес» характеризуется предикатом (P) «должен совершать жертвоприношение». Но на языке *бхаваны* предложение звучало бы иначе: «Небеса должны быть созданы посредством жертвоприношения» (*Yajñena svargam bhāvayet*).

Данный пример демонстрирует принцип *бхаваны*, направленный на раскрытие главного смысла предложения: ни жертвоприношение или какое-то отдельное конкретное действие, ни агент или его характеристики составляют смысл предложения, его смысл – приведение в бытие небес, порождающая энергия, стремящаяся к достижению конкретной цели. Другими словами, хотя *бхавана* и выражена глагольным корнем, однако сам по себе глагол в отдельности не несет в себе конечный смысл предложения. Смысл просматривается в этом глагольном действии только через призму стремления к конечной цели, желаемой агентом действия (в данном примере это достижение небес). Цель – то, на достижение чего направлено действие – является побуждающим мотивом этого действия¹⁵.

Тот факт, что *бхавана* характеризуется оптативным наклоном глагола, указывает именно на желательный, а не описательный характер предложения, то есть смысл предло-

¹⁵ Говоря о цели как о главном мотиве, движущей силе совершения действия, мы основываемся на взглядах Шабары. Однако более поздние *мимансаки* имели разные точки зрения на данную проблему. С одной стороны, Кумарила Бхатта разделял позицию, изложенную в ШБ, и полагал, что ведийские предписания имеют обязательную силу только в той мере, в какой они указывают на отношения средства и цели, о которых мы иначе не знали бы. С другой стороны, *мимансак* Прабхакара утверждал, что мотивация человека, исполняющего ведийские предписания, не должна исходить из прагматичного стремления к цели, а должна включать в себя элемент бескорыстного выполнения долга, то есть совершенные действия из чувства необходимости, «чистого долженствования».

¹⁴ Теория *карак* (*kāraka*) или «факторов действия» – это система синтаксических принципов, введенная грамматистом Панини. Исток теории усматривается в ритуалистической спекуляции о ритуальном действии [2, с. 66–68].

жения – не описать, постановить, а исполнить действие для достижения желаемой цели. Только благодаря такой *бхаване* формируется мост между языковым предписанием и не-языковым действием.

Мы можем проиллюстрировать данный тезис еще одним примером из русского языка. Например, кто-то из членов семьи говорит другому: «В доме закончилось молоко, купи, пожалуйста, молока!» Смысл предложения не в том, чтобы описать домашнюю ситуацию – «дом, в котором нет молока», смысл в том, чтобы преодолеть ситуацию отсутствия молока, купить молоко, то есть привести в бытие ситуацию присутствия молока в доме. И именно посредством этого желательного наклонения «тебе следует купить молока» происходит прорыв из реальности языка в реальность действия. Предложения типа «Дома закончилось молоко», «Я бы хотел, чтобы дома было молоко» или «Ты не купил молоко», «Ты купишь молоко завтра», «Ты сейчас покупаешь молоко» и др. никак не устанавливают связь с действием, они лишь отстраненно описывают факт, но не оказывают влияния на не-языковую реальность, не «дотрагиваются» до нее, чего не скажешь о предложении предписывающем («Купи молока!»).

Заключение

Бхавана – одно из центральных понятий традиции *пурва-миманса*. Основные «реперные точки» понимания *бхаваны* заложены в *бхавартха-адхикаране* (МС 2.1.1–2.1.4) ШБ. Переводимая на русский язык как порождающая энергия, *бхавана*, с одной стороны, отсылает к действию, а с другой – к глаголам, и имеет две важнейшие характеристики: казуальность и оптативность. С этой точки зрения она является посредником между языковой и не-языковой реальностью, обеспечивая зарождение *анурвы*.

На основе понятия «*бхавана*» формируется определенный принцип толкования ведийских текстов, согласно которому глагольное действие рассматривается как центральное семантическое ядро, в котором сконцентрирован смысл предложений, предписаний Вед. Сама логика чтения текстов – это логика становления, логика процесс–результат. Именно поэтому *пурва-мимансу* иначе называется *карма-миманса*, то есть миманса действия.

Тема *бхаваны* обладает огромным потенциалом для исследований, которые находятся на пересечении философии, лингвистики и психо-

логии. В связи с этим остается широкий спектр вопросов, которые не были затронуты и даже обозначены в данной статье. Скажем о некоторых из них.

Ритуалы древней Индии по необходимости включают в себя не только внешние действия, но и внутреннюю умственную деятельность. Чтобы ритуал сохранял свою ценность и не превратился в пустое действие, необходима усиленная работа ума, которая заключается в строгом знании наизусть гимнов, тренированности внимания для удержания в уме символического контекста и смысла [3, с. 169]. В предписании «Желающий небес должен совершать жертвоприношение» агент действия характеризуется желанием, а центральная *бхава* отсылает не только к внешним действиям, но в том числе к действиям как комплексу сознательной, эмоционально окрашенной волевой деятельности человека.

Таким образом, возникает вопрос: как принцип *бхаваны* учитывает такие аспекты, как желание, усилие, воля и т.д., относящиеся к внутренней деятельности человека? Мысль подвижна – об этом говорил еще Э. Гуссерль, указывая на интенциональность сознания. Действие принадлежит не только к внешней, но и к внутренней реальности, а значит *бхавана* должна включать эти аспекты тоже.

Другой спектр вопросов возникает по поводу того, как именно соотносятся такие понятия, как *бхавана* и *карма*, *бхавана* и *анурва*. Если *бхавана* понимается как порождающая энергия, становление бытия, в ходе которого принимает участие агент со своими внутренними интенциями, используя внешние средства, то такая *бхавана* становится схожей с действием *кармы*. Оба понятия указывают на поток становления бытия. Соотношение *бхаваны* и *анурвы* также нуждается в детальном исследовании. Речь об *анурве* возникает уже на страницах ШБ, когда говорится о том, что слова, выражающие деятельность, передают трансцендентальную силу, то есть *анурву* [15, р. 169]. Подробнее этот вопрос следует рассматривать в последующих текстах *мимансы*, опираясь на более поздние работы школ Кумарилы Бхатты и Прабхакары.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаева Н.В. Мокша // Индийская философия: энциклопедия / Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009. С. 539–541.

2. Лысенко В.Г. Дискретное и континуальное в истории индийской мысли: лингвистическая традиция и вайшешика: дис. ... д. филос. н. М., 1998.

3. Парибок А.В. Индология. Философия. Лингвистика: избранные статьи и переводы. М.: Садра, 2021.

4. Пименов А.В. Основные тексты древней пурва-мимансы (формирование, структура, концептуальные установки): дис. ... канд. ист. н. М., 1988.

5. Псху Р.В. Ситуативная герменевтика как историко-философский метод исследования восточных философских текстов: дис. ... д. филос. н. М., 2017.

6. Bilimoria, P., 1988. Śabdapramāṇa: word and knowledge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

7. Bronkhorst, J., 2011. Philosophy of language. In: Jacobsen, K.A., 2011. Brill's Encyclopedia of Hinduism. Vol. III: Society, religious specialists, religious traditions, philosophy. Leiden: Brill, pp. 672–684.

8. Gächter, O., 1990. Hermeneutics and language in Pūrva Mīmāṃsā: a study in Śābara Bhāṣya. Delhi: Motilal Banarsidass.

9. Kataoka, K., 2001. Scripture, men and heaven: causal structure in Kumarila's action-theory of bhāvanā. Journal of Indian and Buddhist Studies, Vol. 49, no. 2, pp. 10–13.

10. Keith, A.B., 1921. The Karma-Mīmāṃsā. London: Oxford University Press.

11. McCrea, L., 2000. The hierarchical organization of language in Mīmāṃsā interpretive theory. Journal of Indian Philosophy, Vol. 28, no. 5/6, pp. 429–459.

12. Monier-Williams, M.A., 1899. A Sanskrit-English dictionary. Etymologically and Philologically Arranged. Delhi: Motilal Banarsidass.

13. Ollett, A., 2013. What is «Bhāvanā»? Journal of Indian Philosophy, Vol. 41, no. 3, pp. 221–262.

14. Potter, K.H. ed., 2014. Encyclopedia of Indian philosophies. Vol. XVI. Philosophy of Pūrva-Mīmāṃsā. Delhi: Motilal Banarsidass.

15. Shabara-Bhāṣya: in 3 vols. Vol. I. Baroda: Oriental Institute.

16. The Aphorisms of the Mimamsa by Jaimini. Vol. I. Calcutta: Ganesa Press, 1873.

17. The Mīmāṃsā Sūtras of Jaimini. Allahabad: The Panini Office, 1923.

18. The Mīmāṃsā Nyāya Prakāśa; or, Āpadevī: a treatise on the Mīmāṃsā system by Āpadeva. New Haven: Yale University Press, 1929.

REFERENCES

1. Isaeva, N.V., 2009. Moksha [Moksha]. In: Stepanyants, M.T. ed., 2009. Indiiskaya filosofiya: entsiklopediya. Moskva: Vostochnaya literatura; Akademicheskii proekt; Gaudeamus, pp. 539–541. (in Russ.)

2. Lysenko, V.G., 1988. Diskretnoe i kontinual'noe v istorii indiiskoi mysli: lingvisticheskaya traditsiya i vaisheshika [Continuity and discontinuity in Indian thought: Vaisheshika and grammatical philosophy], dissertatsiya doktora filosofskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

3. Paribok, A.V., 2021. Indologiya. Filosofiya. Lingvistika: izbrannye stat'i i perevody [Indology. Philosophy. Linguistics: selected articles and translations]. Moskva: Sadra. (in Russ.)

4. Pimenov, A.V., 1988. Osnovnye teksty drevnei purva-mimansy (formirovanie, struktura, kontseptual'nye ustanovki) [The main texts of the ancient Pūrva-Mīmāṃsā (formation, structure, conceptual foundations)], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

5. Pskhu, R.V., 2017. Situativnaya germenevtika kak istoriko-filosofskii metod issledovaniya vostochnykh filosofskikh tekstov [Situational hermeneutics as a method of the history of philosophy for studying Eastern philosophical texts], dissertatsiya doktora filosofskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

6. Bilimoria, P., 1988. Śabdapramāṇa: word and knowledge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

7. Bronkhorst, J., 2011. Philosophy of language. In: Jacobsen, K.A., 2011. Brill's Encyclopedia of Hinduism. Vol. III: Society, religious specialists, religious traditions, philosophy. Leiden: Brill, pp. 672–684.

8. Gächter, O., 1990. Hermeneutics and language in Pūrva Mīmāṃsā: a study in Śābara Bhāṣya. Delhi: Motilal Banarsidass.

9. Kataoka, K., 2001. Scripture, men and heaven: causal structure in Kumarila's action-theory of bhāvanā. Journal of Indian and Buddhist Studies, Vol. 49, no. 2, pp. 10–13.

10. Keith, A.B., 1921. The Karma-Mīmāṃsā. London: Oxford University Press.

11. McCrea, L., 2000. The hierarchical organization of language in Mīmāṃsā interpretive theory. Journal of Indian Philosophy, Vol. 28, no. 5/6, pp. 429–459.

12. Monier-Williams, M.A., 1899. A Sanskrit-English dictionary. Etymologically

and Philologically Arranged. Delhi: Motilal Banarsidass.

13. Ollett, A., 2013. What is «Bhāvanā»? *Journal of Indian Philosophy*, Vol. 41, no. 3, pp. 221–262.

14. Potter, K.H. ed., 2014. *Encyclopedia of Indian philosophies*. Vol. XVI. Philosophy of Pūrva-Mīmāṃsā. Delhi: Motilal Banarsidass.

15. Shabara-Bhaṣya: in 3 vols. Vol. I. Baroda: Oriental Institute.

16. *The Aphorisms of the Mimamsa by Jaimini*. Vol. I. Calcutta: Ganesa Press, 1873.

17. *The Mīmāṃsā Sūtras of Jaimini*. Allahabad: The Panini Office, 1923.

18. *The Mīmāṃsā Nyāya Prakāśa; or, Āpadevī: a treatise on the Mīmāṃsā system by Āpadeva*. New Haven: Yale University Press, 1929.

УДК 94 (571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-2/86-96>

О.А. Устюгова*

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

На основе изучения циркуляров и инструкций Департамента полиции Министерства внутренних дел, переписки и обязательных постановлений военных губернаторов и генерал-губернаторов автор рассматривает особенности регулирования торговли огнестрельным оружием на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. Торговля оружием, как показано в исследовании, была довольно жестко регламентирована: торговые фирмы должны были получать разрешение на право продажи, а покупатели – на право покупки, велся учет всего проданного оружия и приобретавших его лиц посредством регистрации в специальных книгах при магазинах и лавках, постепенно ужесточались штрафные санкции за нарушение существующих правил. В области регулирования торговли огнестрельным оружием на российском Дальнем Востоке была своя специфика, обусловленная пограничным положением региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, торговля, огнестрельное оружие, правовое регулирование

Regulation of firearms trade in the Russian Far East in the second half of the XIXth – early XXth century. OLGA A. USTYUGOVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Basing on the study of the instructions of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, correspondence and mandatory resolutions of military governors and governors-general, the author examines how the firearms trade was regulated in the Russian Far East in the second half of the XIXth – early XXth century. The study shows that the regulation of firearms trade was quite strict: trading firms had to obtain permission for the right to sell firearms, and buyers – for the right to purchase them, records were kept of all weapons sold and persons who purchased them by registering in special books at stores and shops, penalties for violating existing rules were gradually tightened. The border position of the Russian Far East had its impact on the regulation of the firearms trade in the region.

Keywords: Russian Far East, trade, firearms, legal regulation

---

* УСТЮГОВА Ольга Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: ustyugova75@mail.ru

© Устюгова О.А., 2023

История правового регулирования оборота оружия в России сегодня приобретает особую актуальность. Достаточно дискуссионный вопрос о необходимости либерализации или, напротив, ужесточения правил его хранения и продажи особенно часто поднимается в связи с совершением резонансных преступлений с применением оружия и вызывает неослабевающий интерес исследователей. Неудивительно, что эта проблема активно изучалась юристами (С.А. Невский, М.И. Муркштис, А.Н. Устинов, Е.М. Якимова и др.), в работах которых представлен историко-правовой анализ российского оружейного законодательства, выявлены особенности правовой регламентации изготовления, ношения и применения оружия, рассмотрены методы противодействия властей его незаконному обороту [1; 2; 3; 4; 5; 7]. Историк А.Г. Тростянский классифицировал нормативные акты, определявшие правила транспортировки, хранения и применения оружия и боеприпасов, сопоставив их с нормами современного российского законодательства [6]. Особенности формирования механизма правового регулирования внутрироссийской и экспортно-импортной торговли огнестрельным оружием исследованы Г.А. Жолобовой [1; 2], которая затрагивает и вопросы регламентирования торговли оружием на российском Дальнем Востоке. Тем не менее, поднятая проблема в ее региональном аспекте остается малоизученной. Цель настоящей статьи – на основе анализа циркуляров и инструкций Департамента полиции МВД, переписки и обязательных постановлений военных губернаторов и генерал-губернаторов выявить особенности регулирования торговли огнестрельным оружием на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв.

До конца XIX в. свод законов Российской империи не содержал специальных норм, определявших торговлю гражданским огнестрельным оружием в России [2, с. 48]. Регулирование торговли оружием в регионах осуществляли высшие должностные лица местной администрации – губернаторы и генерал-губернаторы, которые утверждали нормативные правовые акты, регламентирующие оборот оружия на территории вверенных им губерний и областей, выдавали разрешения на право приобретения и ношения оружия [3, с. 116, 117]. На российском Дальнем Востоке первое распоряжение подобного рода было сделано 12 фев-

раля 1866 г. генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым, который в ответ на отношение военного губернатора Амурской области от 2 декабря 1865 г. разрешил продажу инородцам-зверопромышленникам, кочующим по левому берегу р. Амур, пороха, свинца и охотничьих винтовок в ограниченном количестве, не превышающем действительной их потребности, возложив контроль за исполнением этого распоряжения на военного губернатора (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 996. Л. 76).

Российское правительство всячески пыталось пресечь вывоз оружия в Китай. 6 апреля 1862 г. управляющий Министерством финансов статс-секретарь М.Х. Рейтерн уведомил Главное управление Восточной Сибири о том, что Государственный Совет Высочайше утвержденным 2 апреля 1862 г. мнением положил «предоставить генерал-губернатору Восточной Сибири принять меры, чтобы в пунктах производства пограничного торга с китайцами учрежден был, со стороны местных властей, надлежащий надзор за непропуском через китайскую границу воинских снарядов, оружия, пороха и опиума в Китай» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 31–31об.). Тем не менее, от китайских министров российскому поверенному в Пекине и в 1870-х гг. поступали жалобы на то, что китайские преступники скрываются в России, где запасаются паспортами и оружием, поэтому генерал-губернатор Восточной Сибири 15 декабря 1879 г. просил военного губернатора Приморской области принять меры к прекращению подобного порядка вещей. Последний предписал всем полицейским управлениям области объявить «с подписками» лицам, занимающимся торговлей, чтобы они не продавали огнестрельное оружие и боеприпасы китайцам без особого разрешения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 29). 12 (24) февраля 1881 г. был подписан Санкт-Петербургский договор с Китаем, согласно приложенным к нему «Правилам о сухопутной торговле между Россией и Китаем» (ст. 15) не допускались к ввозу или вывозу, а в случае провоза контрабандой подлежали конфискации порох, ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрельное оружие (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 21).

Однако вопреки действующим законам и распоряжениям властей некоторые торговые фирмы продолжали сбывать оружие и огне-

стрельные припасы оптом и в розницу как китайским чиновникам, так и частным лицам, вследствие чего они провозились в Китай и поступали на вооружение китайских пограничных отрядов, а также попадали в руки хунхузов и других неблагонадежных лиц, совершавших разбойные нападения и грабежи. Военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский, руководствуясь существующими законоположениями, с целью обеспечения государственной безопасности и охраны общественного спокойствия 3 января 1898 г. издал обязательное постановление № 5, согласно которому торговля оружием, порохом и огнестрельными припасами разрешалась только фирмам, пользующимся заслуженным доверием, и не иначе, как с личного разрешения военного губернатора, для чего необходимо было подать в городское полицейское управление соответствующее заявление, которое полицмейстер со своим заключением представит губернатору. Владельцы магазинов, лавок, складов, которым торговля оружием и огнестрельными припасами будет разрешена, в течение месяца со дня объявления во всеобщее сведение обязательного постановления должны были получить в полиции шнуровые книги установленной формы, в которые записать все имеющиеся у них оружие и огнестрельные припасы, а затем заносить в них новые по мере их получения. Продавать оружие и огнестрельные припасы иностранным подданным разрешалось только по предъявлении разрешений от Пограничного комиссара. Разрешения должны были храниться при шнуровых книгах, в которых нужно было отмечать кому и что продано и на основании какого разрешения. Русские подданные, виновные в передаче, обмене или продаже иностранным подданным оружия, пороха и других огнестрельных припасов, должны были преследоваться по всей строгости закона. Наблюдение за исполнением обязательного постановления было возложено на Благовещенского полицмейстера (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 996. Л. 2–2об.). 16 января 1898 г. канцелярия военного губернатора Амурской области препроводила копию постановления в редакцию газеты «Приамурские ведомости» для тоекратного опубликования (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 996. Л. 7).

9 сентября 1899 г. благовещенский полицмейстер на запрос об эффективности действия обязательного постановления сообщил в канце-

лярию военного губернатора Амурской области, что, по его мнению, невозможно уследить за развитием торговли оружием и огнестрельными припасами в условиях отсутствия пограничной стражи как в России, так и в Китае, поэтому контроль не достигает своей цели и лишь стесняет зверопромышленников, нуждающихся в свободном приобретении оружия и припасов, и приведет к подорожанию последних (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 996. Л. 65).

В Приморскую область огнестрельное оружие в значительном количестве ввозилось из-за границы через порты Владивосток и Николаевск частными торговыми фирмами. Поскольку здесь действовал режим порто-франко, этот товар свободно пропускаться для выдачи адресатам, поэтому никакого надзора за ввозимым в область оружием установлено не было (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 4). Военный губернатор Приморской области считал необходимым вменить в обязанность чинам акцизного надзора, заменяющим здесь таможенный, сообщать администрации о привозимом из-за границы оружии и выдавать его получателям только с разрешения губернатора (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 4об.). 11 марта 1900 г. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков подал министру внутренних дел прошение о необходимости распространить действие ст. 606 Устава таможенного, на основании которой привозимое из-за границы оружие выпускалось из таможен с разрешения главного местного начальства, также и на порты Приморской области, в которых к этому времени был установлен таможенный надзор (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 1, 6–6об.). Прошение было удовлетворено: 20 сентября 1900 г. товарищ министра внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский сообщил, что министр финансов предписал таможням в портах Приморской области пропускать огнестрельное оружие только с разрешения, в каждом отдельном случае, Приамурского генерал-губернатора (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 28об.). 18 ноября 1900 г. это распоряжение было доведено до сведения военных губернаторов Приморской и Амурской областей (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 29).

«Принимая во внимание, что бесконтрольно покупаемое русскими и иностранными подданными оружие легко может быть приобретено китайцами, китайскими разбойниками (хунхузами) и вообще неблагонадежными ли-

цами», военный губернатор Приморской области 10 февраля 1900 г. сделал представление Приамурскому генерал-губернатору об издании распоряжения о продаже огнестрельного оружия как русским, так и иностранным подданным только по предъявлении разрешений полиции, а торговцы должны были получить шнуровые книги для их учета (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 29–29об.). 28 марта 1900 г. генерал-губернатор в свою очередь сообщил министру внутренних дел, что представляется вполне своевременным и необходимым принятие более действенных мер по надзору за торговлей оружием и огнестрельными припасами в Амурской и Приморской областях, как с целью исполнения Высочайшего повеления от 2 апреля 1862 г., что существенно затрудняется большой протяженностью государственной границы, малонаселенностью и отсутствием надлежащих средств для пограничного надзора, так и для охраны порядка в крае, в котором проживает значительное количество китайцев и ссыльных. Установленные же постановлением военного губернатора Амурской области ограничения деятельности торговцев оружием генерал-губернатор считал излишними, поскольку для достижения цели достаточно было, по его мнению, обеспечить административный надзор за покупателями. Кроме того, предложенные меры не должны были распространяться на северные округа Приморской области, «как ввиду малодоступности последних, так и вследствие тех затруднений, которые встретились бы для осуществления сих мер, разбросанности населения в них и малочисленности полицейского надзора» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 33–33об.). Генерал-губернатор предлагал издать обязательное постановление следующего содержания: 1) Продажа огнестрельного оружия и припасов может производиться торговцами лишь лицам, имеющим разрешения от тех чиновников и правительственных учреждений, которые будут указаны губернаторами; 2) Торговцы обязываются иметь и предъявлять, по требованию полицейского надзора, скрепленные местной полицией шнуровые книги, в которых должны отмечать на основании какого разрешения, кому, какое оружие и боеприпасы и в каком количестве проданы. Разрешения на продажу должны храниться при книгах. Генерал-губернатор, в отличие от военного губернатора Амурской области, по собственной инициативе выпустившего соответствующее

постановление, считал, что ограничение торговли оружием на подконтрольной ему территории не следует непосредственно из Высочайшего повеления от 2 апреля 1862 г., поэтому обратился к министру внутренних дел (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 34).

Не дожидаясь решения этого вопроса в высших сферах, 10 июня 1900 г. военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов издал постановление № 15111, согласно которому с 20 июня 1900 г. запрещалась продажа огнестрельного оружия, патронов, пороха, динамита, свинца, дроби без предъявления разрешительных свидетельств полицейских властей. Наблюдение за исполнением постановления возлагалось на должностных лиц городской, окружной, сельской и инородческой полиции (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 158).

В июле 1900 г. целый ряд местностей Дальнего Востока был объявлен на военном положении в связи с восстанием ихэтуаней в соседнем Китае. 28 июля 1900 г. товарищ министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский сообщил Приамурскому генерал-губернатору, что министерства финансов и юстиции согласились утвердить предложенное им обязательное постановление о торговле оружием в Амурской и Приморской областях, однако, по мнению военного министерства, в то время ввиду объявления этих местностей на военном положении необходимости в безотлагательном его издании не было (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 48).

Введение военного положения давало возможность принимать необходимые для надзора за торговлей оружием и огнестрельными припасами меры распоряжениями местной власти (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 52об.). Генерал-губернатор приказал городской и земской полиции осуществлять самый строгий надзор за тайным провозом оружия, а также не пропускать его в Маньчжурию, причем было предписано объявить торговцам, что привоз огнестрельного оружия и припасов для продажи допускается только с его разрешения. Для предотвращения случаев продажи как проживающим в области китайцам, корейцам, так и другим лицам, которым для сохранения общественного спокойствия и безопасности в военное время запрещалось иметь огнестрельное оружие и припасы, полиции было дано распоряжение обязать торговцев продавать их только тем, кто будет иметь разрешительное свидетельство от местной полиции, причем китайцам

их выдавать запрещалось. Кроме того, о каждом случае выдачи разрешения генерал-губернатора какой-либо торговой фирме на ввоз в область оружия и огнестрельных припасов для продажи немедленно сообщалось городской или земской полиции для установления надлежащего надзора (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 55–55об.).

В связи с восстанием ихэтуаней в целом ряде государств – Германии, Австро-Венгрии, Англии и др. – был введен запрет на вывоз оружия и боевых припасов в Китай, что могло вынудить восставших обратиться к российским торговцам [1, с. 693], поэтому 4 августа 1900 г. был издан Именной Высочайший указ, запрещающий вывоз из России в Китай всякого оружия, снарядов, пороха, взрывчатых веществ, заменяющих его, и вообще боевых припасов по азиатской и европейской границам (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 113).

Переписка с вышестоящими инстанциями по вопросу о принятии обязательного постановления, устанавливающего надзор администрации за торговлей оружием в Приморской и Амурской областях, продолжалась. 20 ноября 1900 г. генерал-губернатор в ответ на запрос товарища министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского от 22 сентября подтвердил, что необходимость в издании санкционированного правительством обязательного постановления после снятия военного положения сохраняется. Сражавшиеся с русскими войсками китайцы нередко были вооружены оружием, ввезенным в Маньчжурию из Приамурского края, и если не принять надлежащих мер, то этим же способом могли снабжаться разбойничьи шайки в Северной Маньчжурии, а также проживающие на российском Дальнем Востоке китайцы (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 51–52об.). На запрос из министерства от 6 июня 1901 г. о мерах, обеспечивающих исполнение установленных Приамурским генерал-губернатором правил, Н.И. Гродеков телеграфировал, что ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, за неисполнение законных распоряжений власти предусмотрено незначительное денежное взыскание не выше 50 руб., которое не будет иметь эффекта как предупредительная мера (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 57–59).

14 декабря 1901 г. император утвердил положение Комитета министров, которым Приамурскому генерал-губернатору в виде временной, в течение пяти лет, меры предоставлялось

право: 1) издать спроектированное им обязательное постановление о торговле огнестрельным оружием и припасами в пределах Амурской и Приморской областей, кроме северных округ последней; 2) разрешать в административном порядке дела о нарушениях постановления и уполномочивать на их разрешение местных губернаторов; 3) за нарушения налагать на торговцев огнестрельным оружием и припасами взыскания, не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 руб. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 63–63об.). 14 февраля 1902 г. Приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым было издано обязательное постановление, согласно которому продавать огнестрельное оружие и припасы в Амурской и Приморской областях, кроме северных округ последней (Анадырской, Петропавловской, Гижигинской, Охотской и Командорских островов), торговцы могли лишь лицам, имеющим соответствующие разрешения тех чинов и правительственных учреждений, которые будут указаны губернаторами. Торговцы обязывались иметь и предъявлять по требованию полицейского надзора скрепленные местной полицией шнуровые книги, в которых должно было быть отмечено, на основании какого разрешения, кому и какое оружие и боеприпасы проданы. Разрешения должны были храниться при книгах. За нарушение обязательного постановления торговцы подвергались, по постановлению подлежащего губернатора, наказанию, не превышающему трехмесячного ареста или штрафа в 500 руб. (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1018. Л. 3).

Сообщая военным губернаторам об издании обязательного постановления, Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков предложил им «иметь особенно тщательный контроль» как за торговцами, так и за частными лицами для предотвращения вывоза огнестрельного оружия и припасов в Китай (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 79). В частности, военного губернатора Амурской области, ввиду имеющихся у него вполне достоверных сведений, что огнестрельное оружие и боеприпасы проникают в Маньчжурию в довольно значительном количестве, просил обязать торговцев не продавать и не отправлять их тайно в Маньчжурию, а уже отправленные и находящиеся в пути товары подобного рода должны были быть немедленно возвращены (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1018. Л. 1).

4 апреля 1902 г. военный губернатор Сахалина М.Н. Ляпунов обратился к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой о распространении действия обязательного постановления и на вверенный ему остров, чтобы «по возможности уменьшить имение оружия ссыльным населением». Однако Н.И. Гродеков не считал нужным возбуждать такое ходатайство перед верховной властью (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 74–76). 20 июля 1902 г. по ходатайству местного губернатора Приамурским генерал-губернатором было издано обязательное постановление № 5775 о торговле огнестрельным оружием и припасами в Забайкальской области (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 79, 81).

После начала Русско-японской войны временно исполняющий должность Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенант Г.Л. Андреев просил военного губернатора Амурской области вновь подтвердить, что разрешения на приобретение огнестрельного оружия нельзя выдавать китайским подданным, а при выдаче их русским подданным необходимо брать с них «подписку» в том, что приобретаемое оружие и припасы не будут переданы ими в другие руки, особенно китайцам (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1028. Л. 1). В условиях военного времени военным губернатором Приморской области было сделано распоряжение, чтобы при покупке огнестрельного оружия, принадлежностей к нему и дроби покупатель, без различия их общественного и служебного положения, получали предварительное разрешение полиции, поэтому офицерам и чиновникам военного ведомства приходилось каждый раз обращаться в полицейские учреждения для получения разрешения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 70). 16 июля 1905 г. Приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий во исполнение, согласно докладу начальника штаба Приамурского военного округа от 6 июля 1905 г., обязательных постановлений от 14 февраля и 20 июля 1902 г. о продаже огнестрельного оружия и припасов в Приморской, Амурской и Забайкальской областях разрешил офицерам и чиновникам военного ведомства покупать оружие и огнестрельные припасы в размерах их собственной потребности без разрешений полицейских учреждений, однако при каждой покупке они должны были расписываться в шнуровых книгах (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 72–72об.; Ф. 704. Оп. 3. Д. 1028. Л. 4).

В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. на торговлю огнестрельным оружием были наложены новые ограничения. 24 ноября 1905 г. Николай II утвердил положение Совета министров «О порядке хранения и продажи огнестрельного оружия», в соответствии с которым усиливался надзор местных властей за его оборотом [2, с. 49–50; 3, с. 118]. Генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам при наличии чрезвычайных обстоятельств, угрожающих общественному порядку, предоставлялось право издавать на срок не более трех месяцев обязательные постановления о порядке хранения и продажи огнестрельного оружия, а также налагать за их нарушение взыскания, не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 руб. Такое право на пятилетний срок было предоставлено Приамурскому генерал-губернатору еще в 1901 г. Этим же законом ввоз оружия и огнестрельных припасов из-за границы и из Великого княжества Финляндского запрещался как для личного пользования, так и для продажи [2, с. 50]. Пропуск охотничьего оружия в империю разрешал, в каждом отдельном случае, генерал-губернатор, а остальных видов оружия и огнестрельных припасов к ним – министр внутренних дел (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 729. Л. 100). Одновременно циркулярным письмом управляющего Министерством внутренних дел П.Н. Дурново в регионы в качестве образца были направлены Правила о пользовании оружием, в соответствии с которыми гражданам без особого разрешения полиции запрещалось иметь и носить при себе огнестрельное оружие и патроны к нему, за исключением охотничьего [3, с. 119].

4 февраля 1906 г. П.Н. Дурново телеграфировал Приамурскому генерал-губернатору, что, согласно имеющимся в министерстве сведениям, во многих местностях империи крестьянское население вооружается огнестрельным оружием, поэтому необходимо безотлагательно самым решительным образом и где нужно – силой отобрать все оружие, кроме охотничьего, а также издать обязательное постановление об оружии и выдавать разрешения на его приобретение с чрезвычайной осмотрительностью. Содержание этой телеграммы было доведено до сведения губернаторов во Владивостоке, Благовещенске и Чите для руководства и исполнения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 550. Л. 3–4).

Военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг 14 февраля 1906 г. в своем представлении сообщил временно исполняющему должность Приамурского генерал-губернатора Г.Л. Андрееву, что опасаться массовых крестьянских волнений с использованием оружия оснований нет, в то время как местному населению оружие необходимо как для охоты, приносящей немалый доход и служащей большой поддержкой в их хозяйстве, так и для самообороны на случай нападения хунхузов, особенно в селениях, находящихся в глухих местностях. В.Е. Флуг считал допустимым применять чрезвычайные меры только для предотвращения вооруженного сопротивления, а также ходатайствовал об издании обязательного постановления об оружии распоряжением генерал-губернатора с представлением права применять его лишь в тех местностях, где это будет признано необходимым губернатором (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 550. Л. 8–8об.). Г.Л. Андреев не нашел достаточных оснований к изданию особого постановления, так как, за исключением Григорьевской волости Приморской области, никаких волнений среди крестьянского населения не наблюдалось (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 550. Л. 9).

29 сентября 1907 г. по ходатайству военного губернатора Амурской области Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером на основе Правил о пользовании оружием 1905 г. было издано новое обязательное постановление № 10, согласно которому в г. Благовещенске запрещалось всем без особого на то разрешения полиции иметь и носить при себе огнестрельное оружие и патроны к нему, за исключением охотничьих ружей. Продажа огнестрельного оружия и патронов разрешалась только из магазинов и складов, имеющих разрешение, и только лицам, представившим выданное начальником местной полиции именное свидетельство на право покупки в обозначенном в свидетельстве количестве. Свидетельства отбирались у покупателей и хранились в магазинах и складах, а по истечении года передавались в местное полицейское управление. Не допускалась продажа оружия, патронов и пороха малолетним, а также воспитанникам и воспитанницам средних и низших учебных заведений. Лица, состоящие на действительной военной службе, могли приобретать огнестрельное оружие, патроны и пр. по разрешительным свидетельствам подлежащих войсковых начальств или

комендантских управлений. Утратившие разрешение им к хранению оружие были обязаны заявить об этом местной полиции в течение трех дней. Владельцы магазинов и складов оружия обязывались вести особые шнуrowые книги с печатью местных полицейских управлений, в которые должны были вносить все имеющиеся у них огнестрельное оружие и припасы, отмечая подробно: когда, кому и какое оружие и припасы проданы, а также адрес покупателя. Огнестрельное оружие, патроны и порох могли быть по распоряжению губернатора в любое время отобраны из магазинов и складов для охраны от разграбления и переданы на временное хранение в помещения, указанные губернатором. В таких случаях оружие, патроны и порох сдавались полиции по описи, а правительство отвечало за их утрату или порчу. Ужесточалась ответственность за нарушение указанных правил (заключение в тюрьме до трех месяцев или штраф в размере до 3000 руб.) для лиц, задержанных полицией с оружием, приобретенным до их издания, или не получивших свидетельства на право покупки, а также на торговцев, если при проверке полицией в их магазинах и складах не окажется указанного в книгах количества оружия и огнестрельных припасов и не будет представлено соответствующих недостатке разрешений на продажу или же оружия и припасов будет больше, чем отмечено в книгах. Отобранное оружие, огнестрельные припасы, порох и взрывчатые вещества уничтожались. Контроль за исполнением постановления возлагался на военного губернатора Амурской области (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1056. Л. 1об.–2).

Постановление аналогичного содержания для Владивостока, Никольск-Уссурийского, Хабаровска и Николаевска за № 29 было издано П.Ф. Унтербергером 20 сентября 1908 г. Виновные в нарушении правил подвергались денежному взысканию в размере до 500 руб. или аресту на срок до трех месяцев. На разрешение дел по нарушению постановления в административном порядке был уполномочен военный губернатор Приморской области (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 208–208об, 211). Постановлением генерал-губернатора Н.Л. Гондатти № 6 от 4 апреля 1911 г. пункт 3 постановлений 1907 и 1908 гг. был изложен в новой редакции: покупатели не обязаны были получать в полиции свидетельства на покупку охотничьих дробовых ружей и ружей «Монтекристо», а также

патронов к ним (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 209). Наконец, 5 апреля 1911 г. своим обязательным постановлением № 7 Н.Л. Гондатти распространил действие постановлений от 29 сентября 1907 г. и 4 апреля 1911 г. на все местности Амурской области (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 209).

Декларированные в качестве временной меры ограничения в торговле оружием не были отменены и после окончания революции 1905–1907 гг. [1, с. 698; 2, с. 58]. После принятия закона 24 ноября 1905 г. о порядке хранения и продажи огнестрельного оружия Министерство внутренних дел, ввиду обстоятельств тревожного времени, при рассмотрении ходатайств владельцев оружейных магазинов и частных лиц о разрешении им выписки из-за границы оружия считало небезопасным санкционировать ввоз оружия усовершенствованных, дальнобойных и скорострельных систем (Маузера, Браунинга и т.п.), особенно в большом количестве, так как опасалось, что доступ к ним путем законного приобретения или грабежа получают неблагонадежные лица, поэтому возбужденные по этому вопросу ходатайства министерством, кроме самых исключительных случаев, не удовлетворялись. 12 февраля 1908 г. министр внутренних дел проинформировал Приамурского генерал-губернатора, что губернские власти отдельных местностей жаловались на то, что действующие ограничения не вызываются действительной необходимостью и лишают благонадежных лиц возможности защищать свою жизнь и имущество от злоумышленников, вооруженных усовершенствованным оружием, которое приобретает ими без разрешения властей. Министр просил обсудить вопрос о возможности и условиях разрешения покупки частным лицам оружия новейших образцов и сообщить свои предложения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 116–116об.).

На запрос Приамурского генерал-губернатора по этому вопросу военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг ответил, что приобретение оружия усовершенствованных образцов можно разрешить только частным лицам, известным администрации своей благонадежностью под подписку, что оно не будет продано или передано другим лицам, и при условии периодической проверки полицией его наличия (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 18). Военный губернатор Амурской области полагал, что выписку оружия из-за границы

фирмами и частными лицами, предварительно удостоверившись в их благонадежности, при наличии особого удостоверения полиции на право его ношения должен разрешать губернатор (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 124–124об.). Военный губернатор о-ва Сахалин А.М. Валуев считал, что нельзя стеснять благонадежных граждан в вооружении для самообороны, поскольку революционеры вооружаются без разрешения правительства. Оружие следует продавать служащим – по удостоверениям начальства, а частным лицам – по свидетельствам полиции (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 125). 16 апреля 1908 г. в телеграмме министру внутренних дел Приамурский генерал-губернатор просил предоставить ему право разрешать выписку усовершенствованного оружия из-за границы для его приобретения благонадежными лицами (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 126).

Дальнейшее запрещение ввоза оружия было признано нецелесообразным, поэтому Министерство внутренних дел с 1908 г. начинает выдавать разрешения благонадежным фирмам и частным лицам, однако местные власти предпочитали действовать осторожно [1, с. 696]. Так, 4 марта 1911 г. военный губернатор Амурской области А.М. Валуев доложил Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти, что продажа револьверов Браунинга и других автоматических систем в Амурской области разрешена лишь офицерам и чинам полиции, первым – по письменным свидетельствам начальника гарнизона, а вторым – военного губернатора. В поступающих военному губернатору донесениях чинов полиции отмечалась необходимость в приобретении такого оружия частными лицами и чиновниками гражданских ведомств. В отдаленных таежных районах, при малочисленности горно-полицейской стражи охрана добытого на приисках золота представляла определенные сложности, имели место и случаи вооруженных нападений на караваны с золотом при его транспортировке в Благовещенск. Должностные лица гражданского ведомства, в особенности обязанные по делам службы осуществлять разъезды по области, также постоянно обращались к губернатору с просьбами о выдаче им разрешений на приобретение оружия автоматических систем, в чем, в силу заведенного порядка, он вынужден был им отказывать (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 147). Принимая во внимание, что все неблагонадежные

лица и злоумышленники, которых задерживала полиция, всегда имели при себе усовершенствованное оружие, А.М. Валуев ходатайствовал о разрешении чинам полиции Амурской области выдавать, в исключительных случаях, благонадежным и хорошо известным им лицам свидетельства на право приобретения и ношения скорострельных ружей, револьверов и пистолетов автоматических систем (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 147об.).

На запрос Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти правитель его канцелярии доложил, что указанное А.М. Валуевым ограничение было установлено, потому что местные фирмы наводнили рынок револьверами Браунинга и других автоматических систем, которые, являясь прекрасным оружием для агрессивных целей, мало пригодны как средство обороны при внезапных нападениях (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 149). Тем не менее, 16 апреля 1911 г. канцелярия телеграфировала военному губернатору Амурской области, что генерал-губернатор разрешил приобретение указанного оружия состоящим на государственной службе и вполне благонадежным лицам (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 150).

22 марта 1910 г. министром внутренних дел П.А. Столыпиным были утверждены переработанные с учетом правоприменительной практики Правила о пользовании оружием 1905 г., которые были направлены губернаторам [3, с. 119]. На их основе Приамурским генерал-губернатором было подготовлено изданное 12 апреля 1912 г. обязательное постановление № 20, в числе прочего регулировавшее и оборот оружия (РГИА ДВ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 76. Л. 121–121об., 126–126об.). Населению Амурской, Приморской и Сахалинской областей запрещалось, без особого разрешения местного начальника полиции, полицмейстера, горного исправника, уездного участкового начальника и начальника железнодорожной жандармерии полицейского управления иметь и носить при себе огнестрельное оружие и патроны к нему, за исключением охотничьих. Более детально регламентировался оборот огнестрельного оружия, в частности было дано четкое определение охотничьих ружей, которыми признавались: 1) гладкоствольные с прицелом или без; 2) гладкоствольные ружья центрального боя, а также переделанные на гладкие из винтовок Бердана № 2 для стрельбы дробью; 3) нарезные ружья, которые имели откидные стволы для

открывания казны. Укороченные ружья Бердана, переделанные под револьверные патроны и имеющие нарезной ствол, а также револьверы и пистолеты к охотничьему оружию не относились. На приобретение оружия охотничьих образцов особого разрешения не требовалось, но лица, имеющие или вновь приобретающие его, были обязаны сообщать об этом ближайшему классному (офицерскому) чину общей, казачьей или железнодорожной жандармской полиции для регистрации в шнуровой книге.

Патроны к огнестрельному оружию (кроме патронов и принадлежностей к охотничьему оружию и охотничьего пороха) отпускались из магазинов по предъявлении покупателем свидетельства на право иметь тот вид оружия, для которого они приобретаются. Магазины были обязаны отмечать в шнуровых книгах, кому именно, когда, сколько и каких отпущено патронов и по какому свидетельству (кем, когда и кому выданному). Свидетельства на право приобретения оружия и принадлежностей к нему были действительны лишь в течение года со дня выдачи (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 160).

В случае получения заказа из другого города, с приложением свидетельства, удостоверяющего право заказчика приобрести оружие, владельцы магазинов и складов сообщали об этом, с приложением присланных документов, начальнику полиции по месту принятия заказа и отправляли товар покупателю по получении разрешения. Военные губернаторы Камчатской, Сахалинской, Амурской и Приморской областей по-прежнему могли налагать на нарушителей денежный штраф в размере до 3000 руб. или заключать их в тюрьму на срок до трех месяцев (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 160об.)

К началу Первой мировой войны в большинстве регионов Российской империи наблюдалось стремление властей к расширению ограничений в торговле оружием [2, с. 58]. На Дальнем Востоке России во время Первой мировой войны были сделаны некоторые послабления. Поскольку в военное время заметно участились сопровождаемые грабежами, убийствами, а иногда и полным разорением местного населения вооруженные нападения хунхузов на пограничные села и деревни, жители которых не могли оказать сопротивление врагу, в большинстве случаев использовавшему отличное оружие новейших систем, 12 января

1915 г. Приамурский генерал-губернатор указал военным губернаторам Амурской, Приморской и Сахалинской областей, что лицам, желающим приобрести оружие, в том числе винтовки, в целях самозащиты, надлежит выдавать разрешительные свидетельства более свободно, не считаясь с системой оружия: «Само собой разумеется, что выдача означенных свидетельств должна быть обусловлена полной благонадежностью просителя» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 804. Л. 367).

Таким образом, в Российской империи в целом оборот оружия был довольно жестко регламентирован, а надзор за торговлей оружием в регионах, в том числе и на российском Дальнем Востоке, осуществляли генерал-губернаторы и губернаторы, обладавшие правом издавать локальные нормативные акты – обязательные постановления. Торговые фирмы должны были получать разрешение на право торговли, а покупатели – на право покупки. Постепенно ужесточались штрафные санкции за нарушение существующих правил. В магазинах велся учет всего проданного оружия и покупателей посредством регистрации разрешительных удостоверений на его покупку в специальных книгах. В области регулирования торговли огнестрельным оружием на российском Дальнем Востоке была своя специфика, обусловленная его пограничным положением, концентрацией в регионе значительного количества китайцев и ссыльных. Регламентация торговли оружием на российском Дальнем Востоке в гораздо большей степени, чем в стране в целом, определялась внешнеполитическими факторами – обострением отношений с Китаем во время восстания ихэтуаней в 1900 г., Русско-японской войной. Власти стремились защитить местное население от нападений хунхузов, фактически запретив продажу оружия китайцам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования внешней торговли огнестрельным оружием в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Право и политика. 2013. № 5. С. 691–699.

2. Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования торговли гражданским огнестрельным оружием в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Академический юридический журнал. 2012. № 4. С. 48–59.

3. Муркштис М.И., Невский С.А. Генезис российского законодательства об обороте оружия. Ч. 1 // Образование и право. 2019. № 1. С. 112–126.

4. Невский С.А. Особенности административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия в Российской империи в начале XX в. // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 42–48.

5. Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия в Российской империи (научно-исторический обзор). Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2001.

6. Тростянский А.Г. Законодательное регулирование оборота оружия в России: история и современность // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 3. С. 11–21.

7. Устинов А.Н., Якимова Е.М. Государственное регулирование оборота оружия в Российской империи // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 32–35.

REFERENCES

1. Zholobova, G.A., 2013. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya vneshnei trgovli ognestrel'nym oruzhiem v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. [Legal regulation mechanism of foreign trade in firearms in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries], *Pravo i politika*, no. 5, pp. 691–699. (in Russ.)

2. Zholobova, G.A., 2012. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya trgovli grazhdanskim ognestrel'nym oruzhiem v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. [Legal regulation mechanism of civil firearms trade in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries], *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 48–59. (in Russ.)

3. Murkshtis, M.I. and Nevskii, S.A., 2019. Genезis rossiiskogo zakonodatel'stva ob oborote oruzhiya. Ch. 1 [The genesis of Russian legislation on arms trafficking. Part 1], *Obrazovanie i parvo*, no. 1, pp. 112–126. (in Russ.)

4. Nevskii, S.A., 2015. Osobennosti administrativno-pravovogo regulirovaniya oborota ognestrel'nogo oruzhiya v Rossiiskoi imperii v nachale XX v. [The features of administrative and legal regulation of firearms trafficking in the Russian Empire in the early XXth century], *Administrativnoe pravo i protsess*, no. 4, pp. 42–48. (in Russ.)

5. Nevskii, S.A., 2001. Pravovoe regulirovanie oborota oruzhiya v Rossiiskoi imperii (nauchno-

istoricheskii obzor) [Legal regulation of arms trafficking in the Russian Empire: a historical overview]. Krasnodar: Krasnodarskii yuridicheskii institut MVD Rossii. (in Russ.)

6. Trostyanskii, A.G., 2015. Zakonodatel'noe regulirovanie oborota oruzhiya v Rossii: istoriya i sovremennost' [The legal regulation of arms trafficking in Russia: past and present], Nauka.

Obshhestvo. Gosudarstvo, Vol. 3, no. 3, pp. 11–21. (in Russ.)

7. Ustinov, A.N. and Yakimova, E.M., 2019. Gosudarstvennoe regulirovanie oborota oruzhiya v Rossiiskoi imperii [State regulation of arms trafficking in the Russian Empire], Administrativnoe pravo i protsess, no. 4, pp. 32–35. (in Russ.)

М.В. Осипова*

ЭКСПЕДИЦИИ В.К. АРСЕНЬЕВА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ В КАЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧИНОВНИКА

Деятельность знаменитого исследователя и путешественника В.К. Арсеньева в качестве представителя органов государственной власти, немало сделавшего для восстановления и организации рыболовства, охотничьего дела, а также морского зверобойного промысла в дальневосточном регионе, по-прежнему остается малоизученной. В статье рассматриваются экспедиции В.К. Арсеньева в качестве государственного чиновника в низовья Амура, на Камчатку и Командорские острова, а также дается оценка сделанных по их итогам рекомендаций, которые легли в основу организации и упорядочивании работы в важнейших отраслях народного хозяйства дальневосточного региона в 1920-е гг.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, государственная служба, Дальний Восток, Камчатка, Командорские острова

Vladimir Arseniev's expeditions to Northeast Asia as a government official. MARINA V. OSIPOVA (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

The work of the famous explorer and traveler Vladimir Arseniev as a representative of state authorities, who did a lot to restore and organize fishing, hunting, as well as sea fur hunting in the Russian Far East, still remains little studied. The author describes the expeditions of Arseniev as a government official to the lower reaches of the Amur, to Kamchatka and the Commander Islands, as well as assesses the resulting recommendations he made, which later formed the basis for organizing and streamlining work in the most important sectors of the economy of the Soviet Far East in the 1920s.

Keywords: Vladimir Arseniev, public service, Russian Far East, Kamchatka, Commander Islands

Имя В.К. Арсеньева известно широкой общественности благодаря его исследованиям территорий нынешних Приморского и Хабаровского краев и проживающих на них народов. Не обойдена вниманием его писательская деятельность. В.К. Арсеньевым было написано и опубликовано более 60 работ этнографического, архео-

логического и публицистического характера. Снятый японским режиссером Акира Куросава по мотивам произведений исследователя фильм «Дерсу Узала» получил всемирное признание и был удостоен десяти международных премий, включая премию «Оскар». Высокую оценку современников получила работа В.К. Арсеньева

* ОСИПОВА Марина Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: ainu07@mail.ru

© Осипова М.В., 2023

в области организации музейного дела. Он сам писал об этом следующее: «С 1910 по 1918 г. состоял директором Хабаровского Краевого Музея, производя громадную работу по разборке коллекций из складов и по приведению их в порядок» (Архив Хабаровского краеведческого музея, далее – АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 1). Собранные им артефакты материальной и духовной культуры коренных народов Приамурья, Приморья и Камчатки хранятся и экспонируются в ведущих музеях страны. Так, в трех коллекциях Музея антропологии и этнографии РАН (№ 1917, 2252, 2373) насчитывается 94 единицы хранения из собрания В.К. Арсеньева. В записанных им фольклорных текстах орочей, удэгейцев, коряков можно почерпнуть сведения о традиционной культуре этих народов в период ее бытования.

Немалое место в жизни В.К. Арсеньева занимала просветительская и преподавательская деятельность. Он читал лекции рабочим в Доме знания и свободы, студентам Педагогического института им. Ушинского и Владивостокского народного университета, преподавал в Хабаровском народном университете и Хабаровском педагогическом техникуме. В биографической справке только полстраницы занимает перечисление членства в различных географических, исторических, антропологических, орнитологических обществах и обществах ориенталистики, включая иностранные (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 1, 4). При этом до сих пор менее известной и обсуждаемой остается его деятельность в качестве чиновника – представителя органов власти, немало сделавшего для восстановления и организации рыболовства, охотничьего дела, а также морского зверобойного промысла в дальневосточном регионе.

Авторы научных статей и научно-популярных публикаций свое внимание в связи с его деятельностью в качестве назначенного государством чиновника, как правило, концентрировали на каком-то одном вопросе. Одни упоминали о ней как о факте биографии (А.И. Тарасова [11], А.А. Хисамутдинов [16; 17], Н.А. Троицкая [13]), другие освещали его работу по организации или охотничьего, или рыболовного, или морского зверобойного промыслов на определенной территории Дальнего Востока (А.Б. Ермолин [5], А.С. Николаев [8]), третьи исследовали проблему комплексного развития региона и, в частности, Уссурийского края или Командорских островов (П.Я. Бакла-

нов, А.В. Мошков [4], Н.А. Татаренкова [12]). Данная статья освещает результаты всех его экспедиций в Северо-Восточную Азию в период с 1918 по 1923 гг. и сделанные по их результатам выводы, многие из которых легли в основу принятия решений в области народного хозяйства.

Свершившаяся в 1917 г. в стране Февральская революция изменила жизнь не только в центре, но и на окраинах, к которым относился и Дальний Восток, включавший огромную территорию (всего свыше 3 млн. кв. км). Управление здесь по-прежнему осуществлялось ведомствами, учрежденными царским правительством. К ним относились казенные и акцизные палаты, имущественное, горное, водное и другие управления. Для наблюдения за их деятельностью Временным правительством были назначены комиссары, в чье ведение входило осуществление руководства территориями, недопущение беспорядков на местах, наблюдение и регулирование деятельности общественных органов самоуправления. В марте 1917 г. комиссаром Временного правительства по делам Дальнего Востока был назначен депутат IV-й Государственной Думы А.Н. Русанов, которому нужны были надежные помощники в организации работы на местах [15, с. 7; 13, с. 67]. В ряду тех, кто мог оказать существенную помощь, был В.К. Арсеньев. По роду своих занятий он как никто другой был осведомлен о жизни инородцев края и их проблемах. Это и стало сферой его деятельности после единогласного избрания на пост комиссара по инородческим делам делегатами Первого областного съезда представителей местного самоуправления (апрель 1917 г.). Сам же В.К. Арсеньев писал: «...После государственного переворота принял должность Комиссара по делам туземных народностей Приамурского края» (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 3). При этом он оставался директором Хабаровского музея.

В.К. Арсеньев с присущей ему ответственностью отнесся к порученному делу. На организованном им совещании был утвержден план работы на два года и инструкции по работе на местах. Самым сложным вопросом на тот момент был вопрос рыболовства и рыбопромышленности края. Здесь сходились интересы коренных народов, пришлого населения, предпринимателей, включая иностранных, и государства. Скупавшие за бесценку или за водку и опий у инородцев рыбу купцы практически об-

рекали население Амура на вымирание. Нерешенным оставался вопрос снабжения жителей продовольствием. Не полагаясь на отчеты о состоянии дел с мест, В.К. Арсеньев сам в начале августа 1917 г. отправляется в низовья Амура для обследования жизненных условий коренного населения. По результатам этой поездки комиссару Временного правительства А.Н. Русанову были поданы две докладные записки от 12 августа 1917 г. В них речь шла о посещении островов Лангр, Чеуч, Уд, стойбища Чарбах и Пуэр (Пуир), где основное население составляли нивхи (в записях В.К. Арсеньева указаны как гиляки).

В.К. Арсеньев не понаслышке знал о состоянии дел на рыбопромыслах Лангра и отмечал, что рыбные богатства острова «издавня привлекали сюда стаи хищников» [9, с. 52], подразумевая под этим словом пришлых перекупщиков – осетин, корейцев и рыбопромышленников-арендаторов, с которыми ему и откомандированному с ним по его просьбе отряду бойцов Амурской минной роты из 40 человек пришлось даже вступить в вооруженный конфликт. Арсеньев описал те злоупотребления, которые явились причиной значительного ухудшения жизни коренного населения. Он констатировал, что, несмотря на существование официально оформленных договоров между рыбопромышленниками и нивхами, об их честном исполнении речи не шло, так как коренное население было неграмотным и на все вопросы комиссара о сделках, зафиксированных в договорах, люди отвечали: «Чорт его знает, хозяин сам писал» [9, с. 53]. Кроме договоров существовали расчетные книжки, в которых должны были фиксироваться цифры сданной рыбы, взятый в кредит нивхами инвентарь, продукты питания. Но записи в книжках велись небрежно. Арсеньев писал: «Часто нет указаний цен и полное отсутствие записей в получении рыбы» [9, с. 53]. За сданную рыбу выдавались ордера, но заполнялись они простым карандашом, часто исправлялись при помощи резинки, цифры прописью не записывались. Арсеньев заметил, что уже в момент перегрузки рыбы из лодок инородцев в лодки перекупщиков происходил обман первых, когда коренные жители не могли правильно посчитать перебрасываемую из лодки рыбу. Поэтому цифры в ордерах не соответствовали действительности. Рыбопромышленники старались обмануть нивхов в момент передачи им рыболовных снастей, так как те не

могли нигде узнать реальную стоимость неводо. Не знали инородцы и истинных расценок на товар.

Для повышения благосостояния коренного населения В.К. Арсеньев предложил конкретные меры, следить за реализацией которых должны были инородческие комиссары, назначенные во все стойбища. Им в обязанности вменялся надзор за исполнением договоров между рыбопромышленниками и инородцами, недопущение на промыслы «хищников» и спекулянтов (перекупщиков), наблюдение за торговлей и контроль за расчетами на местах промысла, ликвидация долговых отношений между ростовщиками и инородцами, а также определение точного количества рыбы для потребления инородческой семьей во время зимы и руководство ее заготовкой с целью недопущения продажи всего заготовленного объема. Важнейшим пунктом его плана была борьба с перекупщиками, для чего он предлагал установить на материковой части и островах, включая Сахалин, военные посты и отправить в устье Амура крейсер «Лейтенант Дыдымов» и два катера для осмотра корейских и японских шхун [9, с. 50–55]. Следует подчеркнуть, что часть пунктов из предложенного Арсеньевым плана была выполнена уже к 10 августа 1917 г. Это был его первый опыт работы в качестве представителя власти. Выполняя эту роль, он показал себя как человек государственного масштаба, которому небезразлична судьба коренного населения и состояние дел в рыбопромышленной отрасли края в целом.

В ноябре-декабре 1917 г. после того, как в Петрограде была провозглашена победа социалистической революции, власть в крае из рук комиссаров Временного правительства перешла в руки Совета народных комиссаров. Новой власти тоже требовались люди, которые хорошо знали местные условия, и уже в начале мая 1918 г. В.К. Арсеньев был приглашен Временным бюро по управлению Приморским переселенческим районом – преемником Переселенческого управления, учрежденного еще в 1896 г. Министерством внутренних дел царской России с целью упорядочивания переселенческого движения на Дальнем Востоке [15, с. 10–12; 10, с. 94–95]. Ему было предложено возглавить Камчатскую экспедицию для статистико-экономических исследований полуострова и определения пригодности для заселения малонаселенной долины р. Камчатки. Прика-

зом комиссара переселения Дальсовнаркома от 17 мая он был утвержден в этой должности. Но вслед за этим Арсеньев утверждается еще в одной должности – организатора земельного отдела на Камчатке и заведующего устройством переселенцев. В день прибытия в Петропавловск-Камчатский он провел совещание с областным Камчатским комитетом и представителями Завойкинского волостного комитета, ознакомив их с целями экспедиции. За время, проведенное на Камчатке, Арсеньев посетил 15 населенных пунктов. Им были составлены статистические ведомости, содержащие сведения о социально-экономическом положении жителей. Он обратил внимание, что земледелие, практиковавшееся на этой территории с середины XIX в., практически угасло, уступив место охотничьему промыслу. Здесь он увидел такое же отношение перекупщиков пушнины к иностранцам, какое наблюдал на Амуре, когда купцы ради наживы обирали и спаивали коренных жителей. Результатом экспедиции стало заключение о том, что земли от селения Мильково до Пушино пригодны для заселения, что говорило о выполнении тех задач, которые ставило перед В.К. Арсеньевым Переселенческое управление [11, с. 173–175; 13, с. 133].

Но как истинный исследователь и этнограф, В.К. Арсеньев не мог ограничиться только сбором данных о районе и его жителях. В протоколе заседания Общества изучения Амурского края № 22 от 13 марта 1919 г. говорилось, что после этой поездки исследователь представил доклад и продемонстрировал собранные им «у подножья Авачинской сопки и по р. Камчатке», а точнее – в долине р. Калахтырка и у с. Камки, коллекции. Это были в основном каменные орудия (237 шт.), кухонные остатки (971 шт.), медвежьи кости (59 шт.). Были в коллекции и два черепа – мужской и женский, принадлежавшие ительменам (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 786, Л. 22–28); [8, с. 14]. Эта экспедиция считалась успешной, так как ее участниками помимо статистических данных были собраны ценные этнографические и археологические материалы, но, к сожалению, дневники с ее описанием до сих пор не опубликованы.

После поездки на Камчатку В.К. Арсеньев остается во Владивостоке, где получает должность младшего инспектора рыболовства Управления рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока, а с 1919 г. – старшего инспектора (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1.

Д. 502. Л. 3–4). Приступив к своим обязанностям и проанализировав положение дел в отрасли, В.К. Арсеньев пришел к выводу о том, что сложившаяся в Колымском крае экономическая ситуация крайне тяжелая. Край с 1917 г. не получал ни продовольственных, ни промышленных товаров. Японские и американские промышленники беспрепятственно вывозили меха в свои страны, поощряя бесконтрольный убой морского зверя и спаивая коренных жителей. Управление рыбными промыслами предложило организовать экспедицию под руководством В.К. Арсеньева с целью пресечь иностранную контрабандную торговлю [11, с. 179], но в мае 1921 г. на Дальнем Востоке началась Гражданская война и этот план не был осуществлен. Однако, несмотря на произошедшие события, В.К. Арсеньев продолжал исполнять обязанности инспектора рыболовства Управления рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока и даже был назначен в 1921 г. заведующим Гижигинским промысловым районом Охотско-Камчатского края.

С окончанием в 1922 г. Гражданской войны и освобождением от интервентов Владивостока необходимо было восстанавливать подорванное войной хозяйство. Рыбная промышленность огромной территории была фактически уничтожена, а рыболовство в Охотско-Камчатском крае в 1921–1922 г. находилось в руках Японии. Согласно статистическим сведениям, практически 80% добытой в эти годы в российских тихоокеанских водах рыбы ушло в эту страну [14, с. 79]. На Колыме по-прежнему хозяйничали американские и японские промышленники.

В июне 1922 г. В.К. Арсеньев отправляется в очередную экспедицию на Камчатку. Управление рыбными и морскими звериными промыслами направляет В.К. Арсеньева в командировку, которая длилась четыре месяца, «для обследования Гижигинского района в статистическом, экономическом и промысловом отношении» (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 4). Результаты этой поездки нашли отражение в работе «Гижигинский промысловый район (Физико-географическая характеристика. 1922 г.)».

В первой части работы дана подробная характеристика его природных условий – территориальных границ, климата, гидрографических особенностей, горных кряжей, лагун и рек, растительности, а также людей, населяющих эти земли. Арсеньев приводит имеющиеся на тот период данные статистики о том,

что в Гижигинском промысловом районе было зарегистрировано 5 500 инородцев, среди которых коряков – 4 400 чел., ламутов (эвенгов) – 1 900 чел. и юкагигов – 200 чел. Количество ительменов не указывалось. Автор отмечал, что местное население кроме рыболовства больше никакими ремеслами, которые приносили бы дополнительный доход (например, бондарным, кузнечным, слесарным или гончарным), не владело, и сдача улова рыбопромышленникам являлась единственным их средством обеспечить свое существование.

Как инспектор по рыболовству Арсеньев прежде всего обратил внимание на тяжелые условия транспортировки рыбы в Пенжинском заливе – наличие больших лагун, затрудняющих швартовку кораблей для доставки и приемки грузов, отсутствие пресной воды на складах, куда производилась выгрузка. Он потребовал запретить вылов идущей на нерест рыбы в лагунах и устьях рек, который приводил к истощению ее запасов [1, с. 17–34].

Вторая часть его работы – это статистика состояния дел в экономической сфере. Арсеньевым были проанализированы данные хода и вылова лососевых (мальмы, кеты, горбуши). Так, согласно его записям, на р. Иреть было выловлено 20 350 шт., на р. Туманы – 85 000 шт., на р. На-яхан – 22 165 шт. и на р. Гижига – 99 290 шт. Вес выловленной рыбы колебался в пределах от 5,5 до 8,5 фунтов¹. При этом автор отмечал, что был существенный недолов лососевых и рыба была мелкой. В.К. Арсеньев назвал и другие породы, которые могли бы добываться, как и лососевые, в промышленном масштабе (сельдь, корюшка) [2, с. 17–18]. Им было дано описание транспортных средств (лодок и собачьих упряжек), перечислены пушные звери, составлявшие основу пушного промысла, охарактеризован промысел ластроногих и указаны их лежбища. В составленной Арсеньевым таблице приведены сравнительные данные о добытой в 1914 и 1922 гг. пушнине, которые показали значительное снижение показателей по отдельным позициям. Например, если в 1914 г. белки было добыто 123 400 шт., горносталя – 450 шт., белого песца – 170 шт., то в 1922 г. – 47 750, 380 и 22 шт. соответственно [2, с. 23]. Он выразил возмущение по поводу хищнических приемов охоты на морского зверя. Много места в статье отведено оленеводству – основному виду деятельности тунгусов (эвенков) и коряков. Эта отрасль стол-

кнулась с проблемой сохранения оленьего стада. Широкое распространение инфекционных болезней среди животных привело к значительному сокращению поголовья. В.К. Арсеньев привел данные о том, что в 1907 г. в Гижигинском районе было зарегистрировано около полумиллиона голов одомашненных оленей, а к 1922 г. их осталось 390 000. Причиной стали массовые падежи животных. Здесь он сравнил материальное положение оленеводов Аляски и Гижиги, опубликовав таблицу стоимости оленьего мяса, согласно которой за живого оленя на Аляске платили 150–200 р., а фунт мяса стоил 40–50 коп., в то время как в Гижигинском районе стоимость оленя составляла 15 руб., а фунт оленины – 5 коп. [2, с. 29].

Не была обойдена вниманием и торговая отрасль, отмечена деятельность частных компаний и товарообмен с коренными народами соседних территорий. Основными статьями торговли были рыба и меха, за которые люди получали продовольственные товары. Исследователь отмечал высокие расценки на меха (белка – от 50 коп. до 1 р., лисица чернубрая – 300–500 р., росомаха – 6–9 руб.), но при этом цены на продукты тоже были высоки: так, по его словам, за шкуру стоимостью 15 руб. коренной житель получал «три с половиной кирпича чая, что по нашей цене составляет не более 3 руб.» [2, с. 30]. По всем полученным данным В.К. Арсеньевым были составлены таблицы, которые сегодня являются важным источником информации для сравнительных исследований.

Всесторонне изучив вопрос, В.К. Арсеньев пришел к выводу о том, что Гижигинский район из-за своего географического положения имеет перспективу стать важным пунктом снабжения всего Колымского края продовольственными и другими необходимыми товарами. Он указал на ничтожную долю участия русских компаний в торговле на территории района по сравнению с американскими и японскими компаниями и отметил постепенное проникновение в район китайских торговцев. Он увидел, что и здесь, как и на Нижнем Амуре и Колыме, происходило спаивание инородческого населения. По словам В.К. Арсеньева, ни одна сделка в Охотско-Камчатском крае не обходилась без спирта: «в Гижигинском районе все торгуют спиртом: и японцы, и рыбопромышленники и, даже случайно заезжие лица». В статье звучит призыв остановить «безобразную торговлю спиртом,

¹ 1 русский фунт = 0,409 кг.

... не останавливаясь ни перед какими жестокими карами», ведь только такими мерами возможно «вести борьбу со спиртоносами и поднять культурный уровень туземного населения» [2, с. 33–34].

Несмотря на предоставление столь подробных сведений, В.К. Арсеньев с присущей ему скромностью писал, что не считает свою работу «безошибочной», и выражал надежду, «что в дальнейшем более тщательные исследования внесут в нее целый ряд поправок» [1, с. 17]. Представленные в статье оценки перспектив развития Гижигинского района, наиболее отдаленного и малонаселенного в Магаданской области, актуальны до сих пор. По-прежнему остро стоит вопрос сохранения и использования природных ресурсов края. Указанная работа В.К. Арсеньева впоследствии несколько раз перепечатывалась газетами Магаданской области, так как предложенные исследователем варианты решения насущных проблем Севера не утратили своего значения и сегодня. Кроме публикации по итогам экспедиции В.К. Арсеньев также прочел лекцию в клубе «Маяк» г. Владивостока, посвященную коренным жителям Гижиги и Камчатки.

Постановлением Дальревкома от 13 января 1923 г. было образовано Дальневосточное краевое управление рыболовства и охоты и государственной рыбной и пушной промышленности (Дальрыбохота). Через месяц, 10 февраля 1923 г., было утверждено положение об этой организации. В ее ведение передавались «рыбные, морские звериные и охотничьи промыслы», а также управление «государственной рыбной и пушной промышленностью на территории Приморской, Приамурской, Сахалинской и Камчатской губерний» с управлением во Владивостоке (Государственный архив Приморского края. Ф. Р-633. Оп. 2. Д. 35. Л. 2). Но уже 26 января 1923 г. начальником Дальрыбохоты Т.М. Борисовым был подписан приказ о том, что на старшего инспектора рыболовства В.К. Арсеньева «возлагается по отделению морских звериных промыслов и охоты заведование островами и морскими звериными промыслами Дальнего Востока» (Цит. по: [17]). И 9 февраля, еще до утверждения положения об этой организации, В.К. Арсеньев вступает в должность заведующего подотдела охраны и надзора рыболовства. При этом он продолжал исполнять обязанности заведующего этнографическим отделом музея Общества изучения Амурского края и

читал лекции на кафедре народоведения Государственного дальневосточного университета (г. Владивосток) (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 4).

Проблемы морского зверобойного промысла были известны В.К. Арсеньеву еще со времен его экспедиции в Гижигинский промысловый район. В 1921 г. японская компания «Кухара» обратилась с предложением о продлении ее деятельности на Командорских островах на 10 лет. В.К. Арсеньев выступил с решительным протестом против этого, мотивируя отказ от сотрудничества с Японией в конвенциональных водах не только хищническим истреблением морских животных японскими зверопромышленниками, но и геополитическими интересами. В послесловии к избранным трудам исследователя В. Шевченко упомянул и о выступлении В.К. Арсеньева в январе 1923 г. на заседании комиссии Приморского губревкома с сообщением о попытке захвата острова Врангеля канадскими промышленниками. Власти оперативно отреагировали на это выступление, отправив на остров экспедицию под руководством гидрографа Б.В. Давыдова и в 1924 г. там был установлен флаг СССР [18, с. 595].

Приступив к исполнению своих обязанностей в Дальрыбохоте, В.К. Арсеньев и охотовед А.Д. Батулин составили сопровождаемый объяснительной запиской проект «Временного положения об условиях и порядке использования островов Дальнего Востока для промышленного звероводства», центральной темой которого стала охрана и восстановление численности морских животных с целью организации промышленного звероводства [11, с. 189]. В июне 1923 г. Арсеньев отправился на Командорские острова «для доставки жалования служащим и продовольствия, и предметов первой необходимости», так как еще в феврале исследователь обращал внимание Дальревкома на безотлагательность снабжения населения с началом навигации всем необходимым для жизни и промысловой деятельности (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 4). Почти двухмесячная поездка на Камчатку и Командорские острова, редко посещаемые в то время чиновниками такого ранга, предоставила В.К. Арсеньеву материал для ряда работ, носивших аналитический характер, среди которых опубликованные «Командорские острова в 1923 г.», «Дельфиний промысел» и неопубликованные «Убой морского зверя», «Оленеводство в Охотско-Камчатском крае».

Несмотря на то, что по признанию самого автора, статья «Командорские острова в 1923 году» была «написана наспех», в ее основу легли материалы экспедиции, отчет исследователя за 1922 г., подготовленный для отдела морских и звериных промыслов Дальрыбохоты, и служебный отчет начальника Командорских островов Колтановского. В статье также были представлены рекомендации в количестве 21 пункта. Арсеньев не ограничился описанием географического положения островов, он представил краткий экскурс в историю их промышленного освоения, закончив его словами о том, что в 1917 г., по истечению всех заключенных промышленниками контрактов, местные жители «превратились в свободных граждан, у которых снова появилось убеждение, что они являются полными хозяевами островов и их промыслов» [3, с. 425]. Однако в начале 1920-х гг. положение коренного населения островов не улучшилось, а вследствие революционных событий и перехода власти из одних рук в другие только ухудшилось, наблюдалось обесценивание денежных знаков. В разделе статьи «Современное состояние островов» Арсеньев отметил царящую на Командорах «повсеместную разруху». Было нарушено снабжение островов продовольствием и предметами первой необходимости. Пришедшее во Владивостоке к власти белогвардейское правительство передало поставку продовольствия японской фирме «Нихон Моохи» в обмен на пушнину, что позволило той привезти негодный товар по завышенным расценкам. Новый договор, на этот раз – с российской фирмой «Бринер, Демби, Кушнарв», ситуации не улучшил: «доставленные этой фирмой товары были тоже плохого качества и расценки высоки» [3, с. 426]. На о. Медном люди голодали, их одежда пришла в негодность. В.К. Арсеньев привел данные о сокращении численности населения на островах. Если в 1913 г. здесь насчитывалось 516 жителей, то в 1923 г. их было уже 361, при этом значительно сократилась и средняя продолжительность жизни, составив 24,3 года для мужчин и 23,2 года для женщин [3, с. 429–430].

Хищническое истребление морского зверя в период Гражданской войны и бессистемное ведение хозяйственной деятельности имело отрицательные последствия. Уменьшение добычи морского котика привело к уменьшению поголовья песка, что сказалось на его добыче. Это

было отражено в составленной Арсеньевым таблице, согласно которой в 1909 г. было добыто 3 786 котиков и 722 песка, а в 1920 г. – 500 котиков и 252 песка. Им были приведены цифры оставшихся на островах особей. Он опубликовал показатели сокращения количества котиков по каждому острову: на о. Беринга – с 3 895 в 1919 г. до 3 642 в 1922 г.; на о. Медном – с 11 020 в 1919 г. до 10 315 в 1922 г. Наблюдалось и сокращение численности каланов. Это привело к упадку морского зверобойного промысла, о чем свидетельствовали цифры таблиц. Например, количество добытых на двух островах шкур котиков в 1920 г. составляло 818 шт., в 1921 – 31 шт., в 1922 – 76 шт. Аналогичная тенденция наблюдалась и в отношении добычи каланов, голубых и белых песцов [3, с. 451–456].

Брошенные властями на произвол судьбы алеуты, стараясь найти хоть какие-то средства к существованию, занимались тайным, по мнению В.К. Арсеньева, убоем животных, а фактически браконьерством, сдавая пушнину промышленникам за спирт и вещи. В поселках процветало пьянство. Упреком прозвучали слова о желании промышленников-алеутов избавиться от административного контроля. Одним из эффективных способов борьбы со спекулянтами и браконьерством Арсеньев назвал своевременное снабжение местного населения продовольственными и промышленными товарами [3, с. 440].

Много места в статье было уделено детям и их образованию. Отмечая их хорошие способности, укомплектованность школы оборудованием, Арсеньев с определенной долей сарказма говорил о том, что «школа мало принесла пользы населению», а дети, «находясь под влиянием взрослых», проявляли враждебность к русским. Рассуждая об ограниченности кругозора алеутских детей, Арсеньев забывал, что они жили в фактически оторванном от цивилизации мире, а в годы Гражданской войны люди находились в изоляции, не имея доступа к средствам связи. Он предложил учителям островов больше разговаривать с детьми, «заинтересовать играми, открыть мир детских развлечений, взамен времяпровождения на “танцульках”, где они, находясь среди пьяных до 2-х часов ночи, учатся неприличным островам и бывают свидетелями разврата» [3, с. 434].

Констатируя факт бедственного положения местного населения и суровые климатические условия, в которых жили алеуты, В.К. Арсеньев

в то же время обвинил их в лени, пьянстве, неразумном ведении хозяйства (отсутствии земледелия, нежелании заниматься разведением песцов для промысла, кормлении бесполезных, по его мнению, в хозяйстве собак), неправильном воспитании детей и т.д. Эти выводы он сделал, пробыв на островах всего четыре дня. Совершенно другого взгляда на поведение, характер и способности алеутов придерживался епископ Камчатский, Курильский и Алеутский митрополит Иннокентий (Вениаминов), проживший бок о бок с этими людьми почти 10 лет. Он восхищался такими их чертами характера, как, например, выносливость и способность терпеть невзгоды в течение продолжительного времени. Его уважение вызывали сила духа алеутов, неприхотливость в быту, отсутствие чувства зависти, умение идти к намеченной цели, восприимчивость ко всему новому, хорошая память, желание учиться, эмоциональность, любовь к детям, уважительное отношение к пожилым людям и т.д. [6, с. 12–66]. Здесь возможно возражение, что с момента написания труда митрополита Иннокентия прошло почти 100 лет и люди в изменившихся условиях жизни тоже могли измениться, но все-таки не до такой степени, какими они представлены в статье Арсеньева. В таком случае возникает вопрос: почему исследователь не заметил тех положительных качеств проживавших на Командорских островах жителей, которые были перечислены в произведении миссионера? Это можно объяснить лишь следующим обстоятельством: его основной целью была организация пушного промысла, приносящего постоянный доход государству. Он рассматривал Командорские острова с точки зрения чиновника, оценивая их полезность для экономики страны. Это трудно не заметить, читая выдвинутые им рекомендации: те, что затрагивают вопросы восстановления добычи пушнины, отличаются взвешенностью и желанием улучшить состояние дел на островах и в отрасли в целом (полный запрет на добычу котиков, назначение на острова чиновника, который заведовал бы только промыслами, не совмещая при этом административную работу, определение цены на сданную продукцию ежегодно в зависимости от количества запланированного к убою зверя, строительство специального помещения для хранения пушнины, ведение решительной борьбы с «хищниками» – японцами и браконьерами-алеутами посредством обеспечения начальника промыслов

огнестрельным оружием, обеспечение радиостанцией и телефонной связью поселков и др.). Те же рекомендации, которые касаются местного населения, взвешенными назвать нельзя (здесь стоит упомянуть предложения рассматривать алеутов как служащих Дальрыбохоты и выдавать им продукты питания и предметы первой необходимости только за выполненную работу, выселить все признанное излишним население с островов на Камчатку, а оставшееся после выехавших жилье использовать на ремонт других зданий, уничтожить всех собак, содержание которых обходилось дорого, и заменить их другими рабочими животными, и т.д.) [3, с. 458–464]. Взятые впоследствии на вооружение в период хрущевской оттепели, они имели негативные последствия для малонаселенных территорий Дальнего Востока. В результате политики укрупнения с карты дальневосточных территорий и, в частности, Командорских островов и Нижнего Амура, исчезли как перспективные многовековые поселения представителей коренных народов.

Однако следует признать, что эта поездка все-таки имела большое значение для восстановления разрушенного хозяйства островов, на которых был установлен полный контроль государства за добываемыми ресурсами. Возвратившись из этой командировки, В.К. Арсеньев выступил на совещании подотдела рыболовства и охоты отдела народного хозяйства Приамурской губернии во Владивостоке с докладом «Морские звериные промыслы, принципы ведения пушного хозяйства на Командорских островах и сушевая охота на Дальнем Востоке».

Подводя итог обзора экспедиций В.К. Арсеньева в Северо-Восточную Азию в качестве государственного чиновника, следует отметить, что его рекомендации относительно решения насущных проблем местных жителей были реализованы еще при его жизни. Это касается, например, борьбы с неконтрольной торговлей спиртными напитками в местах компактного проживания коренных народов и скупкой за бесценок продукции у коренного населения, обеспечения людей необходимыми потребительскими товарами, упорядочивания рыболовного и пушного промысла и борьбы с браконьерством, решения проблем оленеводства, связи, транспортной доступности островных территорий, разделения административно-хозяйственных функций властных структур, пресечения несанкционированной деятельности иностран-

ных компаний в российских конвенциональных водах. Значение же других полученных в ходе данных экспедиций сведений было оценено позднее. Так, собранная и обобщенная В.К. Арсеньевым информация о северных и островных дальневосточных территориях, их природе, условиях жизни коренного населения, представленные им перспективы их хозяйственного использования и опубликованная часть научных статей со статистическими данными легли в основу положений о долгосрочном развитии северо-востока Азии. Эти материалы изучаются и цитируются в современных научных исследованиях. Работы В.К. Арсеньева, освещающие геополитические проблемы приграничных территорий Дальнего Востока, востребованы до сих пор. Например, в 2014 г. Комиссия ООН по границам континентального шельфа удовлетворила заявку о включении в состав континентального шельфа России анклава площадью 52 тыс. кв км, находящегося в срединной части Охотского моря, – о необходимости этой меры Арсеньев писал в своих работах еще в 1920-х гг. Были воплощены в жизнь и идеи исследователя о создании заповедников и полном запрете охотничьей деятельности на их территориях, а также о необходимости изучения флоры и фауны промысловых территорий. На Командорских островах был создан природный заповедник, и сегодня его часть получила статус национального парка – особо охраняемой территории. Он включен в международную программу ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Экспедиции В.К. Арсеньева в Северо-Восточную Азию внесли значимый вклад в дело изучения этих территорий с точки зрения ресурсного и человеческого потенциала для их дальнейшего социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев В.К. Гижигинский промысловый район // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 5. С. 17–35.
2. Арсеньев В.К. Гижигинский промысловый район // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 6. С. 16–34.
3. Арсеньев В.К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток: Госкнига, 1923. С. 58–70.
4. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Ранние этапы формирования территориально-отраслевой структуры хозяйства Уссурийского края и вклад

В.К. Арсеньева в его развитие // Тихоокеанская география. 2022. № 3. С. 27–41.

5. Ермолин А.Б. Охотничье дело на Дальнем Востоке России в творческом наследии В.К. Арсеньева // Современные проблемы охотоведения: Материалы национальной конференции с международным участием, посвященной 70-летию охотоведческого образования в ИСХИ – Иркутском ГАУ (27–31 мая 2020 г.). Иркутск: Изд-во ИГАУ им. А.А. Ежевского, 2020. С. 37–41.

6. Иннокентий (Попов-Вениаминов И.Е.). Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. Ч. 1–3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1840.

7. Люди рассвета: каталог коллекций народов Крайнего Северо-Востока из собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2017.

8. Николаев А.С. В.К. Арсеньев о Командорских островах // На перекрестке континентов: Материалы XXXI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 258–260.

9. Письма В.К. Арсеньева в защиту гилицкого (нивхского) народа // Страны и народы Востока. Вып. XX. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. М.: Наука, 1979. С. 48–56.

10. Редчун В.М. К вопросу об особенностях переселенческой политики российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.: правовой аспект // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 82–98.

11. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985.

12. Татаренкова Н.А. «Выселить на Камчатку...» // Новая газета. 2017. 31 августа. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/405/istoriya/vyselit-na-kamchatku.html>

13. Троицкая Н.А. Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке: размышления над документами // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4. С. 65–74.

14. Устюгова О.А. Влияние акцизной политики Временного Приамурского правительства (1921–1922 гг.) на развитие рыбопромышленности Приморья // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 19. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 78–88.

15. Флеров В.С., Чернышова В.И. Введение // Дальсовнарком. 1917–1918 гг.: сборник доку-

ментов и материалов. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1969. С. 6–26.

16. Хисамутдинов А.А. Мне сопутствовала счастливая звезда... Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930). Владивосток: Дальнаука, 2005.

17. Хисамутдинов А.А. На Командоры // ДВГИ ДВО РАН. URL: <http://www.fegi.ru/primorye/science/khisam/arsen13.htm>

18. Шевченко В.С. Последний перевал. Послесловие // Арсеньев В.К. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1997. С. 595–609.

REFERENCES

1. Arseniev, V.K., 1925. Gizhiginskii promyslovyi raion [Gizhiginsk district], *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, no. 5, pp. 17–35. (in Russ.)

2. Arseniev, V.K., 1925. Gizhiginskii promyslovyi raion [Gizhiginsk district], *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 16–34. (in Russ.)

3. Arseniev, V.K., 1923. Komandorskie ostrova v 1923 godu [Commander Islands in 1923]. In: *Rybnye i pushnye bogatstva Dal'nego Vostoka*. Vladivostok: Goskniga, 1923, pp. 58–70. (in Russ.)

4. Baklanov, P.Ya. and Moshkov, A.V., 2022. Rannie etapy formirovaniya territorial'no-otraslevoi struktury khozyaistva Ussuriiskogo kraia i vklad V.K. Arsenieva v ego razvitie [The early stages of the formation of the territorial and sectoral structure of the economy of the Ussuri Region and the contribution of V.K. Arseniev to its development], *Tikhookeanskaya geografiya*, no. 3, pp. 27–41. (in Russ.)

5. Ermolin, A.B., 2020. Okhotnich'e delo na Dal'nem Vostoke Rossii v tvorcheskome nasledii V.K. Arsenieva [Hunting in the Russian Far East in the works of V.K. Arseniev]. In: *Sovremennye problemy okhotovedeniya: Materialy natsional'noi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 70-letiyu okhotovedcheskogo obrazovaniya v ISKhI – Irkutskom GAU (27–31 maya 2020 g.)*. Irkutsk: Izd-vo IGAU im. A.A. Ezhevskogo, 2020, pp. 37–41. (in Russ.)

6. Innokentii (Popov-Veniaminov I.E.), 1840. Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela, sostavlennye I. Veniaminovyim. Ch. 1–3 [Notes on the Islands of the Unalaska District. Parts 1–3]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (in Russ.)

7. Lyudi rassveta: katalog kollektzii narodov Krainego Severo-Vostoka iz sobraniya KhKM im. N.I. Grodekova [Peoples of the dawn: catalog of the collections of the peoples of the Far Northeast from the Grodekov Regional Museum in Khabarovsk]. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya, 2017. (in Russ.)

8. Nikolaev, A.S., 2014. V.K. Arseniev o Komandorskikh ostrovakh [V.K. Arseniev's notes about the Commander Islands]. In: *Na perekrestke kontinentov: Materialy XXXI Krashe-ninnikovskikh chtenii*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2014, pp. 258–260. (in Russ.)

9. Pis'ma V.K. Arsenieva v zashchitu gilyatskogo (nivkhsckogo) naroda [The letters of Vladimir Arseniev in defense of the Gilyak (Nivkh) people]. In: *Strany i narody Vostoka*. T. XX. Strany i narody basseina Tikhogo okeana. Ch. 4. Moskva: Nauka, 1979, pp. 48–56. (in Russ.)

10. Redchun, V.M., 2017. K voprosu ob osobennostyakh pereselencheskoi politiki Rossiiskogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v.: pravovoi aspekt [The features of the resettlement policy of the Russian government in the Far East in the second half of the 19th century: legal aspect], *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka*, no. 2, pp. 82–98. (in Russ.)

11. Tarasova, A.I., 1985. Vladimir Klavdievich Arseniev [Vladimir Klavdievich Arseniev]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

12. Tatarenkova, N.A., 2017. «Vyselit' na Kamchatku...» [«Evict to Kamchatka...»]. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/405/istoriya/vyselit-na-kamchatku.html> (in Russ.)

13. Troitskaya, N.A., 2017. Komissar Vremennogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke: razmyshleniya nad dokumentami [The commissar of the Provisional Government in the Russian Far East: reflections on the archival documents], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 65–74. (in Russ.)

14. Ustyugova, O.A., 2018. Vliyanie aktsiznoi politiki Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva (1921–1922 gg.) na razvitie rybopromyshlennosti Primor'ya [The influence of the excise policy of the Provisional Priamurye Government (1921–1922) on the development of the fishing industry in Primorye]. In: *Trudy IIAE DVO RAN*. T. 19. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2018, pp. 78–88. (in Russ.)

15. Flerov, V.S. and Chernyshova, V.I., 1969. Vvedenie [Foreword]. In: *Dal'sovnarkom. 1917–*

1918 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo, 1969, pp. 6–26. (in Russ.)

16. Khisamutdinov, A.A., 2005. Mne soputstvovala shchastlivaya zvezda... Vladimir Klavdievich Arseniev (1872–1930) [«I was led by a lucky star... Vladimir Klavdievich Arseniev (1872–1930)]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

17. Khisamutdinov, A.A. Na Komandory [To the Commander Islands]. URL: <http://www.fegi.ru/primorye/science/khisam/arsen13.htm> (in Russ.)

18. Shevchenko, V.S., 1997. Poslednii pereval. Posleslovie [The last pass. Afterword]. In: Arseniev, V.K., 1997. Izbrannye proizvedeniia: v 2-kh t. T. 2. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo, pp. 595–609. (in Russ.)

Г.А. Акулич*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
В СОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
О КОНСТИТУЦИИ 1936 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ)**

На основе материалов советской печати регионального уровня, посвященных празднованию Дня Конституции 1936 г., в статье анализируется свойственный советскому идеологическому дискурсу механизм наделения идентичностями и создания социальных иерархий. Используя в качестве метода исследования дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муффа, автор определяет основные значения Конституции, какими они предстают в материалах газеты «Красное знамя» в период с 1937 по 1952 гг., и создает периодизацию советского идеологического дискурса, выявляя для каждого периода репертуар идентичностей, позиционируемых в контексте нарратива о Конституции.

Ключевые слова: Конституция 1936 г., дискурс, идеология, идентичность, «Красное знамя»

Constructing the identities in the Soviet ideological discourse on the 1936 Constitution: the case of regional press. GLEB A. AKULICH (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Based on the materials of the regional Soviet press, dedicated to the celebration of the 1936 Constitution Day, the article analyzes how identities were constructed and social hierarchies were created in the Soviet ideological discourse. Using the discourse analysis of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe as a research method, the author determines the key meanings of the Constitution, as they appear in the materials of «Krasnoye znamya» from 1937 to 1952, creates a periodization of the Soviet ideological discourse and identifies a repertoire of identities positioned in the context of the narrative about the Constitution for each period.

Keywords: 1936 Constitution of the Soviet Union, discourse, ideology, identity, «Krasnoye znamya»

Введение

Сталинский период на данный момент является одним из самых проблематичных в исто-

рии России. Несмотря на обилие документов, именно данный период становится камнем преткновения в оценках многих поколений и

---

* АКУЛИЧ Глеб Александрович, старший лаборант Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: akulich.gleb@hotmail.com

© Акулич Г.А., 2023

** Данный текст подготовлен автором по результатам работы в рамках практикума по источниковедению магистерской программы «Региональные исторические исследования» (раздел «Дискурс-анализ материалов периодической печати», преподаватель – к.и.н., доцент К.С. Еременко).

политических групп. Современная политизация истории влияет на саму историческую дисциплину. Советская идеология сталинского периода как предмет исследований становится жертвой «бесшовных генерализаций» [8, с. 322–325], без возможности ее альтернативно осмысления, несмотря на фундаментальную работу историков с источниками и историографией.

Объектом исследования в данной статье является советская идеология. Для того, чтобы прояснить, как механизм идеологии работал в СССР на региональном уровне, мы воспользуемся дискурс-анализом, который поможет анализировать идеологию как сложную систему создания смыслов и взаимодействия с субъектами с помощью категории «идентичность». Цель исследования – выявить механизм наделения идентичностями и создания социальных иерархий в советском идеологическом дискурсе о Конституции 1936 г. Источниковую базу исследования составляют материалы газеты «Красное знамя», опубликованные в выпусках, посвященных Дню Конституции, в период с 1937 по 1956 гг. Газета «Красное знамя» была официальным изданием Приморского крайкома ВКП(б) и транслировала дискурс советской идеологии. В данном случае материалы региональной периодической печати помогают выявить особенности работы идеологии в условиях территориального разнообразия. Основным методом исследования является дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муфф. Прежде чем перейти к анализу, следует очертить наше понимание таких категорий, как «идеология», «дискурс», «артикуляция», «идентичность», «субъект» и «праздник».

В данном исследовании мы, вслед за Г.И. Мусихиным, интерпретируем идеологию как «символический порядок, согласно которому индивиды носят некоторые “маски”, группирующие людей как случайных носителей определенных мандатов в пределах политической системы» [21, с. 37]. Такое понимание идеологии можно назвать реалистично конструктивистским. Идеология интерпретирует мир, который есть, как мир, который должен быть [21, с. 37]. Реальный мир меняется под влиянием воображаемых представлений о его «правильном» устройстве. Таким способом устанавливается взаимосвязь между воображаемым миром, основанным на представлениях о социальных отношениях, и миром материальным. Идеология должна об-

ладать набором неопровержимых и неоспоримых понятий, которые сопрягаются с комплексом более подвижных и пластичных элементов. Советская идеология соответствует данному пониманию [3]. Она интерпретировалась как теоретический фундамент, способный предоставить ответы на большинство социально-политических вопросов, а также претендовала на изменение мирового устройства в соответствии с идеалами, которые были прописаны в трудах классиков марксизма-ленинизма.

5 декабря, день принятия Конституции 1936 г., до 1977 г. был государственным праздником в СССР. Мы рассматриваем государственные праздники как наиболее продуктивные для аналитики моменты обострения идеологической ситуации, в которых актуализируются заданные политические и идеологические смыслы. Советские методички по организации праздников видели цель такого рода мероприятий «в утверждении идей Советской власти, общественных отношений новой жизни» [4, с. 31]. Праздник был моментом соединения всей широты социальных когорт, существующих в СССР (парработники, рабочие, интеллигенция и т.д.) [22, с. 10], а также утверждал «мировоззрение данного общества, его политические, нравственные и эстетические идеалы» [4, с. 39]. День Конституции немецкий историк и советолог М. Рольф классифицирует как праздник «второго порядка» [22, с. 141], однако отечественный исследователь С.Н. Шаповалов на основе регионального материала Кубани показывает обратное и описывает его как первоочередной с точки зрения идеологии [24, с. 81].

Теоретическим инструментом в нашем исследовании служит дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муфф [1]. Теорию дискурса часто определяют как постструктуралистскую из-за вводимых ею в эпистемологию социальных наук аксиом. По мысли Лакло и Муфф, социальный мир является результатом создания значений в дискурсе. Дискурс понимается как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области [7, с. 56]. Причем изменения этих фиксированных значений находятся в дискурсивном регистре. Дискурсы не могут быть вечными: они изменяются, формируются за счет столкновения с другими дискурсами и базируются на неустойчивой структуре языка. Дискурс, в нашем случае, является более широким понятием по отношению к идеологии, которая предполагает строгий символический

порядок. Таким образом, идеология использует дискурсивное поле для утверждения символического порядка, установленного ее авторами. В дальнейшем мы будем использовать словосочетание «советский идеологический дискурс» для обозначения идеологических утверждений в дискурсивном разрезе.

Мельчайшим элементом в теории дискурса является артикуляция [7, с. 56], которая устанавливает отношения между субъектами и дискурсом. В самом дискурсе существуют узловые точки – привилегированные знаки: вокруг них образуется дискурс, а другие элементы получают «правильные» значения. Элементы – это полисемантические знаки, значения которых еще не закреплены [7, с. 59]. С помощью правильного расположения знаков в отношении друг друга происходит фиксация нужных значений, тем самым исключаются альтернативные формы организации дискурса. Главенствующий дискурс с помощью присвоения нужных значений узловым точкам и элементам закрепляет конфигурацию отношений и делает социальный мир таким, каким хочет видеть его автор дискурса. Основной узловой точкой советского дискурса является не столько Конституция как факт (означающее), но ее символическое означающее. В идеологическом дискурсе присутствует несколько значений Конституции, которые образуются в процессе артикуляции посредством установления связи с иными элементами – идентичностями (рабочий, трудящийся), персонифицированным образом (Сталин), верой в успех коммунистического проекта и т.д.

По мнению Э. Лакло и Ш. Муфф, разные дискурсы борются между собой за овладение социальным миром. Но что происходит, когда в политическом пространстве существует только один дискурс, как в случае с советской идеологией? Идеология для нас представляет набор устойчивых утверждений, которые дискурсивно закрепляют в реальности нужные значения для решения задач власти. Для создания нужного социального мира используются политические инструменты, однако без поддержания дискурсивного порядка власть не сможет актуализировать саму себя. Решением данной проблемы в рамках теории Э. Лакло и Ш. Муфф является концепт представительства [7, с. 87–88]. Представительство означает возможность поручения другому актору (депутату, партии, национальному лидеру) представлять свои интересы. В случае советской системы данные

права делегированы Сталину, правительству и партии. Право дискурсивного представительства было в одностороннем порядке получено советской партийной номенклатурой после устранения политических оппонентов в конце 1920-х гг. Ввиду необходимости управления и адаптации идеологии под различные вызовы (геополитические, внутривнутриполитические, экономические и т.д.) советский дискурс власти формирует нужные ему идентичности в условиях отсутствия политической борьбы. Таким образом, дискурсивное поле в условиях однопартийности обладает схожими свойствами и механизмами осуществления власти, как и в условиях иных политических систем.

Дискурс работает в области политического поля, т.к. используется для формирования социального мира, предопределенного идеологией. Такое понимание дает возможность увидеть процесс появления и воспроизводства идей в политическом пространстве. Политика становится не формой борьбы марксистских антагонистических классов или других социальных констант, но результатом политико-дискурсивного конструирования [20, с. 72–73]. Первичными становятся сами артикуляции, т.е. установления отношений, а не эссенциалистские структуры и конфликты между ними. Через дискурсы субъекты помещают себя и других в воображаемые структуры, обретая тем самым идентичности [6, с. 189]. Идентичность – это идентификация человека с определенной субъектной позицией в структуре дискурса. Исходя из заданных значений, мы можем обнаружить различные группы идентифицирующих себя субъектов, которые с помощью социальных практик выводят идентичность из дискурсивного пространства в поле практического действия [19]. Именно механизм формирования идентичностей оказывается ключевым во всем идеологическом механизме.

Вслед за Лакло и Муфф, мы придерживаемся теории непостоянного субъекта как основного актора властных отношений. В постоянном стремлении к обретению целостности субъект определяет себя через противопоставление чему-то [7, с. 82–83]. Например, рабочий класс артикулирован властью через противостояние с буржуазией. С помощью позитивной саморепрезентации идеологический дискурс формирует «своих», с помощью негативной презентации – «чужих» [21, с. 61]. Идентичность является концептом, который определяет со-

вокупность субъектов, разделяющих схожую саморепрезентацию, и помогает нам свести сложную систему к определенному порядку, который можно схематично представить следующим образом: «идеология – советский политический дискурс – идеологические аппараты – идентичности – субъект».

Базовая проблема исследований дискурса заключается в отсутствии инструментария для выявления мнений и реакций слушателей. В центре внимания находится властный дискурс, который не всегда полностью отображает коммуникативный акт. Идеологические механизмы воздействуют сверху вниз. Несомненно, для получения хоть какого-то эффекта данные механизмы должны соответствовать ментальным моделям субъектов, на которых они призваны воздействовать, иначе произойдет социально-политический конфликт.

Значения Конституции

Перед тем как охарактеризовать основные значения Конституции, следует заранее обозначить фундаментальное место образа И.В. Сталина в советском дискурсе. Он выступает как создатель Конституции, соответственно, все благоприятные смыслы вокруг Дня Конституции возвышают его как источник успеха. В статьях «Красного знамени» Конституция нередко описывается как «воплощение сталинской мудрости» [9]. Принадлежность Конституции актуализируется в основном с помощью прилагательного «сталинская». Его использование основывается на представлении о том, что Сталин осознал нужды советского народа, закрепил достигнутые благоприятные условия Конституцией и в ответ на это народ «назвал ее Сталинской» [9]. Изображение Сталина появляется в День Конституции на первой странице газеты «Красное знамя» ежегодно вплоть до 1952 г. включительно. Вождь предстает как патриархальный и мудрый глава государства. Таким образом, в советском дискурсе Конституция интерпретируется как завоевание народа и выражение воли Сталина, который характеризуется как «учитель заботы о человеке» [9].

Попытаемся определить основные значения Конституции, какими они предстают в материалах газеты в период с 1937 по 1952 гг. Первым значением Конституции является нормативно-правовое: в рамках этого значения Конституция предстает как «акт», «документ» и «хартия». Данное значение реализуется в таких

пояснительных выражениях, как «величайший документ нашей эпохи», «основной закон нашего социалистического общества», «золотая книга» и т.д. Увеличение частоты употребления слов, ассоциирующихся с данным значением, будет говорить о формализации праздника и/или самой Конституции. Существуют отдельные примеры передачи данного значения с помощью художественных оборотов речи, например, когда Конституцию называют «сокровищницей великих прав и обязанностей советского гражданина» [10]. В каждом отдельном случае создание образа Конституции сопровождается упоминанием законодательного закрепления определенных прав – на отдых, труд, образование, национальное равноправие и т.д. В номере за 1937 г. государственный строй Советского Союза декларируется как «социалистический демократизм», который закрепляет «широкие возможности для участия в управлении государством» [9], а сталинская Конституция оказывается таким образом наиболее демократичной в ее де-юре формате.

Второе значение, которым наделяется Конституция, приравнивает ее к определенной стадии развития советского государства, этапу «грандиозного строительства коммунистического общества» [10]. С помощью этого значения характеризуется находящееся между прошлым и будущим закономерное настоящее – «результат огромных завоеваний социализма», в котором закрепляются достижения прошлой борьбы и открываются «великие возможности будущего» [10]. Конституция предстает как окончательное решение вопросов несправедливости прошлого, в частности – как факт «уничтожения эксплуатации человека» [10]. Она «установила всемирно-исторический факт о том, что СССР вступил в новую полосу развития» [10]. Мы можем отметить, что Конституция занимает в такого рода высказываниях вспомогательное место. Таким образом, отсылка к темпоральному измерению позволяет регламентировать представления о прошлом, настоящем и будущем, что является важной чертой всей советской идеологии.

В третьем значении Конституция манифестируется как средоточие метафизической энергии. Конституция обладает характером мировой универсалии и служит «основой жизни и счастья трудящихся» [10]. Художественный образ превращает материальный документ в трансцендентную ценность. Показательно, что в

выпуске за 1938 г. происходит отождествление Конституции с солнцем [10]. Во время Великой Отечественной войны используется следующая формулировка: «сила побед возвращена Конституцией» [12]. В мирное время «советский народ становится лучше и благороднее под солнцем Конституции» [13]. Таким образом, данное значение обладает метафорическим характером и занимает высокий статус в дискурсе.

Дискурс-анализ выпусков газеты «Красное знамя»

Важной частью нашего анализа является создание периодизации советского идеологического дискурса. Выбранный нами для изучения промежуток времени можно разделить на три периода. Для первого (1936–1939 гг.) характерна индустриальная мобилизация с доминированием рабочей идентичности. Второй период (1940–1945 гг.) – военный, с преобладанием риторики о народе и этничности. Третий период (1945–1952 гг.) характеризуется правовой формализацией Конституции, сопровождающейся доминированием нарратива о противостоянии с капиталистическими державами.

В первый период (1936–1939 гг.) в газетных материалах доминирующее место занимают идентичности, связанные с определенным местом в производственных отношениях. «Трудящиеся» предстают основной категорией общества. Группа позиционируется как целостная, несмотря на территориальную разницу (от Москвы до Владивостока, от Ташкента до Ленинграда). Введение данной категории является попыткой унифицировать этническое, культурное, языковое и любое другое разнообразие для мобилизации и достижения стратегических целей индустриализации советского государства. Конституция служит гарантом успешного трудового процесса. Каждое предприятие, как совокупность трудящихся, встречает День Конституции успехами в выработке плана [10]. Все новости в этот день посвящены продуктивной работе на производстве. Для категории «выдающиеся рабочие» (наиболее выразительные представители – стахановцы) Конституция декларируется как счастье и основа жизни [11]. Таким образом, для трудящихся Конституция фигурирует преимущественно в правовом значении, в то время как для выдающихся рабочих – в символическом.

Мы можем также выделить набор второстепенных (по сравнению с рабочими) идентич-

ностей. Так, представленная инженерами интеллигенция благодаря правам, установленным Конституцией, увеличивается для создания передовой советской промышленности [11]. Гендерная идентичность выражена через категорию «женщины». Посредством Конституции советская власть открыла женщинам путь к образованию, а для матерей Конституция послужила «гарантом обеспечения жизни детей» [10]. Правовая идентичность материализуется через категорию «гражданин СССР», который наделен многообразием прав. Партия упоминается единожды – как организация, которая «взлелеяла» Конституцию [10], из чего следует, что представительство делегировано главным образом Сталину и в меньшей степени – партии.

Следующая группа идентичностей связана с этническим разнообразием. Категория «советский народ» – наиболее значительная в данной группе. В дискурсе постулируется, что власть принадлежит народу, и именно он назвал Конституцию «сталинской». «Народ русский» прошел через освобождение от «завесы мрака и невежества» с помощью Конституции [11]. В данном случае мы видим, что этническое позиционируется как отстающее, в то время как советский народ наделяется характеристиками передового. То же самое мы наблюдаем при упоминании представителей коренных народов. Так, отдельный сюжет в газете воспроизводит интервью с представителем тазов о празднике. В данном разделе газеты коренные народы представлены с ориенталистской точки зрения – как отсталые и не знающие спряжений русского языка люди (например, «тазы хорошие люди, надо чтобы таза были богатые» [9]). Конституция для них является чем-то, что «таз даже во сне не видал» [9].

В рамках первого периода наибольшую ценность для советского дискурса представляют «трудящиеся», носители наиболее прогрессивной идентичности. Процесс советского строительства нации включает в себя апроприацию советским дискурсом дореволюционного представления о народах, разнообразие которых затмевается понятием «советский народ». Остальные группы обладают второстепенным значением, их упоминание маркирует следующие задачи государственного управления: выработка региональной идентичности через сюжеты о трудовых достижениях в Приморском крае и на Дальнем Востоке в целом; постановка

гендерного вопроса и создание женских «трудовых ресурсов»; выработка правового сознания у населения за счет внедрения категории «гражданин СССР». Таким образом, создаются и закрепляются нужные для дискурса идентичности. Конституция предстает «зеркалом», в котором отражаются официальные представления о различных идентичностях.

Анализ этого набора идентичностей позволяет выявить несколько точек напряжения. Во-первых, противостояние обычного рабочего и выдающегося. Для всех трудящихся Конституция играет роль основы жизни, однако для выдающихся она дополнительно является источником внутренней энергии и мотивации. Как пишет С.Н. Ушакова, образ стахановца, т.е. выдающегося рабочего, был частью системы формирования новых ценностей советского общества, которые на тот момент не были артикулированы в должной степени [23, с. 184]. Во-вторых, можно выявить определенный конфликт между категориями «русский народ» и «советский народ». «Русский народ» наделяется негативными архаичными характеристиками в противовес «советскому народу», который выступает передовым. В-третьих, проблематичной предстает ориентализированная презентация коренных народов, которые оказываются как бы за пределами категории «советский народ». В-четвертых, можно увидеть скрытый конфликт между идентичностями рабочего и крестьянина. Несомненно, для этого времени важной категорией населения остается крестьянство, которое, однако, не упоминается отдельно в связи с тяжелым и насильственным процессом коллективизации. С помощью категории «трудящиеся» дискурс объединяет «забывших» крестьян и «нужных» рабочих. Индустриальная мобилизация требует огромных усилий со стороны идеологического аппарата в части выработки нужных идентичностей – реализацию этих усилий мы можем наблюдать на страницах газеты «Красное знамя», рассчитанной на властные структуры и читающих рабочих.

В рамках второго периода (1940–1945 гг.) актуализируется военизированная мобилизация советского государства в условиях советско-финской и Второй мировой войны. Происходит постепенное внедрение национально-освободительных сюжетов в дискурс. В тяжелый для советской государственности период поражений эта тенденция усиливает-

ся. Среди различных групп идентичностей на первый план выходит национальная. Основной унифицирующей категорией остается «советский народ», который характеризуется «многонациональностью» и борется с врагом «под знаменем Сталинской Конституции» [12]. При этом ведущая роль в этой борьбе принадлежит русскому народу. В дискурсе на время закрепляется дореволюционная идея доминирования великороссов в многонациональном государстве [2, с. 158–159].

Идентичности, связанные с положением в производственных отношениях, упоминаются в этот период по сравнению с предыдущим гораздо реже, обладая иным, вспомогательным, статусом. Категория крестьянства встает на один уровень с рабочими. Крестьянство представляется как важная трудовая прослойка, необходимая для ведения успешных боевых действий. Интеллигенция упоминается лишь однажды, по-прежнему оставаясь второстепенным элементом конструирования идентичностей на фоне рабочих и крестьян. Конституция в дискурсе этого периода налагает на трудящихся обязанности соблюдения трудовой дисциплины и бережного отношения к общественной собственности [12]. В целом дискурс эпохи военной мобилизации в наибольшей степени тяготеет к презентации целостности и единства, воплощенных в категории «народ». Несмотря на частое использование образа врага в этот период [5, с. 27], в артикуляции значения Конституции он не используется.

Третий период (1945–1952 гг.) можно охарактеризовать как этап послевоенного восстановления в условиях биполярной геополитической ситуации. Следует отметить периодическое упоминание о Конституции как официальном документе, она все реже фигурирует в символическом значении. В это время происходит формализация как статуса Конституции, так и самого праздника в ее честь. В мирный восстановительный период актуализируются задачи укрепления массового правового сознания. Благодаря доминированию нормативно-правового значения Конституции на первый план среди идентичностей выходит категория «гражданин СССР». Использование данной категории, как правило, сопровождается сюжетами о выборах, суде и иных видах активного участия граждан в общественной жизни. Важное место в советском дискурсе этого периода занимают депутаты и их участие в политическом процессе.

Им, как наиболее успешным и важным членам общества, посвящено множество сюжетов.

Одним из ключевых факторов укрепления единства в послевоенном дискурсе служит яркий образ внешнего врага в лице капиталистических государств. После 1945 г. актуализируется нарратив о противостоянии с капиталистическими странами. Конституция, защищая в первую очередь права советских людей, расширяет свою зону действия до масштабов всего мира. Так, в номере от 5 декабря 1949 г. говорится, что она «сияет над миром», в результате чего «сотни миллионов рабочих и крестьян, мужчин и женщин, рабов и полурабов в странах капитализма» получают возможность увидеть «ужас своего положения» [14]. Следовательно, являясь достижением советского государства, Конституция трактуется как общемировая демократическая и правовая ценность. В рамках идеологической войны «Конституция вдохновляет весь мир против сил реакции и мракобесия» [15]. Празднование Дня Конституции СССР освещают в Китае, Болгарии, Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии, ГДР и т.д. [15].

В отличие от первого периода, в котором категория «рабочие» представлена максимально унифицировано, в данный период происходит диверсификация рабочих по отраслям. Ежегодно в номерах газеты, приуроченных к празднику, упоминается множество предприятий, которые «отметили День Конституции увеличенной выработкой» [15]. В производстве участвуют «предприятия» и «комбинаты» как групповые идентичности. Авторы «Красного знамени» по-особенному выделяют «шахтеров» и «горняков» [15; 16]. Учитывая территориальный контекст, упоминаются сюжеты о «рыбниках» и «перевозчиках» в Дальневосточном пароходстве, используются объединяющие формулировки «команда», «бригада», «коллектив» [15; 16]. В сфере сельского хозяйства работают «колхозники», «участники совхозов» и «механизаторы» [15; 16]. Сельскохозяйственные работники представлены лишь как участники коллективов. Категория «научных работников» занимает привилегированное положение, они «вооружены теорией марксизма-ленинизма» и участвуют в воспроизводстве технической базы [14].

Идентичности, маркируемые понятиями «советский народ» и «братство великих народов» (русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне

и др.) [14], присутствуют на страницах газеты лишь при упоминании победы в Великой Отечественной войне. Несколько раз упоминается идеологема «советские люди», качества которых «расцветают под солнцем Конституции» [13]. Особое внимание уделено малым народам, которые в довоенный период характеризовались как архаичные: с 1945 г. гольды, удэгейцы, тазы, нанайцы упоминаются как «полноправные и готовые к трудовой жизни» [14]. В материалах газеты также фигурируют возрастные группы, которые получают блага благодаря Конституции: «дети» и «пионеры» обладают правом на образование, «пенсионеры» – правом на отдых и обеспечение в старости [14].

После смерти И.В. Сталина происходит десакрализация образа вождя. Так, в выпуске газеты от 5 декабря 1954 г. вместо традиционного изображения лидера появляется фотография Кремля [17]. Партия становится основным источником власти. В номере за 1956 г. Конституции посвящено лишь два сюжета, связанных с выборами и достижениями советского государства [18].

Заключение

Таким образом, через различные значения Конституции советская идеология конструировала в дискурсивном поле важные для власти идентичности людей. Советский дискурс успешно адаптировался к различного рода вызовам, а в кажущейся постоянной структуре идеологии происходили постоянные изменения тактического характера. В периоды общественной мобилизации количество позиционируемых идентичностей сокращалось для унификации и сплочения общества – так произошло во время индустриализации и Великой Отечественной войны. Периоды, требующие комплексного развития общества, напротив, сопровождалась расширением перечня позиционируемых идентичностей при сохранении доминирующих. Несмотря на постоянное изменение статуса Конституции и приписываемых ей значений, прослеживается общая тенденция, которая заключалась в постепенной десакрализации данного документа и посвященного ему праздника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Laclau, E. and Mouffe, C., 2001. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London: Verso.

2. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект, 2009.

3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2009.

4. Генкин Д.М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975.

5. Гридина И.Н. Советский дискурс накануне и во время Второй мировой войны // Приволжский научный вестник. 2011. № 3. С. 25–30.

6. Гурин К.Е. Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф // XVII Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (20–21 марта 2014 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 185–192.

7. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Ж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

8. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009.

9. Красное знамя. 1936. 5 декабря.

10. Красное знамя. 1938. 5 декабря.

11. Красное знамя. 1939. 5 декабря.

12. Красное знамя. 1943. 5 декабря.

13. Красное знамя. 1947. 5 декабря.

14. Красное знамя. 1949. 5 декабря.

15. Красное знамя. 1950. 5 декабря.

16. Красное знамя. 1951. 5 декабря.

17. Красное знамя. 1954. 5 декабря.

18. Красное знамя. 1956. 5 декабря.

19. Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 54–68.

20. Матвеев И.А. Политико-дискурсивный анализ Эрнесто Лаклау // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 69–74.

21. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013.

22. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

23. Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013.

24. Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012.

REFERENCES

1. Laclau, E. and Mouffe, C., 2001. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London: Verso.

2. Brandenberger, D.L., 2009. Natsionalbol'shevism. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.) [National bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956]. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

3. Budaev, E.V. and Chudinov, A.P., 2009. Lingvisticheskaya sovetologiya [Linguistic sovietology]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU. (in Russ.)

4. Genkin, D.M., 1975. Massovye prazdniki [Mass holidays]. Moskva: Prosveshchenie. (in Russ.)

5. Gridina, I.N., 2011. Sovetskii diskurs nakanune i vo vremya Vtoroi mirovoi voiny [Soviet discourse before and during World War II], Privolzhskii nauchnyi vestnik, no. 3, pp. 25–30. (in Russ.)

6. Gurin, K.E., 2014. Analiz diskursov kak sposob izucheniya sotsial'nykh struktur, identichnostei i protsessov v teorii Ernesto Laklo i Shantal' Muff [Discourse analysis as a method for studying structures, identities and processes in the theory of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe]. In: XVII Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya» (20–21 marta 2014 g., g. Ekaterinburg). Ekaterinburg: UrFU, 2014, pp. 185–192. (in Russ.)

7. Jorgensen, M.V. and Phillips, L.J., 2002. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis as theory and method]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr. (in Russ.)

8. Keep, J. and Litvin, A., 2009. Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya [Stalinism. Russian and Western views at the turn of the millennium]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

9. Krasnoe znamya, 1936, December 5. (in Russ.)

10. Krasnoe znamya, 1938, December 5. (in Russ.)

11. Krasnoe znamya, 1939, December 5. (in Russ.)

12. Krasnoe znamya, 1943, December 5. (in Russ.)

13. Krasnoe znamya, 1947, December 5. (in Russ.)

14. Krasnoe znamya, 1949, December 5. (in Russ.)

15. Krasnoe znamya, 1950, December 5. (in Russ.)
16. Krasnoe znamya, 1951, December 5. (in Russ.)
17. Krasnoe znamya, 1954, December 5. (in Russ.)
18. Krasnoe znamya, 1956, December 5. (in Russ.)
19. Laclau, E., 2009. Populizm [Populism], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, no. 3, pp. 54–68. (in Russ.)
20. Matveev, I.A., 2009. Politiko-diskursivnyi analiz Ernesto Laclau [Ernesto Laclau's political discourse-analysis], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, no. 3, pp. 69–74. (in Russ.)
21. Musikhin, G.I., 2013. Ocherki teorii ideologii [Essays on the theory of ideologies]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)
22. Rolf, M., 2009. Sovetskie massovye prazdniki [Soviet mass festivals]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
23. Ushakova, S.N., 2013. Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funktsionirovaniya stalinskogo rezhima: novye podkhody i istochniki [Ideological and propaganda campaigns in the functioning of the Stalinist regime: new approaches and sources]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
24. Shapovalov, S.N., 2012. Genezis sovetskikh gosudarstvennykh prazdnikov na Kubani v 1918–1930-e gg. [The genesis of Soviet public holidays in the Kuban, 1918 – the 1930s]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t. (in Russ.)

УДК 321

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-2/117-127>

В.А. Подольский*

УЧЕНИЯ Ф.Р. ДЕ ЛАМЕННЕ И Ф. ЛЕ ПЛЕ: ДВА ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX В.

В статье рассматриваются социальный католицизм и корпоративизм как два направления политической философии во Франции, в наибольшей мере отражающие развитие социальной политики в этой стране. Автор исследует социальную проблематику в интеллектуальном наследии священника и публициста Ф.Р. де Ламенне, который перешел от консервативных взглядов к радикальным, и инженера и социолога Ф. Ле Пле, который обосновал французский феодальный традиционализм с помощью научного подхода.

Ключевые слова: Ф.Р. де Ламенне, Ф. Ле Пле, социальная политика, политическая философия, консерватизм, корпоративизм

The theories of Félicité de Lamennais and Frédéric Le Play: two approaches to social policy in French political philosophy of the XIXth century. VADIM A. PODOLSKIY (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article focuses on social Catholicism and corporatism as two doctrines within French political philosophy that reflect the development of social policy in this country to the greatest extent. The author explores social issues in the intellectual heritage of Félicité de Lamennais, a priest and a publicist, who moved from conservative ideas towards radicalism, and that of Frédéric Le Play, an engineer and sociologist, who substantiated French feudal traditionalism with the help of scientific approach.

Keywords: Félicité de Lamennais, Frédéric Le Play, social policy, political philosophy, conservatism, corporatism

Французская политическая философия в XIX в. уделяла много внимания проблемам, связанным с социальной политикой. Для современной науки ценно изучение размышлений французских авторов о государственной активности, роли социальных сил и закономерностях в сфере социальной поддержки, в том числе

для оценки структуры, эффективности и перспектив преобразования институтов. Цель данной статьи – проанализировать ключевые идеи французских мыслителей, чьи рассуждения сопровождали и предвосхищали становление одной из наиболее масштабных систем социальной политики в мире. Для анализа развития

---

* ПОДОЛЬСКИЙ Вадим Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

E-mail: deomniscibili@yandex.ru

© Подольский В.А., 2023

французской политической философии, социальной доктрины католической церкви, логики социальной политики во Франции в статье будут рассмотрены взгляды Фелисите де Ламенне (1782–1854), основателя социального католицизма, и Фредерика Ле Пле (1806–1882), представителя корпоративизма.

Философские, социальные, экономические и религиозные идеи де Ламенне и Ле Пле хорошо изучены во французской науке, описано их место в развитии социального католицизма [11; 12]. Из последних трудов историков может быть отмечена работа Эме Решара, который указывал, что де Ламенне предшествовал Марксу, защищая рабочих и бедных. Ришар описал биографию, публицистическую деятельность де Ламенне, его попытки улучшить качество катехизаторской работы священников, сложные отношения с Римом и политическую активность. В книге о де Ламенне показана его роль в привлечении социальной проблематики в центр внимания христианских мыслителей, его влияние на ту линию рассуждений, которые привели к созданию папой Римским Львом XIII энциклики «О новых делах» в конце XIX в. и определили позицию католической церкви относительно социальных вопросов [8].

Историк Жан-Люк Буасезон в сборнике, посвященном Фредерику Ле Пле, предпринял попытку осмыслить место Ле Пле в развитии консервативной идеологии. Он показал связь его идей с учением Сен-Симона, провел параллели с идеями де Бональда и Эдмунда Берка, а также подчеркнул роль Ле Пле в становлении корпоративистского направления французского консерватизма второй половины XIX в. Буасезон описал политическую биографию Ле Пле и продемонстрировал изменение взглядов мыслителя и его административную активность, отношение его современников к его деятельности и идеям. Исследователь также реконструировал логику, которой руководствовался Ле Пле, когда излагал свои предложения о реформах и вслед за Монтескье указывал, что изменения производят не только законы, но и нравы [9]. В работе Магелона Нувеля изучены предложения о социальной реформе Ле Пле в их идеологическом, политическом, социальном и экономическом контекстах, а также его роль в развитии социологии. Нувель рассмотрел разработку методов Ле Пле, приобретение им репутации социального исследователя и дебаты относительно социальной

проблематики, последовавшие за публикацией его работ [20].

Число англоязычных сочинений, посвященных де Ламенне и Ле Пле, невелико: они фокусируют внимание на радикальных идеях де Ламенне [21] и традиционализме Ле Пле [10]. На русский язык в дореволюционный период были переведены такие работы де Ламенне, как «Слова верующего» [4] и «Современное рабство» [5]. Историки С.А. Котляревский и Н.П. Анциферов изучали наследие де Ламенне в начале XX в., и с тех пор исследований о его творчестве не издавалось [2]. Известный консерватор К.П. Победоносцев перевел и прокомментировал работу Ле Пле «Основная конституция человеческого рода» [6] в конце XIX в. Позднее в России о Ле Пле в основном выходили статьи по социологии семьи.

Политические и религиозные взгляды де Ламенне менялись на протяжении его жизни. В юности он индифферентно относился к религии. Под влиянием своего брата, который был аббатом, он стал священником [7], но в основном занимался философией, повторяя идеи Руссо об общей воле, и публицистикой, принесшей ему популярность. В годы реставрации он приблизился к консервативному романтизму в духе Шатобриана. Королевскую власть, впрочем, он воспринимал инструментально, как средство защиты церкви. В 1820-е гг. он уже не был сторонником монархии. Де Ламенне видел в либерализме средство создания конкурентной интеллектуальной среды как условия для торжества католицизма. Он критиковал галликанство, считая Рим гарантом стабильности, единства и порядка. Он возражал против контроля государства над церковью [21, р. 44–46] и назначения государством епископов и считал, что церкви следовало отказаться от получения государственных выплат, чтобы приобрести свободу [21, р. 80–81]. В своем раннем «Эссе о безразличии к религии» он защищал абсолютную духовную власть Папы [8]. Для популяризации своих идей де Ламенне создал образовательное учреждение и издавал газету. В 1830-е гг. перешел к критике деспотизма [21, р. 54–57], придерживался республиканских и демократических взглядов [21, р. 70]. Его активность воспринималась роялистами как угроза, а римский престол в середине XIX в. поддерживал монархии. Канцлер Австрии Меттерних использовал дипломатию для давления на газету де Ламенне. Католические издания

критиковали де Ламенне за несоблюдение иерархии [21, р. 110–114]. Он пытался обратиться к Риму за поддержкой, но папа осудил его доктрины, хотя де Ламенне был одним из главных представителей ультрамонтанства во Франции. Из-за продолжения критики со стороны католических газет де Ламенне ожесточился и опубликовал работу «Слово верующего» с осуждением королей и притеснителей бедных [21, р. 131–145] и призывами к восстанию против несправедливости во имя Евангелия [8]. После этого Рим опубликовал критику непосредственно де Ламенне и его доктрины «общего разума» как антипода папского авторитета [21, р. 140]. Де Ламенне удалился от католической церкви, сохранив христианские идеи. Был депутатом в Национальном собрании 1848 г. [8]. По мере изменения мировоззрения де Ламенне социальная проблематика занимала все более значимое место в его иерархии ценностей. Начав с попыток защитить религию в постреволюционной Франции, он перешел к проблемам свободы и справедливости [21, р. 39].

Де Ламенне следует за Руссо и утверждает, что равенство естественного состояния было нарушено при создании государства из-за злоупотреблений лиц, наделенных властью [14, р. 73–75], а причина социальных бедствий в том, что высшие сословия не выполняли делегированные им обществом обязанности по управлению, а принимали законы, обеспечивавшие их материальное благополучие, и защищали свои права за счет имущества и прав народа [14, р. 22]. Де Ламенне убежден, что материальных благ в мире достаточно, а нищета масс – следствие изъятия плодов их труда привилегированными сословиями [14, р. 18]. Он воспроизводит рассуждение Иоанна Златоуста о разделении народа на богатых и бедных [3, с. 554–566], указывая, что трудящиеся создают продукты, используемые богатыми, которым пришлось бы трудиться самим, если бедные вдруг исчезли бы. Трудящиеся, по его мнению, и составляют народ [14, р. 27]. При упразднении привилегий, рассуждает де Ламенне, трудящиеся станут хозяевами мира [14, р. 173], в том числе благодаря численному превосходству [14, р. 33]. Он защищает свободу экономической деятельности [14, р. 185], но критикует эгоизм либерализма *laissez-faire*. По его мнению, общество эгоистов, воспеваемое английскими экономистами, обречено. Если каждый будет предоставлен сам себе, то не сможет

воспользоваться своими правами. Нуждающиеся останутся без помощи. «Вдова, сирота, больной, немощный, будут покинуты, никакой взаимной помощи, никакой бескорыстной доброты», – пишет де Ламенне [14, р. 43–44]. Положение трудящегося будет хуже, чем у раба, имевшего еду и кров [14, р. 19]. Эгоизм мешает задаче человека – устроить царство свободы, равенства и братства на земле [14, р. 33]. Де Ламенне считает, что без структурных изменений усилия частных лиц по перераспределению благ не приведут к исправлению фундаментального принципа несправедливости [14, р. 35]. Он скептически относится к такой устоявшейся форме социальной поддержки, как богадельни, считая их элементом несправедливой организации общества и лишь слабым утешением при крайней нужде [14, р. 20]. Де Ламенне говорит о праве на прожиточный минимум [21, р. 95]. По его мнению, право на жизнь и свободу человек имеет от Бога [14, р. 41], а для сохранения общества необходимо сочетание прав, которые освобождают, и обязанностей, которые объединяют [14, р. 46].

Он критиковал оба направления традиционалистской легитимизации патернализма во Франции: и идею королевской власти, и идею родовой аристократии. Несмотря на заверения в отеческой заботе государя, сохраняются нищета, угнетение и произвол, пишет де Ламенне. Он рассуждает: «Все люди рождаются равными, и, следовательно, независимыми друг от друга: никто, попадая в этот мир, не приносит с собой право повелевать. Если бы всякий был бы изначально обязан подчиняться воле другого, не могло бы существовать ни моральной свободы, ни свободного выбора действия; не существовало бы ни преступления, ни добродетели, поскольку добродетель зависит от свободного выбора между добром и злом» [14, р. 68–70]. Люди равны по природе и не имеют господина, кроме Бога [14, р. 56]. Единственным сувереном он считает народ и убежден, что бунт народа ради восстановления своих прав допустим. Само словосочетание «бунт народа», по его мнению, – это оксюморон, поскольку суверен восстает не против себя, а против угнетателей [14, р. 73–75]. Считая народ дикарем, неспособным к законодательной деятельности и управлению, власти оправдывают свои привилегии и притеснение народа и противоречат духу братства, заповеданному Богом. Разделение на патрициев и плебеев, по-

явление королей произошло после возникновения народа, рассуждает де Ламенне, и первичность народа как источника привилегий и законов очевидна. Право народа состоит в том, чтобы им никто не правил, продолжает он [14, р. 79–82]. Де Ламенне защищает равноправие как необходимый атрибут порядка, но допускает экономическое неравенство вследствие природной разницы способностей, изменения состояний из-за трудолюбия, разумности, активности, экономии. И такое неравенство, пишет де Ламенне, справедливо, поскольку применение способностей индивида для улучшения его благосостояния – условие общего благополучия [14, р. 169–170].

До того как удалиться от церкви де Ламенне считал, что именно она должна быть агентом социального обновления. Он надеялся, что священники обеспечат улучшение отношений между рабочими и работодателями, призывал католиков направлять демократические и социальные усилия масс [21, р. 92–96], предвосхищая идеи Эмиля Келлера [19, р. 10], указывал, что экономические проблемы населения привели к снижению их религиозности [21, р. 147], и призывал государство обеспечивать свободу объединений и заботиться о бедных для распространения католицизма [21, р. 95]. Свобода без католицизма – это своеволие и хаос, рассуждал он [21, р. 82]. Религию он считал основой общества, благодаря ей возможны подчинение, общественный мир, единство и свобода. Христианам, пишет де Ламенне, мир обязан отменой рабства, развитием морального чувства, смягчением манер и законов, развитием науки, ростом благосостояния [14, р. 149–150]. Для сохранения общества оно должно быть выстроено по божественным правилам, убежден он [21, р. 39–40]. Церковь освобождала человека от подчинения любому государству, идущему против божественного закона [21, р. 55], и, по мнению де Ламенне, должна была служить обществу [21, р. 96].

Позднее де Ламенне воспринимал служение обществу уже как самодостаточную цель. Отсылая к общей воле как источнику суверенитета, он использует коллективистские категории. Стране, пишет де Ламенне, принадлежит все, чем является человек, и все, что у него есть – сердце, руки, блага и даже жизнь [14, р. 135]. Он призывает к преодолению эгоизма и на национальном уровне и превращению братского общества в союз всего человечества [14, р. 91].

Де Ламенне считает, что из-за эгоизма правительства порочны, а эти пороки ведут к войнам и бедствиям. Если все будут защищать свои права и исполнять свои обязанности, то, пишет он, «человеческая раса более не будет собственностью немногих хозяев, а земля не будет их исключительным наследством. Все разделят блага, предназначенные провидением для всех» [14, р. 168]. Бедствия прекратятся, а оставшиеся станут менее тягостными, убежден де Ламенне, у всех будут телесная и духовная пища [14, р. 83]. Он считает, что большая часть преступлений происходит из-за голода, и они исчезнут, когда исчезнет голод. Также должно смягчиться законодательство, поскольку, по мнению де Ламенне, жестокость наказаний не возмещает ущерба обществу, а милосердные законы смогут стать средством для просвещения и исправления пагубных последствий неравенства и неблагоприятных условий [14, р. 176–180].

Политическая организация общества согласно его подлинной природе и христианскому равенству прав, восстановление суверенитета народа, упразднение искусственного неравенства, связанного с привилегиями и монополиями, и преодоление предрассудков с помощью общего разума останоят борьбу интересов, обеспечат справедливость и защитят права всех, в том числе свободных ассоциаций. Восстановление, которого Бог велит желать, будет осуществляться через материальный, интеллектуальный и моральный порядок, пишет де Ламенне. Высвобождение производительных сил приведет к естественному, равномерному и справедливому распределению и возрастанию капитала, доступности средств производства для всех, надлежащему вознаграждению за труд, росту производства, развитие науки – к улучшению качества продукции, моральное развитие – к естественному справедливому распределению. Будет распространяться знание и восстановится религия.

Несмотря на радикализм демократических идей де Ламенне, многие его ценности оставались консервативными. Он писал, что состояние общества изменится не сразу, резкие изменения связаны с насилием, которое, вместо преобразования, разрушит общество [14, р. 168–171]. Консервативным было и его отношение к семье. Атака против брака, его единства и святости – это нарушение законов природы, писал он. Дети усваивают нрав, добродетели и пороки родителей. Дети обязаны заботиться о родителях в старости. Семья, говорит де Ламенне, так

же постоянна, как общество, она его первичный элемент [14, р. 111–126].

Де Ламенне считает, что все люди – члены одного тела и должны быть движимы одной душой, относиться к каждому, как к своей плоти. Повторяя рассуждения Василия Великого [1, с. 630], де Ламенне указывает на обязанности человека: «Если твой брат голоден, ты должен ему еду, в которой он нуждается; если он наг, лишен крыши, дома, ты должен ему одежду и приют, если он болен, ты должен ему заботу». Де Ламенне призывает «бороться с несправедливостью по отношению к другому с той же твердостью и постоянством, как если бы она была направлена на вас». Он пишет: «Пусть сирота найдет в тебе отца, вдова и старик – опору, странник – гостеприимного хозяина. Будь глазами незрячим и ногами хромым». Всякий, по мнению де Ламенне, должен поддерживать ближних, чтобы те могли предоставить поддержку в ответ. Уважать жизнь, свободу, ответственность других, помогать ближним сохранять и развивать их [14, р. 107–109].

Общества, по де Ламенне, могут быть легитимны и процветать, только если они основаны на равенстве и братстве [14, р. 130], взаимном доверии, честности и моральном поведении, а также на мудрой экономии. Несправедливость и недобросовестность, праздность и невоздержанность разрушают общество [14, р. 164–165]. Создание привилегированных классов означает преступный захват власти. Чтобы знать, каковы законы, говорит де Ламенне, стоит взглянуть, кем они сделаны. Если их создают немногие, то они будут действовать в пользу немногих [14, р. 132–133], давать богатым выгоду от труда бедных, которые становятся еще беднее [14, р. 171]. Для торжества демократии нужен баланс между богатыми и бедными [21, р. 94]. Когда народ восстановит свои права, общество должно быть организовано так, чтобы «каждый, преследуя собственный интерес в рамках общего блага, был всегда готов посвятить себя всем членам общей семьи, которые, в свою очередь, также готовы посвятить себя каждому» [14, р. 37]. Человечество не может существовать без взаимного обмена благами, необходимо объединяющее действие закона милосердия, пишет он [14, р. 44]. Человек должен отождествлять себя с ближним, не только воздерживаться от зла, но и творить благо, помогать ближним. Страдания на земле неизбежны, но они должны облегчаться [14, р. 91–106].

Де Ламенне был первым представителем социального католицизма [21, р. 95]. Круг его сторонников в 1830-е гг. был достаточно широк. Он затрагивал социальные и политические проблемы, получившие особую актуальность во второй половине XIX в. [21, р. 148], в частности, запрос на католическую партию [21, р. 85] и попытки католиков примирить рабочих и работодателей, одновременно содействуя укреплению церкви. Его рассуждения на столетие предвосхитили становление движений христианских демократов. В основном пожелания де Ламенне сводятся к неопределенной благотворительности, то есть проблемы он формулировал яснее, чем их решения. Он не предлагал проводить перераспределение от имущих к неимущим [14, р. 171], его идеи о реформах включали в себя развитие местного самоуправления, отделение церкви от государства, улучшение образования и благосостояния масс. Он говорил о необходимости щедрости, отказе от эгоизма. Реальных контактов с народом Ламенне не имел [21, р. 91–96], в отличие от Ле Пле, который выстроил свою теорию на основе многочисленных интервью с рабочими в нескольких странах Европы.

Ле Пле получил техническое образование и совмещал свои социальные исследования с изучением металлургии и горного дела. В отличие от де Ламенне, он не менял взгляды, к которым пришел в ходе первых экспедиций для сбора сведений о жизни рабочих. Хотя он не использовал строгий статистический инструментарий [13, р. 424], его методология предвосхитила позитивистский подход. Опираясь на идеи Декарта, Ле Пле разработал научный метод наблюдения и сбора социальных данных [10, р. 77] и строил обобщения о политических, социальных и экономических закономерностях [6, с. 10]. Ле Пле также имел опыт организационной работы: по его инструкциям трудилось 45 000 человек на предприятиях на Урале, которые он посещал во время своей экспедиции в Россию [13, р. 412].

Ле Пле не признавал насилие и потому не принимал революцию 1789 г. [10, р. 110], хотя к революции 1848 г. отнесся скорее с симпатией, работал в комиссиях по положению рабочих и высшему образованию [10, р. 13], разрабатывал систему подготовки госслужащих [9]. В 1860-е гг. участвовал в комиссиях по местному самоуправлению, промышленности, жилью, трудовым отношениям [10, р. 71], был сенатором [10, р. 17]. После революции 1848 г. Адольф Тьер за-

прашивал у Ле Пле создание проекта социальной реформы, а незадолго до конфликта Франции с Пруссией Ле Пле обсуждал с Наполеоном III варианты решения социальных проблем. Он получал просьбы распространять свое учение и написал книгу «Социальная реформа», а в 1872 г. учредил «Союзы социального мира» для выстраивания отношений между работодателями и работниками [13, р. 413–417] одновременно с другими известными корпоративистами – графом Альбером де Меном и маркизом Ла Турдю Пенем [19, р., 15].

Книга «Социальная реформа» содержит анализ лучших практик как ориентиров для преобразований. Суть реформы Ле Пле определяет как восстановление обычаев времен процветания и подражание обычаям образцовых обществ [15, р. LXXIX]. Он цитирует Библию, Токвиля, Монтескье. Его рецепты близки к английскому консерватизму и предполагают ограничение полномочий государства и обуздание страстей с помощью христианской морали. Модели реформ Ле Пле берет из протестантских стран, предлагая децентрализацию, местные суды, приватизацию, в том числе школ, дерегулирование. Литературный критик Сен-Беве называл Ле Пле «обновленным, прогрессивным и научным Бональдом», хотя сам Ле Пле прочитал Бональда, лишь услышав это мнение Сен-Беве [9]. В рассуждениях Ле Пле есть ряд общих с де Бональдом идей, кроме сильного монархизма. Ле Пле скорее следует за Буленвилье, подчеркивая роль аристократии. И Ле Пле, и де Бональд говорят о собственности как гаранте социальной стабильности. Ле Пле называет естественную аристократию, наиболее влиятельные семьи в той или иной общине, «социальными властями» и повторяет идеи Бональда о важности заботы феодала о подданных. Вслед за Томасом Карлейлем Ле Пле утверждал, что ответственность руководителей за благосостояние подчиненных – это главное условие общественного мира. Руководители должны гарантировать подчиненным прожиточный минимум и не могут, как то советуют английские экономисты, оставить их на произвол экономических законов [10, р. 109]. Отношение к труду лишь как к товару, на который действуют законы спроса и предложения, создает пауперизм и конфронтацию между классами. Ле Пле указывает, что англичане разрушили патриархальные связи между работником и мастером. Они опирались на ложные теории и считали, что производство

улучшится при сокращении социальных обязательств [17, р. 163–164]. Ле Пле считал, что английские законы о бедных неэффективны, а также не могут быть единственной защитой от голода в условиях нестабильной экономики [10, р. 89]. Из-за развития промышленности и перемещения в города работники лишились приемлемого жилья, церкви, школ, периодически теряли работу из-за кризисов, пострадала мораль работников, и даже при росте зарплат они оставались в нищете из-за приобретенных дурных привычек. Работники оказались вне общих законов, утратили выгоды религии, собственности и семьи [17, р. 159–164]. По мнению Ле Пле, важнейшее качество руководителя – предусмотрительность, для сохранения рабочих во время экономического спада [10, р. 127]. Он равно не доверял *laissez-faire* и излишнему госрегулированию [10, р. 100], хотя допускал выгоды от вмешательства государства [10, р. 43] и поддерживал британские фабричные законы [10, р. 91], ужесточившие требования к безопасности производства и ограничивавшие рабочие часы.

По наблюдениям Ле Пле, на Востоке из-за косвенных благ благосостояние и защищенность были выше при более низких зарплатах. Он упоминает Россию, где крепостные получали от помещиков землю, право использовать лес для охоты, рыбалки и заготовления древесины, от церкви – образование, медуслуги и помощь. Пожилых и немощных защищали феодалы и семьи [10, р. 80–85]. Семья – важнейший элемент социальной философии Ле Пле. Он критиковал французский закон, ограничивавший права разделения собственности между наследниками, за вред мелким землевладельцам и подрыв авторитета отцов [10, р. 74]. Отцовская власть, по мнению Ле Пле, сохраняла обычай. Из-за недоверия к человеческой природе Ле Пле видел в традициях защиту от социальных катастроф. Социальный мир достигается правящей элитой, заинтересованной в общем благе. Прогресс или упадок народов не предопределен. Если аристократия могла сохранять общество во время изменений, то эти изменения могли пойти на благо, пишет он. Хотя Ле Пле был убежден, что социальный мир обеспечивался иерархической системой [10, р. 105–109], он поддерживал меритократию, а не привилегии [10, р. 41], в отличие от Буленвилье. Он писал, что здоровые общества связывают почести и социальные преимущества не с богатством, но с полезными

функциями, предопределившими возвышение тех или иных семей [16, р. 191].

Обобщения Ле Пле выводит из опыта Швеции, которая, по его мнению, лучше других стран позаботилась, чтобы вызовы индустриализации меньше затрагивали работников. Работники были свободны, но и защищены. Государство вмешивалось, но умело. Сочеталось промышленное производство и мелкая земельная собственность [10, р. 87]. По мнению Ле Пле, работодатель должен был заботиться о работниках, обеспечивать проживание, образование, больничные и пенсию [10, р. 30]. Попечение должно было распространяться и на всех жителей общины, зависевшей от его фабрики [10, р. 47]. Предложения социальной реформы Ле Пле включали в себя использование постоянных, а не краткосрочных контрактов, договоренности о зарплатах по обычаю, а не рыночному торгу, защиту от выселения и защиту для женщин, диверсификацию экономики, обязательные страховые и сберегательные схемы. Последние, по сведениям Ле Пле, обеспечивали большую часть сбережений рабочих [10, р. 116]. По его мнению, задачей работодателя было поддерживать дисциплину и мораль [10, р. 48]. Он считал, что обществу нужны как большой бизнес – для развития технологий, так и малый – для социального мира. Государство могло бы достичь баланса, распределяя контракты. Он предпочитал малые компании, поскольку считал, что цель работы – добродетель, а не богатство [10, р. 112–113], и настаивал на дисциплине низкого потребления [10, р. 108]. Цель цивилизации он видел в росте интеллектуального и морального наследия [10, р. 48]. Ле Пле отмечал разрыв между развитием технологий и морали. Сильнейшим средством социального контроля была сила обычая, и угроза промышленного строя состояла в том, что он сокрушал обычай [10, р. 101–102]. От бедности исторически защищали патриархальность, когда молодые семьи опекались старшими, общинная собственность и контроль руководителей [17, р. 168]. Нищета на Западе – следствие упразднения этих факторов [17, р. 156].

Две силы – свобода и равенство – действуют в противоположных направлениях, указывает Ле Пле: экономическая свобода усиливает неравенство. Ле Пле пишет: «В наше время один из главных источников неравенства исходит из свободы, вносимой без поправок, вытекающих из морального закона, в отношения собствен-

ности и труда. Эта свобода проявилась, прежде всего, в обособлении различных классов. Превеличенное и часто усиленное неслыханными революциями, оно в настоящее время создало в Европе неравенство, невиданное при старых социальных режимах». Пауперизм как тип неравенства [17, р. 154] – это рана, вызванная грехами руководителей и рабочих, а ее исцеление – в объединении и уважении к моральному закону, а не материальному механизму взаимной выгоды [17, р. 16]. Ле Пле говорит, что руководители должны помнить об обязательствах, связанных с их привилегиями, и обеспечивать нуждающихся хлебом насущным [6, с. 107]. Из-за неисполнения элитами обязательств многие жители Британии обнищали до варварского состояния, повторяет Ле Пле мысль Бенджамина Дизраэли [17, р. 164]. Французская революция – следствие утраты знатью функции попечения о подданных, убежден Ле Пле [6, с. 214]. Он указывает на природное неравенство между людьми и отмечает, что предусмотрительность и умеренность сильных могут превращаться в жестокосердие, гордыню и эгоизм [17, р. 136–137], когда они забывают о необходимости следовать нравственному закону, что приводит к расколу общества [6, с. 71–72]. По мнению Ле Пле, выполнение заповедей декалога необходимо для благосостояния общества, наряду с экономической свободой, невмешательством властей [6, с. 102] и семейной собственностью [6, с. 207].

Как и де Бональд, Ле Пле считает, что семейное воспитание – наиболее значимое, поскольку передает базовые ценности, а именно трудолюбие, умеренность, бережливость, уважение к преданию предков, заботу о потомстве, привязанность к семейной собственности [6, с. 33]. Ле Пле относится к идее всеобщего обязательного образования отрицательно. Он предвосхищает логику американского консерватизма XX в. и говорит, что оплаченное из налогов неправильно называть бесплатным. Если образование бесплатно, это значит, что за него налогами заплатили не только богатые, что могло бы считаться справедливым, но и бедные. В отличие от де Бональда Ле Пле не поддерживает государственное вмешательство в образовательные программы, называя его подавляющим. Он считает, что школы появляются спонтанно, когда на производстве возникает потребность в грамотных рабочих. Ле Пле пишет: «Свободные инициативы и финансовая заинтересованность семей будут более эффек-

тивны в этом вопросе, чем обязательность и свободный доступ» [17, р. 84–85]. Вслед за де Бональдом Ле Пле поддерживает идею свободных корпораций, занимающихся образованием, и указывает на американские университеты как положительный пример [17, р. 98]. Он приветствует закон, разрешавший участие католических конгрегаций в образовании [9]. Также Ле Пле развивает идею де Бональда и утверждает, что священник значит для воспитания больше, чем школьный учитель, а обучение ремеслу в ходе трудовой деятельности важнее усвоения теорий в школе [17, р. 62–65]. Ле Пле пишет: «Предвидение не есть природная предрасположенность... но зависит от практики жизни. Среди господствующих причин, которые указывает наблюдение, мы должны поставить на первое место воспитание, данное семьей и профессией, привычки, переданные учреждениями и нравами, и, прежде всего, побуждения свободной воли, данные нравственным законом» [17, р. 132–133]. Моральные силы, происходящие из религии, собственности, семьи, труда и ассоциации, формируют умы и подавляют зло [17, р. 153]. Академическое же образование без социального дает ложные идеи, разрушающие общество [10, р. 111]. Вслед за Монтескье [9], Берком и де Местром Ле Пле говорит, что обычаи при управлении обществом эффективнее законов. Христианство примиряет, поощряя предусмотрительность и любовь к ближнему [17, р. 137]. Чтобы религиозная проповедь обеспечивала результат, следует опираться не на ограничения, как при старом режиме, рассуждает Ле Пле, а на целеустремленность и моральную высоту миссионеров [17, р. 41].

Религиозность Ле Пле была скорее ветхозаветной. Люди нуждаются в хлебе насущном и моральном законе, уверен он [10, р. 118]. Исполнение закона десяти заповедей обеспечивает и каждой семье, и всему обществу мир [6, с. 210], то есть покорность Богу и родителям, наличие насущного хлеба [6, с. 152], почтительные отношения работодателей и подчиненных [6, с. 206]. Если же общество оставляет закон Бога, оно теряет гармонию, благосостояние и безопасность [15, р. LXXX]. Патриархальные отношения защищают закон, священники в нем наставляют, власти – следят за его исполнением и наказывают за неисполнение. Пока все верны своему долгу, общество благоденствует, иначе наступает состояние бедственное или даже гибельное, пишет Ле Пле [6, с. 211].

В отличие от Руссо Ле Пле считает, что человек изначально склонен ко злу и воспитание должно учить его избегать дурного [6, с. 26]. Молодежь больше уязвима для порока [10, р. 119]. Авторитетный пример морального поведения – лучшее средство для сохранения добра и исправления зла в обществе [6, с. 37], пишет он. Как и консерваторы начала XIX в., Ле Пле критикует философов за убежденность во врожденном совершенстве человеческой природы, пренебрежение к преданию, веру в непрерывный общественный прогресс и борьбу против основ общественного строя [6, с. 193]. Ле Пле категорически не согласен с правом на восстание и говорит, что революция создала мятежный дух, который привел к всплеску насилия [6, с. 186] и подорвал благотворное воздействие духа покровительства [6, с. 211]. Правитель терял право на власть из-за коррупции, но это не давало права на восстание, считал Ле Пле [10, р. 110]. Человек склонен злоупотреблять властью, богатством, знанием, примером чего была пропаганда права на восстание. [10, р. 101]. «Напрасно ложные друзья дают рабочим надежду на возможность улучшить свое положение без поддержки господствующих классов», – пишет Ле Пле [17, р. 17]. Они винят высшие классы за эгоизм и хотели бы наложить на них обязательства помогать, отказав им в праве направления и контроля [17, р. 162]. Большинство всегда недалековидно и инстинктивно подчиняется предусмотрительному меньшинству, которое любит труд, производящий богатство, и умеет сберечь [17, р. 132–135]. Ле Пле указывал, что революция рушила неформальные нити, укрепляя репрессивные внешние структуры общества [10, р. 117].

В отличие от де Бональда Ле Пле не предполагает большой роли государства в социальной политике, хотя и указывает, что защита нуждающихся – ключевая функция государства [6, с. XXVII]. Он пишет, что при любой социальной организации необходимо помогать тем, кто не может обеспечивать свои семьи. На Востоке эта проблема решается принудительными обязательствами, а на Западе – добровольными [17, р. 4]. Ле Пле симпатизировал самоорганизации рабочих и профсоюзам [10, р. 89], но корпоративную социальную политику поддерживал только отчасти. Он писал: «Корпорации, предназначенные для помощи несчастным, необходимы... но они далеко не полностью полезны. Некоторые из них даже

усугубляют вред, придавая бедности эндемический характер и маскируя настоящие средства исцеления паллиативами... Корпорация, не знающая подробностей жизни семей, которым нужно помочь, во многом остается бессильной». Бюрократизация помощи уничтожает ее главный социальный смысл, рассуждает он, поскольку богатый, финансируя благотворительные организации без контакта с нуждающимися, теряет сочувствие к бедным, а бедный не может отплатить организации почтением и благодарностью. Корпорации тратят на административные вопросы средства, предназначенные получателям [17, р. 8–10]. Семейную помощь больным и немощным он считает естественной и наилучшей [18, р. 228], поскольку корпорации, в том числе религиозные, скорее вредят, когда берут на себя те обязательства, которые должна выполнять семья [6, с. 217], и особенно когда приобретают привилегии [17, р. 3]. Также социальная активность корпораций делает бедность нормой [17, р. 8], позволяя выживать без труда. Ле Пле отмечает положительный вклад обществ трезвости [17, р. 46], а наилучшим вариантом корпоративной помощи считает содействие работодателей в приобретении работником собственности [17, р. 12]. Государство, убежден он, должно предоставлять поддержку только тогда, когда не срабатывают механизмы семьи или корпораций [6, с. 44]. Один из вариантов – организация домов для душевнобольных [18, р. 229]. Исправление социальных бедствий, по мнению Ле Пле, возможно лишь если восстановится соблюдение нравственного закона, а рабочие будут следовать примеру достойных руководителей, станут собственниками и будут избавлены от тягот бедности [17, р. 18]. Хотя Ле Пле приводит пример Средних веков как эпохи социального мира, когда благосостояние низших классов гарантировалось взаимной зависимостью руководителей и работников, обязанностями работодателей по помощи семье работника [15, р. LXXV], он не призывает вернуть феодализм полностью, что разрушило бы свободу труда [17, р. 23] и исключило бы превращение всех семей в собственников, но полагает, что свободу капитализма с безопасностью феодализма могло бы примирить умелое лидерство [10, р. 103].

Ле Пле называли звеном между доиндустриальным обществом и социальным государством. Наиболее близок он был к британским

тори-филантропам первой половины XIX в., которые, выражая недоверие к государству, использовали его, чтобы снизить вред от неограниченного индивидуализма, и объединились с радикалами, чтобы принять фабричные законы [10, р. 117–118]. Ле Пле повлиял на британского социолога Чарльза Бута, известного исследователя положения бедных в Англии начала XX в. [10, р. 135]. Рассуждения Ле Пле об обязанностях руководителей, учете неформальных структур, ответственности промышленности за формирование общества повлияли на Элтона Мэйо и американскую бизнес-школу [10, р. 138–139]. Буасезон отмечает, что американский консерватор Роберт Низбет, сторонник местного самоуправления, фактически повторял Ле Пле. Некоторые патриархальные идеи Прудона и Ле Пле похожи [9]. Ле Пле симпатизировал идеям Фурье о малых независимых кооперативных коммунах [10, р. 7]. Социализм и Маркса Ле Пле критиковал за мнение, что конфликт между работодателями и работниками неизбежен [10, р. 115].

Между подходами де Ламенне и Ле Пле существует ряд различий, в том числе в философских и методологических основаниях их социальных и политических учений. Де Ламенне отсылает к идее общественного договора, а Ле Пле опирается на наблюдения за бытом различных обществ. Де Ламенне апеллирует к Евангелию, а Ле Пле – к декалогу. Де Ламенне использует категории Руссо об общей воле и главным актором считает общество, а для Ле Пле основной субъект социальных процессов – это семья. Оба указывали на фундаментальную роль семьи, оба были скептически к организованной благотворительности, а Ле Пле уточнял, что функции базовой социальной защиты должна выполнять семья, обладающая собственностью. И де Ламенне, и Ле Пле критикуют эгоизм и убеждены в том, что благосостояние общества зависит от следования нравственным законам, в первую очередь, милосердия. Оба автора, критикуя британский либерализм за разрушительное воздействие принципа *laissez-faire* на общество, защищали свободу экономической деятельности. И де Ламенне, и Ле Пле говорили о необходимости правильного функционирования учреждений для противостояния злу. Де Ламенне полагал, что для решения социальных проблем требуется радикальное переустройство общества, демократизация институтов и устранение противодействия злону-

меренных акторов, что обеспечит работу естественных законов. Ле Пле указывал на личную ответственность и выполнение вышестоящими своих обязательств по отношению к нижестоящим в рамках сложившейся иерархии, и считал бунты недопустимыми. Оба автора предлагают не столько конкретные рецепты, сколько общую схему преобразований – восстановление феодального патернализма у Ле Пле и демократизацию у де Ламенне.

Благодаря де Ламенне и Ле Пле возросла роль социальной тематики в политической философии Франции. Если Ле Пле следовал за де Бональдом и Буленвиле, защищая корпоративную ответственность, то де Ламенне повторял идеи Руссо, что общественные проблемы решит демократизация и торжество «общей воли». Активность де Ламенне и Ле Пле предшествовала развитию социальной доктрины католической церкви и становлению социального государства во Франции. После де Ламенне о социальном служении церкви рассуждал Эмиль Келлер, а корпоративные идеи Ле Пле отчасти повторяли граф Альбер де Мен и маркиз Ла Тур дю Пен. Сочетание двух подходов – идеи нравственной ответственности и исполнения религиозных предписаний и идеи обеспечения социального мира через исполнение руководителями своих обязательств – определило особенности социальной политики во Франции, сохраняющиеся по сей день, то есть этику солидарности при обосновании мер поддержки, множество субъектов и программ, семейную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василий Великий. Творения: в 2-х т. Т. 1. Москва: Сибирская благовонница, 2009.
2. Захарченко О.В., Иванова Т.Н. Оценка идей французского проповедника Ламенне в трудах С.А. Котляревского // Исторический поиск. 2020. Т. 1. № 1. С. 66–74.
3. Иоанн Златоуст. Творения: в 12-ти т. Т. 12. Кн. 2. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1906.
4. Ламенне Р. Слова верующего к народу. СПб., 1873.
5. Ламенне Р. Современное рабство. Нижний Новгород: Сеятель, 1905.
6. Ле Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. М.: Синодальная типография, 1897.
7. Смирнов Д.В. Ламенне // Православная энциклопедия. Т. 39. М.: Православная энциклопедия, 2015. С. 735–743.
8. Aimé, R., 2016. Lamennais. Le révolté, 1782–1854. Perpignan: Artège.
9. Boissezon, J.-L.C., 2007. La réinvention du conservatisme Le Play dans l'histoire des idées politiques. In: Savoye, A. and Cardoni, F. eds., 2007. Frédéric Le Play: parcours, audience, héritage. Paris: Presses des Mines, pp. 113–156.
10. Brooke, M.Z., 1970. Le Play: engineer and social scientist: the life and work of Frédéric Le Play. London: Longman.
11. Duroselle, J.-B., 1951. Les débuts du catholicisme social en France, 1822–1870. Paris: Presses Universitaires de France.
12. Gubert, R. and Tomasi, L. eds., 1994. Le catholicisme social de Pierre Guillaume Frédéric Le Play. Milano: Franco Angeli.
13. Higgs, H., 1890. Frédéric Le Play. The Quarterly Journal of Economics, Vol. 4, no. 4, pp. 408–433.
14. Lamennais, F., 1839. People's own book. Boston: C.C. Little & J. Brown.
15. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 1. Tours: Alfred Mame et fils.
16. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 2. Tours: Alfred Mame et fils.
17. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 3. Tours: Alfred Mame et fils.
18. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 4. Tours: Alfred Mame et fils.
19. Martin, B.F., 1978. Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
20. Nouvel, M., 2009. Frédéric Le Play. Une réforme sociale sous le Second Empire. Paris: Economica.
21. Stearns, P.N., 1967. Priest and revolutionary: Lamennais and the dilemma of French Catholicism. New York: Harper and Row Publishers.

REFERENCES

1. Basil of Caesarea, 2009. Tvoreniya: v 2-kh t. T. 1 [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moskva: Sibirskaya blagovonnitsa. (in Russ.)
2. Zakharchenko, O.V. and Ivanova, T.N., 2020. Otsenka idei frantsuzskogo propovednika Lamenne v trudakh S.A. Kotlyarevskogo [The evaluation of the ideas of the French priest Lamennais in the works of S.A. Kotlyarevskiy], Istoricheskii poisk, Vol. 1, no. 1, pp. 66–74. (in Russ.)
3. John Chrysostom, 1906. Tvoreniya: v 12-ti t. T. 12. Kn. 2 [Works: in 12 vols. Vol. 12. Book 2]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya. (in Russ.)

4. Lamennais, F., 1873. Slova veruyushchego k narodu [Words of a believer]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
5. Lamennais, F., 1905. Sovremennoe rabstvo [Modern slavery]. Nizhny Novgorod: Seyatel'. (in Russ.)
6. Le Play, F., 1897. Osnovnaya konstitutsiya chelovecheskogo roda [The essential constitution of humanity]. Moskva: Sinodal'naya tipografiya. (in Russ.)
7. Smirnov, D.V., 2015. Lamenne [Lammenais]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 39. Moskva: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2015, pp. 735–743. (in Russ.)
8. Aimé, R., 2016. Lamennais. Le révolté, 1782–1854. Perpignan: Artège.
9. Boissezon, J.-L.C., 2007. La réinvention du conservatisme Le Play dans l'histoire des idées politiques. In: Savoye, A. and Cardoni, F. eds., 2007. Frédéric Le Play: parcours, audience, héritage. Paris: Presses des Mines, pp. 113–156.
10. Brooke, M.Z., 1970. Le Play: engineer and social scientist: the life and work of Frédéric Le Play. London: Longman.
11. Duroselle, J.-B., 1951. Les débuts du catholicisme social en France, 1822–1870. Paris: Presses Universitaires de France.
12. Gubert, R. and Tomasi, L. eds., 1994. Le catholicisme social de Pierre Guillaume Frédéric Le Play. Milano: Franco Angeli.
13. Higgs, H., 1890. Frédéric Le Play. The Quarterly Journal of Economics, Vol. 4, no. 4, pp. 408–433.
14. Lamennais, F., 1839. People's own book. Boston: C.C. Little & J. Brown.
15. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 1. Tours: Alfred Mame et fils.
16. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 2. Tours: Alfred Mame et fils.
17. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 3. Tours: Alfred Mame et fils.
18. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 4. Tours: Alfred Mame et fils.
19. Martin, B.F., 1978. Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
20. Nouvel, M., 2009. Frédéric Le Play. Une réforme sociale sous le Second Empire. Paris: Economica.
21. Stearns, P.N., 1967. Priest and revolutionary: Lamennais and the dilemma of French Catholicism. New York: Harper and Row Publishers.

Ю.В. Черновицкая*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ГЛОБАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНФРАСТРУКТУР

Статья посвящена социальным и правовым аспектам функционирования коллективного субъекта познания на примере мегасайенс-проектов. Автор рассматривает их основные характеристики, организационно-правовые формы, нормы правового регулирования их деятельности, а также затрагивает вопрос о трансформации современного права под влиянием цифровых вызовов.

Ключевые слова: глобальные исследовательские инфраструктуры, мегасайенс-проекты, персонализация, алгоритмизация, машиночитаемое право

Social and legal aspects of global research infrastructures. YULIA V. CHERNOVITSKAYA (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article deals with the social and legal aspects of the functioning of the collective subject of knowledge using the case of megascience projects. The author examines their main characteristics, organizational and legal forms, the norms of legal regulation of their activities, and also raises the issue of the transformation of modern law under the influence of digital challenges.

Keywords: global research infrastructures, megascience projects, personalization, algorithmization, machine-readable law

Современное общество постоянных (непрерывных) социально-экономических трансформаций, глобальных процессов, совершенствования техносферы и сетевых сообществ, фундаментальных научных прорывов и технологий, образуя особые сегменты мирового сообщества, испытывает потребность в изменении регулятивных норм. Эти процессы затрагивают и сферу мегасайенс-проектов (функционирование коллективного субъекта познания), так как общественные отношения, формирующие сферу мегасайенс, имеют многофакторный, комплексный порядок. Они включают в себя и трудовые, и финансово-экономические, и имущественные, и правовые отношения. Про-

исходит эволюция права, специалисты отмечают «наличие “точек роста” новых направлений в эволюции права, в их числе дегуманизация права, его машинизация, персонализация и натурализация» [19, с. 8].

Глобальная экономика, наука, технологии приводят к качественному усложнению отношений, регулируемых правом. При этом стандартные правовые механизмы не справляются с решением возникающих проблем. Новые общественные отношения, нарастающие противоречия межличностного, внутри – и межгосударственного, социосферного, природно-экологического характера приводят не только к изменению содержания права, но и к

---

* ЧЕРНОВИЦКАЯ Юлия Вячеславовна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии РАН.

E-mail: juchische@rambler.ru

© Черновицкая Ю.В., 2023

изменениям формы, системы права [17] и даже его мировоззренческих основ [4, с. 24, 72]. Существуют обоснованные прогнозы трансформации механизма правообразования [18, с. 23].

Современным обществом активно используется коллективная организация труда, авторами научных разработок (особенно в фундаментальных науках) становятся целые коллективы ученых, научные коллаборации. Научное сообщество выступает как коллективный субъект познания, представляющий собой социальный феномен: это сообщество специалистов, групп, корпораций в какой-либо области знания или нескольких областях, возможно, с переменным составом и разным количеством участников, возможно, без четкой геолокации. Требуется решения ряд вопросов: о коллективном субъекте познания – его определении, границах, мобильности и изменчивости, о новом типе авторства коллективного субъекта познания, формах и распределении ответственности за результаты его деятельности, о разработке нормативного аппарата, регулирующего эти процессы.

«...Трансформируется понимание мышления как некоего свойства, присущего индивидуальному сознанию, то есть как принципиально личностного образования... Понятие коллективного мышления приобретает вполне реальные черты, – считает В.В. Миронов, – потому что индивид может подключить свое мышление к огромной базе данных» [7, с. 85]. В более широком смысле любое новое знание, создание новой парадигмы – это процесс, требующий коллективных усилий.

Цифровая культура предлагает нам огромный массив данных, благодаря современным технологиям мы имеем доступ к результатам деятельности глобальной коммуникационно-информационной сети, сталкиваясь при этом с различными эпистемологическими проблемами, изменением парадигмы научного поиска, проблемами отбора, идентификации, верификации информации, сменой типа деятельности человека, все больше выступающего теперь не генератором, а лишь виртуозным (или не очень) пользователем идей и информации, которую ему удалось получить, систематизировать, переработать. Появляются технологические, коммерческие, социально-политические механизмы, регулирующие доступность информации. «Речь идет о так называемом “информационном коконе”, под которым понимается создаваемая для пользователя алгоритмом поисковых сетей

выборка, основанная на его запросах и их внутренней логике, действуя зачастую в интересах не истины, а рекламы или цензуры» [10, с. 32].

Изменяется правовая система, регулирующая появившиеся собственные системы ценностей и социальные ориентиры сетевых обществ, правила поведения человека. Часто такая система ценностей не соответствует привычным оффлайновым методам регулирования правоотношений, а также отношений социальных и этических.

«Право, – утверждает Т.Я. Хабриева, – является частью текущих социально-экономических трансформаций, выступает не только их инструментом, но и объектом, демонстрирующим динамику его различных сторон». Изменения, связанные с развитием антропосферы, ориентация на технологическое развитие порождают в праве конкуренцию «гуманитарного и технического (инженерно-технического) правопонимания, ценностей традиционалистской и техногенной цивилизации, текстуально изложенной и “машинизированной” нормы, нормативного и индивидуального (персонализированного) регулирования, юридической нормы и программного алгоритма, человеческого и нечеловеческого, человеческого и трансчеловеческого (гуманизма и трансгуманизма)» [19, с. 8].

Деятельность человека все больше стала поддаваться алгоритмизации, это касается как социальных сетей, различных электронных сервисов, так и сфер социальной жизни в части управленческих, правоприменительных, надзорных решений. Человек, выходя в интернет, подключаясь к глобальной сети, к глобальной информационной коммуникации, нажимая на клавиши, становится частью общего механизма, системы и все больше зависит от алгоритмизированных технологий Big Data. Право реагирует на данные тенденции такими механизмами регуляции, как персонализация, машинизация права и др.

Идея персонализации права, наиболее применимая в сферах наследственного, договорного права, законодательства в сфере раскрытия информации, имеет намерение распространения на право в целом. Прежде всего, ее реализация стала возможной в связи с изменениями в технологической сфере, такими как значительный рост объема собираемых и хранимых данных (Big Data), и с распространением информационно-коммуникационных систем, позволяющих

отдельным лицам пользоваться доступной информацией и таким образом быть связанными с остальным сообществом (Big Link).

Персонализация подразумевает разработку, реализацию и использование индивидуализированных правовых норм, созданных на основе обработки данных о конкретном лице. Самым популярным примером персонализированного права является возможность вождения автомобиля с учетом персональных особенностей вождения, стажа, возраста и т.п. «Умный» автомобиль, смартфон или иное смарт-устройство посредством алгоритма выберет правильную стратегию вождения для конкретного индивида. Также, например, доступ к информации о состоянии организма, скажем, о беременности, сердечно-сосудистых заболеваниях и т.п., может стать полезным и оправданным, если индивиду при покупке лекарств и продуктов, пользовании инфраструктурой и т.п. будет специально указываться на возможные нежелательные последствия несоблюдения им рекомендованных при его состоянии мер предосторожности. Впервые идею о правовых нормах, приведенных в соответствие с условиями рынка и индивидуальными характеристиками его участников, высказал Ян Айрес, который еще в 1989 г. предпринял попытку разработать теорию «оптимальной индивидуализации» (см. об этом: [8, с. 59]).

Персонализация права при возможных положительных составляющих имеет ряд спорных моментов. И, прежде всего, это касается соотношения с фундаментальными правами человека (принципом равенства, запретом дискриминации, защиты персональных данных и личной информации), особенно в цифровую эпоху. В частности, правовые документы (см., напр.: [24]) указывают на опасность ущемления свободы мнений, права на неприкосновенность частной жизни из-за наличия процессов цифровизации, упрощающих правительствам, организациям и физическим лицам сбор, отслеживание, перехват и использование информации.

Еще одним негативным последствием является образование «кастомизированного» общества, «кастомизированного» регулирования для различных объектов или даже участников правоотношений. На активное формирование кастового общества в связи с персонализацией социального регулирования в публичной сфере также указывают и другие исследователи [2,

с. 52]. Примером этого служит система социального рейтинга в Китае. Ф. Бендер указывает на две концепции становления персонализированного права: одна из них опирается на волю и предпочтения индивидов, другая принимает за источник права политические соображения [22, р. 52].

Вызывает опасения и неспособность человека проследить, объяснить, предсказать логику алгоритма и его работу. Особенно если это касается таких тесно связанных с личным областей, как здравоохранение или безопасность. «В обычных условиях образованный человек может понять, как закон функционирует, обратившись к официальному тексту. Вместе с тем персонализированный закон может быть представлен в виде алгоритма и сложного набора взаимосвязанных, взаимоотсылающих норм. Это может вызвать необходимость обладания новыми навыками (например, в сфере науки о данных или программирования)» [8, с. 67].

Данная практика «дегуманизирует человека, упрощая его до ограниченного набора характеристик, выраженных в виде переменных, вводимых в прогнозную модель алгоритма» [14, с. 174–195], а также может привести к ущемлению прав человека, социальному неравенству. Содержание и объем данных персонализированного права наполняется и контролируется экспертами в области IT-технологий, контролирующими алгоритмы. «Таким образом, может возникнуть порочный круг, когда персонализация на основе скрытых алгоритмов может приводить к ущемлению права человека на информацию, а обеспечение их прозрачности – к получению необоснованной выгоды и социальному неравенству» [8, с. 70]. Взаимосвязанные, взаимоотсылающие нормы, алгоритмы персонализированного закона могут создать условия для масштабного планирования, контроля поведения большого количества индивидов или даже коллективов и рассмотрения индивида исключительно с точки зрения его полезности.

Обратимся к другому направлению в эволюции права – механизации права. Механизация (или алгоритмизация) права подразумевает использование в правовом регулировании алгоритмов, идентичных алгоритмам компьютерных программ. На современном этапе идет активное формирование машиночитаемого права. «Оно может включать набор юридически значимых метаданных, необходимых для

формулирования и описания правовых норм в достаточном для решения практических задач объеме, а также алгоритмы, применяемые для каких-либо форм работы с правовыми документами или с нормами права» [3], основная задача которых – оптимизация использования человеческих ресурсов, а также использование технологий искусственного интеллекта и обработки больших данных. Данные функции сыграли бы положительную роль в работе глобальных исследовательских инфраструктур, осуществлении мегасайенс-проектов. Максимально автоматизированные, качественные условия для проведения исследований, оцифрованная информация результатов исследований необходимы в условиях конкуренции групп и коллабораций за опубликование прорывных, уникальных результатов своей работы.

Согласно концепции АНО «Цифровая экономика», «наибольшим потенциалом для перевода в машиночитаемый формат обладают документы в сфере технического регулирования и стандартизации по ключевым направлениям цифровой экономики, в особенности – стандарты в сфере обмена данными и контроля их содержимого» [12, с. 49–50]. Все, что поддается структурированию и формализации, может быть переведено в электронный вид и обработано при помощи алгоритмов с целью максимального исключения действий людей, автоматизации производства. Это электронный документооборот, обработка и хранение персональных данных, медицинская информация и информация, используемая в образовании, алгоритмы защиты прав потребителей при совершении дистанционных сделок, мониторинг процессов обмена информацией между устройствами с помощью технологий интернета вещей, автоматизация предоставления сервисов умного города, государственных услуг и др. Активно используемые в настоящее время чат-боты и помощники также представляют собой созданные на основе обработки больших массивов данных нейросети. Уже давно используются методы обработки данных интеллектуальными системами без участия человека, например, электронная подпись, в которой запрограммирована полная информация о ее обладателе и его полномочиях, система умных договоров в договорном праве, язык разметки юридических соглашений (Legal Agreement Markup Language), использующийся для выражения структуры документа.

Машиночитаемое право как новая форма права имеет ряд особенностей и рисков, на которые стоит обратить внимание. Прежде всего, необходимо учесть, что машиночитаемое право по-прежнему формируется и применяется человеком. Автоматизация создает риски некорректного распознавания обстоятельств правонарушения, в том числе из-за сбоев и ошибок, риски необъективности решений из-за опоры алгоритма на принятые ранее им же неправомерные решения, ложной идентификации личности и обстоятельств.

Как становящаяся отрасль машиночитаемое право из-за отсутствия проверенных подходов и алгоритмов деятельности характеризуется отсутствием предсказуемости точных результатов деятельности. Кроме того, «существует риск неконтролируемого воспроизведения ошибок, что требует постоянного участия человека в отладке построенной на машинном обучении онтологии и мониторинге возможных ошибок при работе интеллектуальных систем, использующих указанную онтологию» [12, с. 17].

Человек может стать участником правоотношений или быть ошибочно привлечен к ответственности (правда, то же самое не исключено и в обычной правовой практике). Исследователи обращают внимание на недопустимость использования только формальной логики в алгоритмах машиночитаемого права, так как это может привести к напряженности в обществе. Кроме того, человеку как участнику правоотношений должны быть ясны механизмы принятия решений, затрагивающих его интересы. Механизмы, отслеживающие логику принятия решения человеком, основываясь на историческом опыте, законодательной базе и прочих факторах, и механизмы, рассматривающие алгоритмы принятия решений искусственным интеллектом, особенно в части оспаривания обвинительных заключений, без учета человеческого фактора, различны. Только понимая, что представляют собой данные, на основе которых вынесено решение, и каким образом они получены, можно выстроить линию защиты или убедиться в их правомерности. Поэтому функция принятия решения о справедливости того или иного наказания должна сохраняться за человеком. Примечательно, что гражданам предоставлено право отказать быть субъектом полностью автоматических решений [23]. Машиночитаемое право – результат деятельности коллектива специалистов, обладающих как

инженерными навыками и навыками программирования, так и знаниями в области юриспруденции, логики, философских и практических аспектов права, основывающихся на исторических и культурных контекстах, обычаях и деловых практиках человечества. Это особенно актуально, когда «правосубъектностью наделяются так называемые цифровые сущности, технические устройства, функционирующие на основе программных продуктов (роботы)». Допускается определение «особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе» [19, с. 9]. Тогда, как считает В.В. Миронов, появляется следующая проблема: «будет ли искусственный интеллект признавать равноправным человеческий интеллект или он будет вытеснен на периферию как не особо нужный?» [7, с. 92]. Нужен ли будет сам человек, если человеческий фактор мешает правильному функционированию механизмов? Проблема самоидентичности человека остается актуальной и в мире информационного капитализма, «где источниками власти служат анонимные сети и средства массовой коммуникации. ... Мир отождествляется с сетью, и те (люди, организации, страны), кто оказался вне сети, лишаются мирового “гражданства”, в определенном смысле не существуют» [4, с. 36].

Появляются новые правовые стандарты, автономизируются сетевые сообщества, развиваются собственные ориентиры и системы ценностей, регулирующие поведение в сети, в интернет-сообществах. Программные алгоритмы и продукты все больше участвуют в механизмах социальной регуляции и практически составляют их основу. Подобные процессы носят глобальный характер, отдельные суверенные государства или региональные власти не способны определять политику, контролировать поведение в Сети. «Развитие электронных способов передачи информации привело к ослаблению контроля государства над своими границами, его способности обеспечивать исполнение закона в пределах своей территории» [4, с. 20]. С точки зрения исследователей, в современном мире понятие суверенитета стало неустойчивым.

Развивается идея о стремлении современных государств к надгосударственным образованиям. Например, эта тенденция прослеживается в научной сфере в образовании мегасайенс-проектов, которые являются крупнейшими надгосударственными научными комплексами,

создаваемыми в рамках широкого международного сотрудничества. Понятие проекта класса «мегасайенс» утвердилось в начале XXI в. и подразумевает долгосрочный проект, включающий как проектирование, так и строительство, испытания, введение в эксплуатацию, усовершенствование, использование оборудования для получения научных результатов, внедрение и использование научных открытий и разработок, развитие на базе основного проекта дополнительных ветвей исследования. «На всех этапах мегасайенс-проектов различными субъектами с различным правовым статусом осуществляется, помимо исследовательской, организационная, финансовая, контрольная, трудовая и иные формы деятельности. Все указанные группы общественных отношений требуют четкого нормативного оформления» [15, с. 53]. При этом пока еще не существует единого определения глобальных исследовательских инфраструктур. Достаточно полным представляется следующий вариант определения: «Это сооружаемые и эксплуатируемые в порядке международного сотрудничества (коллаборации) государств, международных организаций и иных акторов, не обладающих международной правосубъектностью (государственные агентства, научные институты, финансирующие учреждения), физически крупные, дорогостоящие, уникальные по своим техническим характеристикам комплексы оборудования, предназначенные для долгосрочных научных исследований, направленных на получение новых прорывных знаний, существенно дополняющих или изменяющих представления о действительности» [6, с. 131].

Ученые отмечают, что в законодательстве Российской Федерации не содержится определения категории уникальной научной установки класса «мегасайенс», а термин «уникальная научная установка» скорее совпадает с определением одного из видов глобальной исследовательской инфраструктуры. Также пока отсутствует «единая система нормативных правовых актов:

- регламентирующих деятельность субъектов (ученых, научных организаций, государств) в рамках реализации проектов класса “мегасайенс” и особенности их правового статуса;
- определяющих организационно-правовые формы в рамках международных и национальных научных коопераций;
- выявляющих особенности бюджетного и внебюджетного финансирования уникальных

научных установок класса «мегасайенс» за счет российских и зарубежных источников» [9, с. 41].

Мегасайенс как достаточно новое, но при этом активно развивающееся и актуальнейшее направление научного взаимодействия (общественной жизни) проходит этап становления правовых отношений. В разных странах существуют разные стратегии развития правовых аспектов мегасайенс (см. об этом, напр.: [21]). Так, именно понятию «мегасайенс» уделяется внимание в законодательстве Нидерландов и Чехии; в России данный феномен обозначается категорией «крупные исследовательские инфраструктуры», во Франции – «очень крупные исследовательские инфраструктуры», в Австралии – «знаковые исследовательские инфраструктуры» и т.д. Некоторые исследования указывают (см., напр.: [6, с. 138–139]), что кроме уникальности (научной, технической, инженерной), масштабности (например, диаметр туннеля Большого адронного коллайдера (БАК) – 27 км, он проходит под землей на территории двух стран, только один из его детекторов (CMS) весит 12 500 т), затратности (например, затраты только на постройку БАК и его детекторов составили 4 332 млн швейцарских франков, затраты на постройку Международного термоядерного экспериментального реактора (ИТЭР) в настоящее время оцениваются в 17 млрд евро), долгосрочности (например, проектирование ИТЭР началось еще в 1980-х гг., в 2006 г. подписана Конвенция о его строительстве, которое началось в 2010 г. На сегодня ориентировочный срок получения первой плазмы – 2025 г.), направленности на получение новаторских прорывных знаний об окружающем мире, человеческом разуме, существенно дополняющих или изменяющих представления о действительности, крупные исследовательские установки в некоторых странах учитывают также открытость доступа к инфраструктуре и признание уникальности этой установки со стороны вышестоящих органов (например, правительства в Чехии). В Австралии, помимо исследовательских инфраструктур небольших масштабов и знаковых исследовательских инфраструктур особо крупных размеров, решение о создании и финансировании которых принимает правительство, признается также существование наиболее крупной инфраструктуры – глобальной исследовательской инфраструктуры.

Некоторые страны используют уточняющие определения исследовательских инфраструктур. Например, Черногория идентифицирует существование не только крупных, но также средних и малых исследовательских инфраструктур. Польша признает стратегические инфраструктуры и на законодательном уровне стремится не только юридически зафиксировать стоимость объектов мегасайенс в денежном выражении, но и соотнести денежный эквивалент с родом деятельности инфраструктуры. Например, «150 тыс. польских злотых для аппаратуры в группе гуманитарных и общественных наук, а также в группе наук об искусстве и художественном творчестве; 500 тыс. польских злотых для аппаратуры в группе точных и инженерных наук, а также в группе наук о жизни» [21, с. 17].

Во Франции очень крупные исследовательские инфраструктуры и обычные исследовательские инфраструктуры имеют разные источники финансирования, но приоритет, несомненно, имеют международные очень крупные исследовательские инфраструктуры, и для их развития и международного престижа образованы специальные координирующие органы по вопросам мегасайенс на общегосударственном уровне. Аналогичные координирующие советы действуют, например, в Нидерландах, Чехии и других странах. Крупные исследовательские инфраструктуры финансируются из национальных бюджетов, однако даже такие развитые страны, как США, имея финансовый и интеллектуальный потенциал, осознают, что бюджета одной страны недостаточно для финансирования крупных международных установок класса «мегасайенс». Для достижения наибольшей эффективности научных разработок, усиления научного потенциала, распределения расходов, рисков и ответственности в ходе осуществления исследовательских проектов целесообразно привлекать иностранных партнеров, создавать коллаборации, осуществлять международное сотрудничество.

В России с 2011 г. существует Перечень критериев отнесения исследовательских установок к международным научным мегапроектам. Термин «мегасайенс» был закреплен в юридических документах в 2016 г. Шесть проектов в России подходят под определение уникальной научной установки класса «мегасайенс». В настоящее время в нашей стране международные исследования ведутся на четырех уникальных

научных установках класса «мегасайенс»: Комплекс сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов NICA; Международный центр нейтронных исследований на базе высокопоточного реактора ПИК; Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ); источник синхротронного излучения 4-го поколения ИССИ-4. На территории Российской Федерации также функционируют два научных комплекса, в состав которых входит не имеющее аналогов в мире оборудование, относящееся к классу «мегасайенс»: электрон-позитронный коллайдер Super Charm-Tau Factory и исследовательский термоядерный реактор с магнитным удержанием плазмы ИГНИТОР [16, с. 57].

Россия и российские научные организации в порядке международного сотрудничества активно участвуют в следующих проектах класса «мегасайенс», локализованных на территории других государств: Международный термоядерный экспериментальный реактор (ITER); Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах (XFEL); Европейский центр по исследованию ионов и антипротонов (FAIR); Европейский центр синхротронного излучения (ESRF). Кроме того, наша страна с самого начала принимала участие в создании мегасайенс-установки Большой адронный коллайдер (ЦЕРН) и научных исследованиях на ней [15, с. 50].

Современные реалии требуют пересмотра правовых моделей, регулирующих деятельность коллективного субъекта познания, в данном случае – глобальных исследовательских инфраструктур, проектов мегасайенс. Такие модели многообразны, носят комплексный характер, основываются на международном, а также национальном законодательстве, различных нормативно-правовых актах внутри международных научных коллабораций. Регуляция деятельности по созданию и эксплуатации глобальных исследовательских инфраструктур, установок класса «мегасайенс» может принимать различные организационно-правовые формы:

- международные межправительственные организации проектного типа (например, Международный экспериментальный термоядерный реактор) и рамочного типа (Европейская организация ядерных исследований);

- национальные и транснациональные юридические лица, которые также могут быть использованы (и на практике используются) в целях создания интегрированных структур

мегасайенс с участием научных организаций разной государственной принадлежности (например, Европейская гравитационная обсерватория);

- европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры (для общеевропейских инфраструктурных проектов в научно-исследовательских целях) [21, с. 19–25].

Юридические лица (ЮЛ) создаются для совместного использования установок класса «мегасайенс» как альтернатива международным межправительственным организациям. В таком случае правовыми сторонами проекта мегасайенс становятся не сами государства, а их уполномоченные научные организации. «Правовая институционализация проекта мегасайенс в форме национального ЮЛ может осуществляться тремя способами, с заключением международного договора или без такового» [21, с. 22]. Первый способ, отмечает А.О. Четвериков, подразумевает, что заинтересованные государства международным договором утверждают учредительные документы искомого ЮЛ. Таков, например, учредительный договор компании (общества) с ограниченной ответственностью по немецкому праву «ООО Установка Европейского рентгеновского лазера на свободных электронах» (European X-Ray Free Electron Laser Facility GmbH) [21, с. 22–23].

Второй способ предполагает, что международный договор поручает разработку устава искомого ЮЛ уполномоченным научным организациям государств-сторон. Например, один из крупнейших в мире исследовательских реакторов для изучения нейтронов – находящийся во Франции «Институт Лауэ-Ланжевена» – «имеет под собой международно-правовую основу в виде Конвенции между правительством Французской Республики и правительством Федеративной Республики Германия о строительстве и эксплуатации реактора с очень высоким потоком частиц от 19 января 1967 г., к которой в 1974 г. присоединилась Великобритания» [21, с. 23].

Третий способ создания ЮЛ, строящего и эксплуатирующего исследовательскую инфраструктуру, не предполагает заключения международного договора. «В данном случае научные организации государств-участников самостоятельно утверждают учредительные документы ЮЛ в рамках предоставленной им своими государствами институциональной и финансовой автономии» [21, с. 23].

Реже используется формат юридических лиц с ограниченной и неограниченной ответственностью (например, гражданско-правовое общество «Европейский центр синхротронного излучения», подчиняющееся Гражданскому кодексу Франции), а также некоммерческих юридических лиц (например, фонды – такой как исследовательская установка «Немецко-Нидерландские ветряные туннели») [21, с. 26].

Анализируя отдельные правовые аспекты уникальных научных установок класса «мегасайенс», можно выделить ряд моментов. Сфера мегасайенс – активно развивающийся топовый сегмент современной науки, обеспечиваемый механизмами бюджетного регулирования. Возникает необходимость в регулировании общественных отношений, складывающихся на разных стадиях функционирования проекта – от его возникновения до стадии использования результатов. Соответственно, необходимы нормативно-правовые акты, регулирующие сферу мегасайенс-проектов. Требуют отдельного исследования и документального закрепления определения таких терминов, как «научный проект класса “мегасайенс”», «уникальная научная установка класса “мегасайенс”» и др. Отдельному рассмотрению подлежит субъект исследования – автор. Остро стоит проблема авторского права, количественной оценки индивидуального вклада каждого автора, вопрос о признании научного знания результатом работы отдельного сознания или о распределенном характере знания. Понятие организатора или лидера исследования изменилось: если раньше это была наиболее авторитетная и значимая в науке фигура, ответственная за анализ данных, принимающая окончательные решения о публикации полученных результатов, контролирующая и направляющая работу в целом, распределяющая финансирование, то теперь лидерство перешло к корпоративному «исполнительному» или «коллаборационному» Совету, т.е. речь идет о децентрализованном авторстве, которое отражает новые условия производства знания [5].

Еще одна важная проблема в области мегасайенс – как оценить вклад большой науки в социально-экономическое развитие общества? Мегасайенс-проекты требуют колоссальных вложений, в том числе и из государственных бюджетов стран. Государство может участвовать в проекте посредством денежных взносов и поставки оборудования. При этом проводятся фундаментальные исследования с отложенным

эффектом, с работой на перспективу. Данные проекты не подходят под принятые в науке системы отчетности, для них требуется выработка иных, понятных для налогоплательщика норм отчетности, что поможет преодолеть кризис доверия к науке. Например, на деятельность Международной космической станции, являющейся одним из крупнейших международных проектов, к 2021 г. было потрачено около 150 млрд долл. США. В качестве «формальных» научных результатов работы было предъявлено 34 научных публикации и 4 патента, то есть каждая из статей «обошлась» в 4,4 млрд долл. США [1].

По каким критериям оценивается вклад науки в социально-экономическое развитие? Прежде всего, это трансфер технологий: показателем эффективности научной деятельности может служить количество технологий, реально работающих производств, инновационных решений. Кроме того, компании, занятые в реализации таких мегапроектов, как, например, ЦЕРН, повышают свой авторитет не только за счет совершенствования своей деятельности на столь значимых и ответственных объектах, но и за счет PR-эффекта от участия в мегасайенс-проекте. К социальным эффектам относится и подготовка высококвалифицированных научных кадров: так, заработная плата участвующих в деятельности ЦЕРН исследователей (правда, речь идет в основном о студентах и молодых ученых) на рынке труда повышается на 5–13% в зависимости от научной дисциплины [1].

Также приветствуется экономический эффект спин-оффов (англ. – побочный продукт, ответвление), то есть деятельность с использованием основных технологий мегасайенс-проектов. Ведется консультационная и образовательная деятельность по предпринимательству и созданию собственного бизнеса. Тем не менее, сложности, связанные с наглядностью положительных эффектов мегасайенс-проектов для рядовых налогоплательщиков, остаются.

Трудности возникают и внутри системы мегасайенс. Так, например, подпроект швейцарского междисциплинарного мегасайенс-проекта «Инициатива по развитию системной биологии», предусматривавший создание централизованного репозитория данных для всех исследовательских групп проекта, не удалось реализовать из-за несогласованных действий IT-специалистов и исследовательских групп биологов [1]. В мировой практике используют-

ся различные инструменты для получения обратной связи от исследователей: это создание специальных «пользовательских комитетов», которые включают работающих в проекте исследователей и выступают как коллективные органы, доносящие до руководящих органов возникающие проблемы и пожелания, проведение социологических опросов, а также неформальная обратная связь.

Учитывая описанные особенности функционирования мегасайенс-проектов, актуализируется и вопрос об ответственности за результаты деятельности коллективного субъекта науки. Могут ли члены коллабораций, знающие детали именно своей работы, своей области знания, быть полностью ответственны за конечный результат? Могут ли быть ответственны за него только члены коллабораций, выполняющие управленческие и контрольные функции, но не владеющие информацией о деталях проектов? Возникают спорные вопросы и в области авторского права: впервые они были поставлены еще в середине XX в., а в настоящее время ситуация только обострилась. Кроме того, с учетом неравномерности распределения знания между субъектами познания, которые имеют ограниченный доступ к частям объекта познания, а также нестабильности состава коллабораций, возникает вопрос о целостности коллективного субъекта науки как ответственного за результаты своей деятельности. Кто несет ответственность за опровержение ранее опубликованных открытий, имеющих большой научный резонанс и немалую стоимость исследований? «...Кто именно и что знает в том случае, когда коллаборация публикует утверждение об открытой частице? Ведь те члены коллаборации, которые знают детали той или иной техники, мало представляют ситуацию в целом, а те, которые контролируют целостность, не владеют деталями», – отмечает В.С. Пронских [13]. Так, если взять Европейский консорциум исследовательских инфраструктур (European Research Infrastructure Consortium, ERIC) в качестве примера новой уникальной организационно-правовой формы юридических лиц, используемых в научно-исследовательской деятельности, в том числе в мегасайенс-проектах, можно обратить внимание, что ЕС, а также члены консорциума не несут ответственности по обязательствам ERIC. Тем не менее, поскольку функционирование исследовательской инфраструктуры может быть сопряжено с серьезны-

ми рисками для людей (например, когда речь идет об исследовательских ядерных реакторах и аналогичных установках, порождающих радиоактивное излучение), предусмотрено, что «ERIC заключает надлежащие договоры страхования с целью покрытия рисков, связанных со строительством и функционированием инфраструктуры» [20, с. 146].

Сложноорганизованная коллективная практика подводит к идее коллективной ответственности (в синонимичном контексте употребляются понятия корпоративной, групповой, солидарной, институциональной, метаинституциональной ответственности [11, с. 76]) и порождает проблемы несправедливого распределения ответственности между членами группы. Будет ли это солидарная или пропорциональная ответственность? Если пропорциональная, то как определить степень участия – по вкладу в объект исследования, по степени наделенности властью, по времени участия? Рассматривая социально-правовые аспекты деятельности коллективного субъекта, следует обратить внимание на такой значимый факт при определении вины, как намерение. Критики коллективной ответственности определенно заявляют, что коллективного намерения быть не может, как и моральной ответственности целой группы. И намерение, и моральная ответственность – понятия, которыми наделяется только индивид. В случае же коллективного действия субъект не несет единоличной ответственности, ведь обязанности, которыми он наделен, не требуют высокой степени осмысления действий коллективного или индивидуального субъекта, результат коллективных действий неочевиден, способность предвидеть последствия своих действий уменьшается, чувство ответственности ослабляется.

Итак, мегасайенс-проекты вызвали глобальную трансформацию культуры научного взаимодействия. Они показали необходимость объединения ученых, работающих над общими целями, важность поиска эффективных механизмов равноправного общения, регулирования отношений в социально-правовой сфере. Возможно, вовлеченность государств в международные проекты, совместное, коллективное вложение и использование материальных, физических, интеллектуальных ресурсов, справедливое нормативное регулирование данных процессов помогут преодолеть напряженность в обществе и работать на благо всего человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Н. Мегауправление для мега-проектов // Атомный эксперт. 2022. № 9. URL: https://atomicexpert.com/mega-management_for_megaprojects
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Онтологии и риски цифрового техноуклада: к вопросу о представлении социотехнического ландшафта // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 2. С. 51–60.
3. Атаманов С.А., Косаруков З.С. Что за машиночитаемое право? // Учет недвижимости. 2021. 6 августа. URL: <http://кадастр.москва/news/669>
4. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013.
5. Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.
6. Кожеуров Я.С., Теймуров Э.С. Понятие, признаки и правовая природа глобальной исследовательской инфраструктуры // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 130–141.
7. Миронов В.В. Погружение в дигитальную пещеру Платона? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 6. С. 80–93.
8. Мисостишхов Т.З. Персонализированное право и фундаментальные права // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 56–73.
9. Мошкова Д.М., Лозовский Д.П. Правовые аспекты реализации мегасайенс-проектов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 7. С. 34–41.
10. Петрова Е.В. Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 25–35.
11. Платонова А.В. Субъекты морально-го сознания в современном обществе: о типах коллективной ответственности // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 75–79.
12. Проект «Сколково». Концепция развития технологий машиночитаемого права. URL: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021._Концепция_МЧП._Внесение_после_РГ.pdf
13. Пронских В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.
14. Савельев А.И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. 2019. № 4. С. 174–195.
15. Ситник А.А., Ткаченко Р.В. Правовое регулирование финансирования мегасайенс-проектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 48–64.
16. Ткаченко Р.В. Финансово-правовые отношения и ключевые юридические категории в сфере мегасайенса // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 55–62.
17. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
18. Хабриева Т.Я. Введение // Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2020. С. 20–30.
19. Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.
20. Четвериков А.О. Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 141–150.
21. Четвериков А.О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Ч. 1 // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 13–27.
22. Bender, P.M., 2020. Limits of personalization of default rules: towards a normative theory. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3544029
23. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>
24. United Nations General Assembly. Resolution 68/167 «The right to privacy in the digital age». URL: <https://digitallibrary.un.org/record/764407>

REFERENCES

1. Andreeva, N., 2022. Megaupravlenie dlya megaproektov [Mega management for mega projects], URL: https://atomicexpert.com/mega-management_for_megaprojects (in Russ.)
2. Arshinov, V.I. and Budanov, V.G., 2019. Ontologii i riski tsifrovogo tekhnouklada: k voprosu o predstavlenii sotsiotekhnicheskogo landshafta [Ontologies and risks of the digital

technostructure: on the issue of representing the sociotechnical landscape], *Slozhnost'*. Razum. Postneklassika, no. 2, pp. 51–60. (in Russ.)

3. Atamanov, S.A. and Kosarukov, Z.S., 2021. Chto za mashinochitaemoe pravo? [What is machine-readable law?]. URL: <http://kadastr.moskva/news/669> (in Russ.)

4. Voinikanis, E.A., 2013. Pravo intellektual'noi sobstvennosti v tsifrovuyu epokhu: paradigma balansa i gibkosti [Intellectual property law in the digital age: a paradigm of balance and flexibility]. Moskva: Yurisprudentsiya. (in Russ.)

5. Galison, P., 2018. Kollektivnyi avtor [Collective author], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 93–113. (in Russ.)

6. Kozheurov, Ya.S. and Teimurov, E.S., 2019. Ponyatie, priznaki i pravovaya priroda global'noi issledovatel'skoi infrastruktury [The concept, features and legal nature of the global research infrastructure], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 130–141. (in Russ.)

7. Mironov, V.V., 2020. Pogruzhenie v digital'nyu peshcheru Platona? [Diving into Plato's digital cave?], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 6, pp. 80–93 (in Russ.)

8. Misostishkhov, T.Z., 2020. Personalizirovannoe pravo i fundamental'nye prava [Personalized law and fundamental rights], *Tsifrovoe pravo*, Vol. 1, no. 4, pp. 56–73. (in Russ.)

9. Moshkova, D.M. and Lozovskii, D.P., 2019. Pravovye aspekty realizatsii megasaiens-proektov [Legal aspects of the implementation of megascience projects], *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, no. 7, pp. 34–41. (in Russ.)

10. Petrova, E.V., 2021. Obraz informatsionnogo obshchestva v kul'ture: optimism smenyaetsya pessimizmom? [The image of the information society in culture: optimism gives way to pessimism?], *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 25–35. (in Russ.)

11. Platonova, A.V., 2013. Sub'ekty moral'nogo soznaniya v sovremennom obshchestve: o tipakh kollektivnoi otvetstvennosti [Moral agents in modern society and types of collective responsibilities], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 373, pp. 75–79. (in Russ.)

12. Proekt «Skolkovo». Kontseptsiya razvitiya tekhnologii mashinochitaemogo prava [Skolkovo project. The concept of development of machine-readable law technologies]. URL: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021._Концепция_МЧП._Внесение_после_ПГ.pdf (in Russ.)

13. Pronskikh, V.S., 2018. Kollaboratsiya bol'shoi nauki kak vyzov transtsendental'nomu sub'ektu [Collaboration of big science as a challenge to the transcendental subject], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 88–92. (in Russ.)

14. Savel'ev, A.I., 2019. Na puti k kontseptsii regulirovaniya dannykh v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Towards the concept of data regulation in the digital economy], *Zakon*, no. 4, pp. 174–195. (in Russ.)

15. Sitnik, A.A. and Tkachenko, R.V., 2020. Pravovoe regulirovanie finansirovaniya megasaiens-proektov [Legal regulation of financing mega science projects], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 5, pp. 48–64. (in Russ.)

16. Tkachenko, R.V., 2021. Finansovo-pravovye otnosheniya i klyuchevye yuridicheskie kategorii v sfere megasaiensa [Financial and legal relations and key legal categories in the field of megascience], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, Vol. 16, no. 5, pp. 55–62. (in Russ.)

17. Khabrieva, T.Ya., 2018. Pravo pered vyzovami tsifrovoi real'nosti [Law facing the challenges of digital reality], *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 5–16. (in Russ.)

18. Khabrieva, T.Ya., 2020. Vvedenie [Introduction]. In: Khabrieva, T.Ya. and Chernogor, N.N., 2020. Budushchee prava. Nasledie akademika V.S. Stepina i yuridicheskaya nauka. Moskva: NITs INFRA-M, pp. 20–30. (in Russ.)

19. Khabrieva, T.Ya., 2021. Identifikatsiya prava v sovremennoi sotsial'noi regulyatsii [Identification of law in modern social regulation], *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 5–17. (in Russ.)

20. Chetverikov, A.O., 2019. Evropeiskie konsortsiумы issledovatel'skoi infrastruktury: mezhdunarodnye organizatsii po evropeiskomu pravu ili yuridicheskie litsa sui generis? [European research infrastructure consortia: international organizations under European law or sui generis legal entities?], *Lex Russica*, no. 7, pp. 141–150. (in Russ.)

21. Chetverikov, A.O., 2018. Organizatsionno-pravovye formy bol'shoi nauki (megasaiens) v usloviyakh mezhdunarodnoi integratsii: sravnitel'noe issledovanie. Ch. 1 [Organizational and legal forms of big science (megascience) in the context of international integration: a comparative study. Part 1], *Yuridicheskaya nauka*, no. 1, pp. 13–27. (in Russ.)

22. Bender, P.M., 2020. Limits of personalization of default rules: towards a normative theory. URL:

https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3544029

23. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive

95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>

24. United Nations General Assembly. Resolution 68/167 «The right to privacy in the digital age». URL: <https://digitallibrary.un.org/record/764407>

